

СУРГУТ И СУРГУТЯНЕ

С УРГУТ П УРГУТЯНЕ

составитель Г.В. Кондрякова

**Предприниматель
Ю.Л. Мандрика
Тюмень, 1998**

ББК 84-9
С 90

С 90 СУРГУТ И СУРГУТЯНЕ: Рассказ о людях и времени/Сост. Г.В. Кондрякова. — Тюмень: Предприниматель Ю.Л. Мандрика, 1998. — 256 с.

- © Администрация г. Сургута (издание), 1998.
- © Предприниматель Ю.Л. Мандрика (оформление), 1998.
- © Кондрякова Г.В. (составление), 1998.
- © Дыба В.В. (дизайн), 1998.

ISBN 5-93020-001-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Милая светлая Родина. Сургут и сургутяне, эта книга о вас и для вас.

«Будь сыном своей Родины, глубоко почувствуй свою связь с родной почвой, сыновнее относись к ней, возврати старицей то, что получил от нее», — говорил великий педагог К.Д. Ушинский. И, следуя его совету, мы постарались рассказать о тех людях, кто возвратил и возвращает старицей Сургуту, отдавая себя делу служения ему.

Первым в этом списке мы назвали почетного гражданина города Ф.Я. Показаньева. Вклад его поистине неоценим, он писал историю города, становился сам участником исторических событий, заботясь о том, чтобы дела и люди, память и знания остались потомкам.

Во всем пунктуальный, до предела честный, он еще при жизни составил перечень своих добрых дел. Так что автору этой книги осталось собрать, систематизировать огромный архив этого уважаемого сургутянина.

Мы решили рассказать о старом Сургуте, его улицах, некоторых старожилах. То есть воссоздать ту среду, в которой жил, трудился и работал почетный гражданин города, чьим именем освящена эта книга.

ЕННЕ МАРКА ВСЕГДА БЫВАЕТ
ПОТОМУ ЧТО ОНО ВЕРНО!
В М. А. СЕРГЕЕВ

ФЛЕГОНТ ЯКОВЛЕВИЧ
ПОКАЗАНЬЕВ

НАША НАШЕЙ ЭПОХИ

*Старшему товарищу, моему наставнику
Ф.Я. Показаньеву посвящаю*

ГОДЫ ТВОИ — ПЕСНИ ТВОИ

*Когда по улицам Сургута
Плывет задумчивый рассвет,
Ты слышишь в их рабочем гуде
Напевы звонких прошлых лет.*

*В них вплетены так ярко, зримо,
С младенческих шагов твоих,
Все голоса тобой любимых
Друзей — и павших, и живых.*

*Идешь ты, а на стройках краны.
Тебе — поклон. Сплошным кольцом
Весь город сразу, как с экрана,
Тебя приветствует в лицо.*

*Помолодевшим, обновленным,
Таким доверчиво-простым
И милым, где все так знакомо,
Где с каждым кустиком на «ты».*

*Где улыбнется вдруг наличник
Сосновой рубленой избы,
Сама краса в простом обличье,
Кайма затейливой резьбы.*

*Спешат, спешат тебе навстречу
Над вольной Обью облака,
И гасит звезды, словно свечи,
Небес хозяйская рука.*

*А ветры вдруг доносят голос,
Такой бесхитростный, живой:
«Партийцы не считают годы
И не уходят на покой».*

Н.Ф. Заболотнева

**ФЛЕГОНТ ЯКОВЛЕВИЧ ПОКАЗАНЬЕВ
(ИЗ АВТОБИОГРАФИИ)**

Родился 17 января 1922 года в селе Карасье Юргамышского района Курганской области. В 1941 году окончил 10 классов сургутской средней школы. Поступил в Омский педагогический институт в городе Тобольске на историко-филологический факультет. Учился два месяца. В то же время пришлось работать на уборке урожая в колхозе, на выгрузке бочек с соленой рыбой из барж, на распиловке дров на городской электростанции.

В ноябре 1941 — феврале 1942 гг. работал учителем русского языка в татарской НСШ в деревне Карбаны Ярковского района.

3 марта 1942 года призван в Красную Армию. Службу начал в Уральском военном округе. Участник Великой Отечественной войны. Участвовал в освобождении Донбасса, Северной Таврии, Крыма, Литвы в составе 33-й и 87-й стрелковых дивизий второй Гвардейской армии на Южном, четвертом Украинском, первом Прибалтийском фронтах. Был сапером, разведчиком, минометчиком. Дважды ранен. Имею награды.

В августе 1944 г. из Литвы направлен на учебу в Челябинское танковое училище. В декабре 1945 успешно закончил учебу. Служил в частях Забайкальского военного округа на должностях командира танкового взвода, командира танковой роты, помощника начальника штаба и начальника штаба танкового батальона в 201-м армейском тяжелом танко-самоходном полку, в 54-м учебном танковом полку, в 47-м отдельном учебном танковом батальоне, в 22-м и 21-м гвардейских танковых полках пятой гвардейской танковой дивизии.

В 1950 году с отличием закончил дивизионную партийную школу. В 1952 году с отличием закончил курсы усовершенствования офицерского состава Забайкальского военного округа. Навечно занесен на Доску Почета ЗабВО. При увольнении в запас, в августе 1957 года, имел 70 (семьдесят) поощрений командования за успехи в боевой и политической подготовке.

С 1945 по 1957 гг. был агитатором, политинформатором, лектором, пропагандистом, секретарем партийной организации роты, членом партийного бюро батальона. Обычно эти общественные

поручения выполнял одновременно. Неоднократно избирался делегатом партийной конференции пятой гвардейской танковой дивизии. Один раз избирался делегатом Оловяннинской районной партийной конференции Читинской области.

В комсомоле состоял в 1942–1944 годах. С 1945 года — член КПСС.

После увольнения в запас, с октября 1957 года, работал преподавателем физкультуры и военного дела в сургутской средней школе № 1, принимал активное участие в общественной работе. Был секретарем партийной организации, пропагандистом, нештатным инструктором райкома КПСС, вел уроки истории в вечерней школе. участвовал в художественной самодеятельности. Восстановил историю школы с 70-х годов XIX века, начал вести летопись.

1 апреля 1960 года утвержден заведующим районным отделом культуры. 1 сентября 1961 года — заведующим отделом пропаганды и агитации райкома КПСС. С 1 января 1963 года до ухода на пенсию — инструктор, зав. кабинетом политпросвещения, ответственный секретарь районной организации общества «Знание», инструктор горкома КПСС.

Все эти годы выполнял большую общественную работу. Часто выступал с лекциями перед населением, на радио и телевидении. Занимался краеведческой работой, популяризацией истории и перспектив развития нашего края. Опубликовал в газетах более 200 различных материалов и статей. Автор книг «Город Сургут и Сургутский район» (1972), «Краткий очерк истории Сургутской партийной организации» (1974) и «Сургут в годы Великой Отечественной войны» (1975), обе совместно с И.П. Захаровым, «Сургут» (1987) совместно с Л.В. Петровой (Цареградской).

В 1960 году создал городскую редакцию радиовещания на общественных началах. До утверждения штатной должности был руководителем, автором, диктором. К 1963 году собрал сотни экспонатов по истории города и края, 30 ноября 1963 г. открыл краеведческий музей на общественных началах. До утверждения штатной должности несколько лет был заведующим, хранителем фондов, экскурсоводом.

В 1963 и в 1968 годах по моей инициативе и при личном активном участии проведено празднование 370-летия и 375-летия Сургута.

Установил важнейшие исторические события, собрал фактический материал, составил мемориальные тексты, защитил и утвердил их в соответствующих органах, изыскал средства, заказал в мастерских Художественного фонда 12 мраморных мемориальных досок и установил их на зданиях старого города. Восстановил, в основном, историю города со дня основания (1593).

Разработал десятки лекций и докладов по древней истории, революционной истории, советской истории Сургута и Среднего Приобья. В 1968 году был делегатом пятого съезда Всесоюзного общества «Знание». Прочитал более 1600 лекций.

15 февраля 1966 г. создал городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры на общественных началах. Шесть лет, до утверждения штатной должности, был председателем, секретарем, казначеем. В июне 1966 года был делегатом первого Всероссийского съезда общества. Шесть лет был заместителем председателя общества (1972–1978).

В 1966 году создал экскурсионное бюро на общественных началах. Несколько лет, до утверждения штатной должности, был руководителем, методистом, экскурсоводом. Много лет проводил беседы и экскурсии с иностранными делегациями и научными экспедициями. Оказывал услуги и помощь писателям, журналистам центральных изданий, работникам искусства, археологам, архивным и музейным работникам из других городов. Проводил археологические раскопки, описание археологических памятников. Снимался в документальных кинофильмах «Путешествие в будни», «Наша биография».

С 1971 по 1981 гг. был заместителем председателя правления и председателем ревизионной комиссии городской организации общества «Знание».

В марте 1970 года совместно с И.П. Захаровым и Г.Ф. Пономаревым создал городской совет ветеранов войны и труда. С 1970 по 1981 гг. был заместителем председателя совета, с 1981 по 1989 — председателем совета ветеранов.

Был активным членом многих общественных организаций. Помогал РК, ГК ДОСААФ, военкомату, школам, детским дворовым клубам.

Установил имена 1065 сургутян, погибших в годы Великой Отечественной войны (1967–1991). Памятник погибшим открыт в Сургуте в 1968 г.

Установил имена 80 сургутян, погибших в борьбе за установ-

ление советской власти в Сургутском уезде (1958—1984). Мемориальные доски у братской могилы установлены в 1987 году.

Установил имена сургутян, незаконно репрессированных во времена культа Сталина.

В декабре 1967 г. мне присвоено звание Заслуженный работник культуры РСФСР. В апреле 1988 г. присвоено звание Почетный гражданин города Сургута. Награжден почетными грамотами и памятными адресами партийных, советских, комсомольских и других общественных организаций (всего на 1 апреля 1991 г. — 67), а также ценными подарками.

СЛОВО О ТОВАРИЩЕ

1 марта в сургутской библиотеке семейного чтения прошла встреча с автором книги «Город древний, город славный» — Флегонтом Яковлевичем Показаньевым.

В тот вечер мы слушали интересный рассказ об истории нашего края, впитывая в себя каждое слово, сказанное человеком, который сам, уже при жизни, стал ее неотъемлемой частью.

Мне, как, пожалуй, и всем участникам той встречи, запомнилось яркое, убедительное выступление Флегонта Яковлевича. Он высказывал свое, во многом своеобразное видение истории Сургута, делился творческими планами на будущее.

Вряд ли кто из присутствовавших на этой встрече в библиотеке предполагал, что для Флегонта Яковлевича она окажется последней.

В разгар беседы ему вдруг стало плохо. Вызванная бригада «Скорой помощи» сумела ему снять давление и доставила в больницу. Глубокой ночью Флегонт Яковлевич скончался, так и не придя в сознание.

Это известие ошеломило всех, кто его знал. Еще вчера мы видели его, общались с ним...

В такие минуты невольно задумываешься о чем-то глобальном, вечном, о том, как же в этом мире все взаимосвязано и символично. Даже смерть, эта «злая старуха с косой», как бы подчеркивала глубинную суть этого человека и, отдавая ему должное, настигла его, как настоящего мужчину, солдата — в строю, среди людей, за тем делом, которому он посвятил всю жизнь, считал своим гражданским долгом.

«Большое видится на расстоянии» — гласит старая мудрость. Вот и в данном случае с расстояния прошедшего времени начинаешь осознавать, что в тот трагический мартовский вечер оборвалась жизнь Человека, масштаб и значимость многогранной личности которого для нашего края еще предстоит оценить и осознать.

И безусловно, жизнь и деятельность Флегонта Яковлевича Показаньева будет служить, особенно нам, молодым, ярким примером любви к своей Родине и преданности своему делу.

Андрей Локотков

* * *

Флегонта Яковлевича я знал около тридцати лет. Мы познакомились, когда он работал в Сургутском райкоме партии, а я — на комбинате производственных предприятий треста «Сургутгазстрой». Очень часто встречались на различных партийных заседаниях, собраниях.

Это был хороший, отзывчивый человек. Мы тогда как-то более слаженно работали, не было раздоров, разногласий.

А потом уже, когда был создан городской совет ветеранов, он был его председателем в течение восьми лет, а я членом городского совета ветеранов. Так что мы встречались часто, хорошо знали друг друга.

Таких людей побольше бы. Если на какой-нибудь вопрос не знаешь ответа, он обязательно объяснит, разъяснит. Был мягким, пытался каждому помочь. Умел работать с людьми. Никогда не был бюрократом.

За два дня до смерти мы встречались в совете ветеранов, много говорили о делах, о газетах, о журнале. Он еще многое хотел сделать.

Фактически создание нашей структуры, а сейчас в состав городского совета ветеранов входит около 40 первичных организаций на предприятиях, — заслуга Флегонта Яковлевича. Будучи председателем городского совета ветеранов, он очень многое сделал для ветеранов войны, участников трудового фронта, вдов погибших солдат.

При его участии было создано при городском совете ветеранов общество «Старожилы города», в которое вошли люди, прожившие в Сургуте более 25 лет, а также клуб «Слава».

Очень, очень много сделал этот человек для ветеранского движения и города в целом. И сейчас, после его смерти, он все равно остается с нами в строю.

*Т. Ф. Носков,
заместитель председателя Сургутского
городского совета ветеранов*

* * *

Я приехала в Сургут в 1962 году и сразу же познакомилась с Флегонтом Яковлевичем Показаньевым. Он в то время работал в райисполкоме.

Памятный для меня момент, когда он возглавил инициатив-

ную группу по созданию в городе совета ветеранов, в которую вошла и я. С того дня и началась история ветеранского движения в Сургуте.

Флегонт Яковлевич был очень энергичным человеком. Всегда у него была масса идей, предложений. И мне очень нравилось в нем, что он никогда не льстил, все его слова были справедливы и точны.

В канун 40-летия Победы, в то время Показаньев возглавлял совет ветеранов, возникла идея создания клуба «Фронтовые подруги».

Это общественная патриотическая организация. Флегонт Яковлевич, будучи председателем совета ветеранов, очень активно участвовал в нашей работе. Он посещал все торжественные заседания вместе с супругой Лилией Николаевной. Мы его даже называли «фронтовой подругой». Он очень любил песни, которые исполнял наш ансамбль. Специально для него мы приготовили песню «Белая береза», которую исполнили в честь 70-летнего юбилея Флегонта Яковлевича.

Это был человек, который пропускал все через себя. Он был немногословен, но когда говорил, то к этому все прислушивались.

Очень кропотливую изыскательскую работу он проводил и всегда радовался открытию тех людей, которые что-то делали для города.

Его отличала какая-то неуспокоенность. Он организовал радиовещание в городе, занимался с обществом «Знание», и, когда руководил им, оно очень активно работало. Начал создавать краеведческий музей.

И так всю жизнь.

Последняя наша совместная задумка — создание солдатского музея в городе Сургуте. Теперь мечта вряд ли сбудется, потому что другого человека, который мог бы это осуществить, я не вижу.

Он был очень заинтересованным человеком и никогда не ревновал, если у кого-то получалось лучше. Напротив, он всегда радовался успехам других.

Флегонт Яковлевич очень много работал, и это давалось ему нелегко. Поэтому так вот получилось, что он, можно сказать, умер на посту, как умирают артисты на сцене. Жаль, что его больше нет с нами.

*Л. И. Золотухина,
председатель клуба «Фронтовые подруги»*

ИЗ ПАРТИЙНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Показаньев Флегонт Яковлевич, 1922 года рождения, русский, образование среднее, член КПСС с 1945 года, работает ответственным секретарем общества «Знание» Сургутского района.

Показаньев Ф.Я. окончил 10 классов сургутской средней школы. После школы он с 1942 по 1957 годы служит в рядах Советской армии. По возвращении из армии, Показаньев три года работает физруком сургутской средней школы № 1.

Затем полтора года работает заведующим районного отдела культуры, с 1961 по 1963 — заведующим отдела пропаганды и агитации райкома партии, с 1963 — инструктором этого же отдела райкома КПСС.

В 1965 году Показаньев избирается ответственным секретарем районного общества «Знание», где работает до настоящего времени.

На советской и партийной работе Ф.Я. Показаньев показал себя только с положительной стороны. Работая в отделе пропаганды и агитации райкома КПСС, он много приложил сил для улучшения агитационной и лекционной пропаганды.

При его активном участии в Сургуте создан краеведческий музей на общественных началах, в котором собран богатый материал по истории родного края.

Показаньев Ф.Я., работая секретарем общества «Знание», развернул лекционную пропаганду в районе, вовлек новых членов общества. К работе относится добросовестно, проявляет инициативу в решении вопросов, принципиален и требователен, систематически выступает с докладами и лекциями перед населением по вопросам развития экономики и культуры района.

Показаньев Ф.Я. постоянно работает над повышением своего идейно-политического уровня, пользуется заслуженным авторитетом среди трудящихся города и района.

Показаньеву Ф.Я. присвоено почетное звание Заслуженный работник культуры РСФСР.

Политически грамотен, морально устойчив, исполнительен.

* * *

Показаньев Флегонт Яковлевич, 1922 года рождения, русский, образование среднее, член КПСС с 1945 года

В октябре 1957 года, демобилизовавшись из рядов Советской армии, Показаньев поступил на работу в сургутскую среднюю школу учителем физкультуры.

26 марта 1960 года, с целью укрепления аппарата отдела культуры исполкома райсовета, улучшения работы сельских и районных учреждений культуры, решением бюро райкома КПСС Показаньев направляется заведующим районного отдела культуры.

Показаньев Ф.Я. систематически повышает свой политический уровень. С 1957 года до последнего времени работал пропагандистом в кружке политпросвещения при средней школе, часто выступает перед учителями и населением с политическими лекциями и докладами. Работает внештатным инструктором отдела пропаганды и агитации райкома КПСС.

Показаньев требователен к себе и к товарищам по работе, принципиален в решении вопросов. Пользуется заслуженным авторитетом среди работников отдела, учреждений культуры и трудящихся района. Занимаемой должности соответствует.

*Характеристика утверждена
на заседании бюро РК КПСС
26 апреля 1960 года.*

ГДЕ И КАК Я ЖИЛ, КОГДА УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ

2—4 классы. Февраль 1932 г. — апрель 1934 г.

Жил в поселке Банном с родителями.

Переселенческий поселок Банный построен в 1931—1932 гг. В январе 1932 года в поселок приехал учитель, немец по национальности, Ян Борисович Варкентин. Он собрал родителей, переписал детей, проверил их знания и способности, укомплектовал классы — первый и второй. В первом классе я не учился. К 10-ти годам уже бойко читал, писал. Считал, решал задачи, знал наизусть много стихотворений, отрывки из «Полтавы», «Медного всадника», «Евгения Онегина», из поэм Лермонтова и Некрасова, других российских поэтов. Отец по тем временам был человеком грамотным, имел образование в объеме приходской школы. После его чтения вслух я все быстро и накрепко запоминал. Учитель записал меня и моего брата Василия 13-ти лет во второй класс.

Школу открыли в одной половине типового дома, в другой половине жил учитель со своим братом. Партами служили добротнo сколоченные столы топчанного типа. Таковыми же были и скамьи. К 1 мая учебный год закончился. Я перешел в третий класс. Учился хорошо. Честно говоря, мне во втором классе нечего было учить. Однако мне часто попадало от учителя за неумение пересказать своими словами содержание прочитанного. Однажды прочитанный текст мог повторить только дословно. Такая же картина была в третьем и четвертом классах при учителе Дмитрии Саввиче Кубрике.

Помнится много мелочей из школьной жизни тех лет, но упомяну об одной. Не было учебников по арифметике, задачи, порой замысловатые, придумывал учитель, иногда прямо по ходу занятия, и вот я, не дожидаясь конца постановки условия задачи, предвидел решение и тянул руку, в готовности дать точный ответ раньше других, за что мне также попадало.

Мелочь, которая не относится к учебе, — это незатаивающее чувство голода, горькие лепешки из березовой коры и невообразимая бедность...

5 класс. Сентябрь 1934 г. — май 1935 г.

Учился в Черномысовской неполной средней школе. Жил в школьном интернате,строенном в обыкновенном жилом доме на две половины. В одной половине жили парнишки, в другой — девчонки из разных переселенческих поселков Сургутского района. Этот интернат существовал один учебный год.

Ни воспитателя, ни уборщицы не было. Сами хозяйничали. сами себе варили у кого что было. Спали на деревянных топчанах. Сами кололи дрова, топили печь, носили воду. Единственным добровольным наблюдателем был старый учитель Константин Михайлович Лосев, который жил поблизости и по вечерам заходил, предварительно постояв под окнами, чтобы увидеть наши проделки, журил за беспорядки, заставлял учить уроки.

Жил плохо, голодно. Особенно голодно было в осеннюю и весеннюю распутицу, когда надолго прерывалась связь с домом. Тогда я переставал учить уроки, ходил с удочкой к реке, в надежде поймать рыбу. Зимой каждую субботу после занятий вместе с другими ребятами бежал домой за 20 километров, а на другой день — обратно, нагрузившись картошкой, мороженым молоком, солеными чебаками. Это запас на неделю.

Брат Василий в пятом классе уже не учился. В то время отец, старший брат Григорий и сестра Людмила работали далеко от дома, а с матерью оставались еще двое маленьких детей — Руфина и Борис, да два старика. Василий остался за старшего в доме.

6 класс. Сентябрь 1935 г. — май 1936 г.

Первую половину зимы, до Нового года, жили в бане рыбозавода вместе с отцом, где он по направлению комендатуры работал плотником. Уроки учить бегал, обычно босиком по снегу, к однокласснице Жене (Евгении Осиповне) Южаковой, которая жила поблизости. Баню топили через день. Тепло сменялось холодом, сырость — оледенением. Днем одному оставаться в бане было боязно, уроки учить неудобно, поэтому я убегал к Жене.

Вторую половину зимы жил на квартире у бабушки Тетериной и также каждую неделю бегал домой, на Банное. Однажды вышли поздно вечером. Был сильный мороз. Ходу — 4 часа. Мои бродешки проносились, носки протерлись, соломенные стельки вылезли. Через два часа ноги сильно замерзли, потом стали коченеть. До дому оставалось пять километров, а я уже не мог ни шагать, ни бежать. Хорошо, что нас догнал Кирилл Моисеевич

Костылев, по просьбе ребят взял меня и довез до дома. Бродешки примерзли к пяткам, пришлось их разрезать. Обмороженные ступни удалось спасти растиранием и собачьим салом. Только кое-где облезла кожа.

Помню, как мы с бабушкой Тетериной проводили операцию с котом. Кот был блудный. Хозяйка решила сделать его более домовитым. Разъяснив мне задачу, она затолкала кота вниз головой в старый валенок и велела крепко держать, а сама, как опытный ветеринар, провела операцию. После этого кот стал спокойным и домовитым, мышей ловил.

7 класс. Сентябрь 1936 г. — май 1937 г.

До зимних каникул жил у Ивана Тимофеевича Менщикова. Его жена, Антонина Степановна, была дочерью бабушки Тетериной. Их сын Михаил был моим ровесником, учились вместе. В то время с ними жили старики — родители Ивана Тимофеевича.

Иван Тимофеевич и сын Михаил Иванович погибли в Великую Отечественную войну.

Помню, как ночи просиживал в своем уголке над интересными книжками при керосиновой лампе до потери ориентации в комнате, получая не раз замечание от бабушки за расход керосина.

После каникул жил у Парасковьи Михайловны Востряковой вместе с Марией Матошиной (Марией Родионовной Ситниковой). У Парасковьи Михайловны было шестеро детей, а муж незаконно репрессирован. Наши родители ей немного платили. Жили в тесноте, спать негде, уроки не учил — негде, а учился всегда хорошо. Единственной радостью и праздником были походы домой, как и в прежние годы.

По окончании семи классов год не учился — надоела такая жизнь. Продолжать учебу и жить в таких условиях не было больше мочи. Работал кучером и водовозом на рыбозаводе и в колхозе «Новая жизнь» в п. Банном. Однако жизнь водовоза оказалась не слаще жизни ученика седьмого класса. Жил в конюховке, изо дня в день ел одно и то же блюдо, самое дешёвое в заводской столовой, — «суп-лапша картофельный». Получал 150 рублей в месяц, в то время, как простой хлеб стоил 90 коп. за килограмм, а белый хлеб стоил 1 руб. 50 коп. и 2 руб. 70 коп. за килограмм.

Прошел год. Семейей решили: надо продолжать учебу, несмотря на трудности и неудобства жизни.

8 класс. Сентябрь 1938 г. — май 1939 г.

Учился в Сургутской средней школе. Жил на Черном Мысу у Веры Андреевны Овсянкиной. Вместе со мной жили сестра Руфина (6 класс) и товарищ — Константин Доронин (8 класс). Все трое спали на полатах. У Веры Андреевны было пятеро малых детей, а муж незаконно осужден и сгинул бесследно. Мы сами заготавливали на болоте и возили на санках сухостой на дрова, сами варили еду. Жили самостоятельно, трудно. Но уже серьезнее относились к учебе.

9 класс. Сентябрь 1939 г. — июнь 1940 г.

Мы с Костей Дорониным жили в Сургуте у Константина Рычипова. Его жена — Анна Алексеевна. У них два сына — Геннадий и Сергей. Стало ближе ходить в школу. Больше возможности учить уроки. Однако жили тяжело, впроголодь, одевались плохо, но увлекались книгами, жили мечтой, верили в будущее.

10 класс. Сентябрь 1940 г. — июнь 1941 г.

Всю зиму жил в банновском колхозном интернате на Черном Мысу. Это был новый деревянный дом на две половины — для ребят и девочек, между ними — столовая и комната для технички. Она же повар. В столовой же и уроки учили. Колхоз выделял немного продуктов, и родители привозили. Ученики от 5 до 10 класса жили и питались вместе. Кстати, 10 класс закончили из банновских первые два человека — я и Анна Алексеевна Денисова, ныне заслуженная учительница РСФСР. Костя Доронин после 9 класса уехал учиться в Тобольский учительский институт.

Дрова теперь уже подвозили из колхоза с Банного, воду подвозил местный житель по договоренности с колхозом. Старшеклассники оказывали помощь в хозяйстве нашей «гостиницы» Марии Дягилевой. В комнатах путем самообслуживания поддерживался порядок. Жить стало легче. Голод уже не терзал, но угнетала вопиющая бедность одежды.

Экзамен за 10-й класс я сдал успешно, получил аттестат. А через три дня началась Великая Отечественная война.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА

Осенью 1929 года нашу семью выселили из собственного дома и поселили в бедняцкий на окраине деревни Калиновки, у так называемого Хромцовского редника. Редник — островок леса. Наш дом был новый, построен в 1923 году из толстого соснового бруса. Назывался крестовым. Было четыре комнаты: кухня (куть) спальня, столовая и зал. К кухне пристроены сени с чуланом (кладовка). Кухня — это большая комната с русской печью, большим обеденным столом и лавками вдоль стен. На кухне не только готовили щи, но и ели, и даже спали. А столовая и зал были чистыми комнатами, в которых по большим праздникам принимали гостей.

В 1933 году замужняя сестра Клавдия, не попавшая с нами в ссылку, писала, что наш дом перевезли из деревни Калиновка на станцию Мишкино и пристроили к зданию райисполкома.

В ночь на 16 февраля 1930 года нашу семью, как и другие, вывели из дома, посадили на подводы, разрешив взять минимум одежды, обуви, пищи, и увезли на станцию Мишкино. Там скопилось таких, как мы, много. Погрузили в товарные вагоны и повезли в Тюмень. Ехали долго. Сейчас, конечно, можно проследить по карте кратчайший маршрут, по которому тогда могли нас везти. По пути следования на станциях прицепляли к эшелону все новые и новые вагоны с такими же несчастными, как мы.

Наша семья, 12 человек, занимала нары первого яруса по ходу вагону. Я, когда не спал, сидел на нарах, прижавшись к передней стене. От тряски на стыках рельсов, на стрелочных переходах, при торможении и трогании состава я набил большую шишку на затылке и в конце концов разбил ее до крови...

В Тюмени опять посадили на подводы и повезли на Север. Обозы двигались медленно, было холодно и голодно. По дороге умерло много детей. Их не хоронили, а оставляли в деревнях на милость местных жителей и властей.

По прибытии обоза в деревню, долго устраивались на ночлег, а по утрам долго, с плачем полусонных детей, грузились на подводы, вытягивались в обоз и двигались к следующей деревне. Наш отец, узнав у конвоя, в какой деревне будет оче-

редная остановка, иногда уходил вперед и подыскивал дом для ночлега, потому что семью из 12 человек непросто было разместить.

К весне добрались до большого села Демьянское Уватского района. Там остановились на два месяца, на период распутицы. Наша семья разместилась в большом доме у одинокой женщины Надежды Ивановны. Здесь нам было просторно и свободно. Село Демьянское расположено на высоком берегу Иртыша, но была и подгорная часть. Дом, в котором мы жили, стоял на горе, недалеко от спуска в подгорную часть. По обе стороны спуска росли старые ели, то ли специально посаженные, то ли сохранившиеся от природы.

Помню расположение дома, обстановку. В одной комнате на стене висели картины «Город Архангельск» и «Пароход на Волге». В других комнатах на стенах в рамках висели фотокарточки, на которых чаще всего были запечатлены военные в одиночку и группами, в рост и сидя, как правило, в папах и с саблями. Сейчас-то я знаю, что это были солдаты Тобольского полка периода первой мировой войны. Среди них муж Надежды Ивановны, его сослуживцы и родственники.

Отец и старший брат Григорий не сидели сложа руки. Надо было кормить семью. Они занимались к местным жителям на различные работы: заготавливали дрова в лесу, переметывали сено во дворах, вывозили навоз на поля и т.д. За это получали картошку, соленую рыбу, иногда молоко. Однажды, а может быть, дважды, ездили с местными рыбаками на подледный лов карасей. Так познакомились с новым промыслом, который на долгие годы стал основным занятием.

Мы с братом Василием убегали на берег Иртыша, там играли. А когда пронесло лед, мы сделали открытие: нашли на окраине села, на берегу реки, старый заброшенный деревянный корпус катера с сохранившейся надписью «Сиротка». Потом, до самого отъезда из Демьянского, эта «Сиротка» была у нас излюбленным местом игр.

В начале июня всех переселенцев погрузили в трюмы парохода, повезли в Сургут. В трюмах было тесно, сыро, смрадно. В туалет и за кипятком всегда были очереди. Часто приходилось пользоваться ведром, но обычно в туалет нас отправляли с младшей сестрой Руфой. Я по возрасту более всего подходил для такого поручения.

На пароходе, кроме переселенцев, ехали и обычные пассажиры. На верхнюю палубу не пускали, но нам иногда удавалось прорываться и с любопытством смотреть на воду, на лодки, на берега. Тогда я впервые увидел маленькую лодку, по-сургутски — облас, на которой, ко всеобщему удивлению, среди крутых волн плыл один человек.

Если на пароходе не было пассажиров, выходящих на очередной пристани, то капитан в жестяной рупор спрашивал: «Пассажиры с берега есть? Нет?» Если пассажиров не оказывалось, то пароход, не останавливаясь, следовал дальше.

Прибыли в Сургут. Сначала всех разместили на несколько дней в школе. Потом — по квартирам. Мы попали в домик к бывшему купцу Ивану Ивановичу Тетюцкому, тоже выселенному из своего дома. Дедушка Калистрат Ильич с внуками Иваном и Александром каким-то чудом сумел уехать в Томскую область к сыну Егору Калистратовичу. Вернулся на другое лето.

Наступала варовая пора. Всех взрослых мужчин и подростков повезли на рыбогодия, чтобы легче было прокормиться. Мы поехали вчетвером: отец, братья — Григорий и Василий, и я. Сестру Людмилу 15-ти лет (неполных) устроили в няньки. У Тетюцких остались мать, бабушка Вера Николаевна, младшие дети Руфина и Борис, которому исполнился к тому времени один год. Иван Иванович любил держать его на руках и называл непременно Борис Годунов.

На рыбогодие ехали на моторно-парусной шаланде. Проезжая мимо деревни Широковой, остановились на противоположном берегу. К тому времени поспело много красной смородины. Но побрать ягод не удалось: в неподвижной тишине густых зарослей черемухи, смородины, высокой травы поднялись несметные тучи кровожадных комаров и выжили нас из леса.

Отец был оптимистом, не падал духом, подбадривал нас и других такими словами: «Не унывайте, ребята, скоро будем есть бескостную рыбу», т.е. осетров и стерлядей.

Через некоторое время мы, дети, вернулись в Сургут. Иван Иванович Тетюцкий с женой Надеждой Михайловной осенью уехали в Челябинск к сыну Ивану Ивановичу.

Нашу семью приписали к деревне Широковой. Отец тем временем построил в одном километре от деревни землянку, и к зиме все туда перебрались.

**НЕОСУЩЕСТВЛЕННАЯ
МЕЧТА**

В 1957 году я задумал написать книгу о спецпереселенцах. Спецпереселенцы — это бывшие кулаки и отнесенные к этой же категории крестьяне-середняки, лишенные прав и свобод, с конфискацией имущества, и высланные в административном порядке в 1930 году в пределы нынешних Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Сюда были сосланы жители южных районов Тюменской области; Курганской, Челябинской, Свердловской областей, частично Астраханской области.

Я думаю, что это была ошибка, допущенная в период коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Класс кулачества был ликвидирован, но ликвидация коснулась не столько кулаков, сколько середняков, основных производителей сельскохозяйственной продукции, получивших землю от советской власти и верящих в советскую власть с тех пор, когда В.И. Ленин провозгласил лозунг «Земля — крестьянам».

Книга должна была состоять из трех частей.

В первой части хотел описать, как проходил процесс раскулачивания и переселения людей с юга на север зимой и весной 1930 года.

Во второй части думал описать расселение и обустройство переселенцев на новом месте, строгую изоляцию от местного населения, комендантский налог, строительство поселков, организацию колхозов, ручную раскорчевку полей, начало сеного земледелия, освоение новых профессий, жизнь и быт в изгнании, репрессии второй половины 30-х годов.

Вторую часть книги должен был венчать трудовой подвиг переселенцев: за короткий срок, можно сказать, возникла новая страна с деревнями, крепкими колхозами, хлебными полями, огородами, стадами, зверофермами, всевозможными общественными постройками, крестьянскими ремеслами и промыслами: кожевенное, крахмальное, маслодельное, производство и изготовление саней, телег, колес, лодок, бочек; предприятиями рыбной и лесной промышленности, промысловой кооперации. Умели люди работать! Труженик везде остается тружеником.

Третью часть книги думал посвятить героизму переселенцев на фронте и трудовому подвигу в тылу в годы Великой Отечественной войны. Эта тема очень обширна, и материала для нее

из личных наблюдений, воспоминаний и документов было достаточно. Например, Т. Ажимов, И. Корольков и другие стали героями Советского Союза, многие награждены орденами и медалями. Многие стали специалистами народного хозяйства, культуры, известными учеными.

Написание книги сдерживалось и отодвигалось по разным причинам: служебная загруженность, обширная общественная работа, предвзятое отношение некоторых должностных лиц к выходцам из переселенческой среды, «забытие» этой страницы нашей истории..

Прошло более 50 лет, но кажется, что ни один писатель, ни один историк еще не прикоснулся к этой теме. Работу над книгой все откладывал, как говорится, до лучших времен. Сейчас можно было бы приступить к работе, но мне ее уже не осилить.

ТРИДЦАТЫЙ ГОД

В 1990-м году, наряду с 60-летием Ханты-Мансийского автономного округа, исполнилось 60 лет событию, перевернувшему жизнь сотен тысяч людей. Я имею в виду массовое насильственное переселение раскулаченного крестьянства и духовенства на территорию будущего национального округа.

Ликвидация кулачества согласно постановлению Президиума ЦИК СССР проводилась по внесудебному рассмотрению дел, решением местных «троек».

Тогда или власти на местах переусердствовали, или действительно надо было заселять и осваивать огромную территорию в среднем и нижнем течении реки Обь, на которой позднее были образованы Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа, во всяком случае, сюда были высланы многие тысячи крестьянских семей с лишением всех прав и свобод, с конфискацией имущества. Их называли спецпереселенцами.

Кто эти люди? Были, видимо, настоящие кулаки, разбогатевшие еще до советской власти, однако в подавляющем большинстве были середняки, получившие землю и свободу от советской власти, окрепшие при советской власти, верящие в советскую власть, ведущие культурное земледелие и ставшие поэтому основными поставщиками сельскохозяйственной продукции.

В то же время проходило массовое закрытие церквей, а так как все сельские священники сами вели крестьянское хозяйство, то и они были высланы как кулаки.

В Сургутский район были определены переселенцы из нынешних Тюменской, Омской, Курганской, Челябинской, Свердловской и Астраханской областей.

Процесс раскулачивания и переселения людей с юга на север зимой и весной 1930 года представлял жуткую картину. В первые годы ссылки из уст в уста передавались неписанные стихи: «Тридцатый год настал тяжелый, в середине февраля, часов в двенадцать ночи темной, Россия вся с ума сошла...»

В ночь с 15 на 16 февраля 1930 года людей выводили из домов, садили на подводы и увозили. Строго запрещалось брать какие-либо вещи, кроме одного комплекта одежды, в которой человек направлялся в дальний путь, в далекую ссылку. Сначала везли на железнодорожные станции, потом поездами до Тюмени в холодных товарных вагонах, далее — на лошадях. Все под конвоем.

В дороге от холода и голода умирало много людей, особенно детей. Мужчины и взрослые дети шли пешком за подводами от деревни до деревни. Стариков и женщин с малолетними детьми везли в санях. Не все матери смогли довести их до места поселения. Замерзших и умерших детей бросали непохороненными в попутных деревнях у чужих людей. Об этом говорят две строчки: «И на каждом полустанке оставалось их, как дров».

Наступила распутица. Весновали в прииртышских селах Уватского района. После вскрытия реки первыми пароходами переселенцев повезли дальше на север: в Самарово, Сургут, Березово, Салехард... Сырые вонючие трюмы пароходов были забиты людьми. В Сургут прибыли в июне. Расселили их по деревням района, хантыйским юртам, развезли по летним рыбоугодиям. В зиму 1931 года началось строительство поселков. Старики и женщины с детьми зимовали как могли, чаще всего в землянках в стороне от деревень.

А что же случилось с имуществом, оставшимся на родине переселенцев? Прежде надо сказать, что к концу 20-х годов те люди, которые хотели работать на земле, жили в деревне уже неплохо, а те, что не хотели работать, бедствовали. Надо также сказать, что оставшееся от кулаков имущество: запасы продуктов, зерно, фураж, одежда, инвентарь, скот — разделили или

растасшили по бедняцким дворам. Все, что было, съели, износили, поломали и остались опять такими же бедными и голодными.

* * *

Тем временем переселенцы на новых местах испытывали страшную нужду, строгую изоляцию от местного населения, жестокий комендантский надзор. Строжайше запрещалось без разрешения поселкового коменданта выезжать в Сургут, не говоря уже о выезде в другие районы и города страны.

Ссылные подвергались репрессиям за старые долги и недоимки по продналогу по прежнему месту жительства. А во второй половине 30-х годов обрушилась новая волна репрессий.

Жизнь и быт в изгнании в первые годы, особенно до отмены карточной системы в декабре 1934 года, были очень тяжелыми. От плохого питания, от употребления в пищу травы, таловых листьев, оленьего мха, березовой коры, от непосильного труда люди болели, опухали, умирали даже целыми семьями, особенно астраханцы.

И все же крестьянин-труженик везде и всегда остается тружеником. Переселенцы и здесь совершили трудовой подвиг. За короткий срок поднялись новые деревни с крепкими колхозами, хлебными полями, огородами, стадами и табунами, зверофермами, всевозможными общественными постройками, крестьянскими ремеслами и промыслами: кожевенное, крахмальное, маслодельное производство, изготовление саней, телег, упряжи, лодок, бочек; с предприятиями рыбной и лесной промышленности, промысловой кооперации.

Построены новые поселки: Погорельский, Ореховский, Кедровый, Островной, Новый Покур, Нагорный, Банный, Каменный Мыс, Черный Мыс, Высокий Мыс, Озерный, Песчаный, Зарям, Ямской. Часть поселков строилась за счет Леспрома, часть — за счет Рыбпрома. Новоселы платили за дома в рассрочку, вплоть до Великой Отечественной войны. Переселенцы составляли в то время примерно половину населения Сургутского района.

Труд детей в крестьянских семьях был обычным явлением, нормой жизни, а в экстремальных условиях ссылки и обустройства на новом месте он был просто необходим как в домашнем хозяйстве, так и на колхозных работах.

Несмотря на трудности жизни, ограничения прав и свобод, молодежь получила правильное воспитание в труде и учебе, не

затаила зла на советскую власть, сохранила высокие нравственные и моральные качества, стремилась к знаниям. Многие посвятили себя науке, просвещению, здравоохранению, общественной деятельности и достигли на этом поприще серьезных успехов, удостоены высоких наград и почетных званий.

Конституция 1936 года предоставила всем право голоса, с 1942 года мужчин стали призывать на военную службу. В годы Великой Отечественной войны молодежь проявила мужество и героизм, защищая Родину. Тулебай Ажимов и Иван Корольков стали героями Советского Союза. Многие награждены орденами и медалями. Тулебай с детских лет остался сиротой — у него от голода умерла вся семья. Окончив начальную школу, он с тринадцати лет стал работать в колхозе «Верный путь», жил в конюховке, пользуясь иногда добротой и милосердием матерей своих сверстников. На фронте он проявил верность Присяге и Родине, совершив много отважных и героических поступков.

В этом повествовании я чуть-чуть приподнял нетронутый пласт нашей истории. Прошло 60 лет, но кажется, что ни один писатель, ни один историк еще не прикоснулся всерьез к этой теме. В моем рассказе правда, и только правда. Но объем рассказа не позволяет вскрыть этот пласт. Большая правда о невиданной и неслыханной народной трагедии гораздо глубже и шире.

Исходя из сказанного, хочу посоветовать нынешней молодежи поменьше сетовать и ссылаться на трудности жизни. Не так уж она тяжела. Хочу посоветовать не объяснять и не оправдывать трудностями жизни пошлость, идейную убогость и нравственное падение некоторой части молодежи. Причины духовной деградации, моральной и физической распущенности — в самой молодежи. Надо, обдумав свою жизнь, суметь преодолеть себя.

ЛЕНЬКИНА НАУКА

Ленька вторую зиму ходил в школу. Он оказался очень способным учеником, легко запоминал то, что рассказывал учитель. Стишки Ленька заучивал необыкновенно легко и быстро, с первого прослушивания или прочтения. А задачи решал каким-то особенным способом: в голове у него моментально возникал ответ, потом уж он мог объяснить, как решил.

По вечерам, когда стемнеет, Ленька играет в прятки с друзьями вокруг дома, у конюшни, на сеновале, среди поленниц дров. Они катаются на лыжах и на санках с крутого берега реки.

Но особенной страстью была охота, и Ленька отдавал ей все свое свободное время.

Бывало, летом, когда взрослые шли на покос или возвращались потом домой, он, захватив ружьишко и неразлучного Султана, убежал вперед. Но на место приходил вовремя, а за поясом уже висели две-три утки. Осенью и зимой, в то время, как его товарищи, придя из школы, бегали по деревне с клюшками и гоняли навозные шарики, он, наскоро пообедав и перекинув через плечо мешок, становился на лыжи и уходил в лес.

Родители не запрещали ему ходить одному на охоту. Они считали, что мальчику полезно находиться в лесу, на воздухе. Он от этого будет только здоровее и крепче, к тому же приносит домой куропаток и зайцев.

Зимние дни на Севере коротки. После школы далеко не уйдешь, поэтому Ленька ходил ставить петли на куропаток в ближние тальники и осинники.

Какое волнующее чувство охватывает охотника, когда он добывает птицу или зверя! Но также одни только охотники и знают, что как удача, так и неудача порождают новое желание и стремление непременно добиться успеха. Это желание настолько захватило Леньку, что он часто видел во сне свои охотничьи уголья, расставленные ловушки, трепещущих куропаток и зайцев.

Ленька многому научился. Он знает, как скрутить из конского волоса тонкую, но прочную петлю; как вырвать волос из хвоста чу-

жой лошади остановившегося в деревне обоза. У своей лошади хвост поредел, да и кобыла рыжая, а петлю на куропатку лучше делать белую, под цвет снега. Ленька знает, как отрубить конец старого стального троса и как отжечь его, чтобы петля была мягкой и свободно затягивалась на заячьей шее. Он умеет выбрать наиболее подходящее место на тропе для петли. И знает, что, перед тем как поставить, ее надо потереть об осину, чтобы петля не имела посторонних запахов. Заяц, хоть и косой, но чутье у него хорошее.

В одно из воскресений, в начале зимы, старший брат взял Леньку в собой на охоту и дал три капкана. Когда вышли за огороды, брат сказал Леньке:

- Я пойду к Боркам, а ты дальше Осиновой гривы не ходи.
- А если след поведет дальше, не бросать же его. Так я ни одного капканчика не поставлю.
- А ты иди по тем следам, которые к дому ведут. Да пораньше приходи.
- Ладно, не маленький, сам знаю, куда идти.
- А как же ты проверишь капканы, если далеко уйдешь?
- На другое воскресенье схожу.
- До воскресенья сороки да лисицы твою добычу вместе с капканами утащат.

Ленька призадумался, как же на самом деле быть, и решил:

- Завтра после школы сбегаяю.
- Ладно, я проверю твои капканы.
- А как же ты их найдешь? — усомнился Ленька.
- Ты расскажешь, в каком месте ставил, я туда выйду и по твоему следу да по приметам найду.

На том и порешили. Брат повернул налево, к Боркам, а Ленька пошел прямо. Дойдя до своего осинника, Ленька проверил петли. В одной был заяц. Вытащил его из петли, перевязал веревочкой передние и задние лапки, перекинул через плечо вниз головой, чтоб не мешал идти до леса. Ленька шел и радовался тому, что впереди целый день и можно еще выследить ценного зверька.

Пройдя осинник, он наткнулся на след горноста. След совершенно свежий: под утро прошел снежок, а этот след не был даже припорошен. Леньку охватило предчувствие неопровержимого успеха. Зашагал быстрее, а в мозгу сверлило: «Близко, близко». Он уже представлял, где мог спрятаться на день горноста: под корнями старой талины или в дупле осиновой валежины, или в

кочках. А след шел все дальше. Вот уже и Рябиновая грива позади, и Кривое озеро слева осталось, а след уходил в глубь леса. Местами он делает петли, уходит под снег и снова выходит. Ленька понял, что здесь горностаи ловил мышей. Стоит на этом месте сделать круг, и все станет ясно: если из круга нет выхода, значит, горностаи остался здесь на дневку, и надо его искать в этом месте. Но сейчас след уходил в сторону Рябинового острова. Вот и Ключевое озеро.

«Сколько же километров я уж прошел? — подумал Ленька. — Наверное, около шести».

Ленька, идя по следу, вышел на лед. Стало легко: под ногами не торчит валежник, ноги не подвертываются на кочках.

«Уже, наверное, близко», — успокаивает себя Ленька и быстрее идет вперед.

И вдруг он оказался в воде. Ленька тут же раскинул руки в стороны. Лед на озере был уже крепкий, но там, где со дна бил ключ, образовалась тонкая корочка. Под ногами нет никакой опоры. Пытается мальчишка выбраться на лед, но опять обваливается в воду вместе со снегом. Теперь уже он не достает руками краев. Пальтишко намокло, валенки полны воды, заяц висит на плече, попробуй сбрось его, когда руками надо держаться за лед. В голове проносится мысль: «Утону, и никто не узнает, в каком месте. Когда хватятся, начнут искать, по следу, наверное, найдут, но ведь я тогда уже утону».

Холодная вода обжигает тело, заковенели руки. Слезы брызнули из глаз от обиды за такую глупую смерть. Ленька с трудом держится за мокрый снег на краю проруби. Опять попытался выбраться на лед, но заяц сполз на живот, упирается в кромку льда. Ленька хочет ударить ногами по воде, как при плавании, но тяжелые валенки не поднимаются, мокрый снег связывает ноги. Из всей силы пытается поднять правую ногу вверх, но тонкий лед обламывается, и Ленька с головой уходит в воду. Казалось, конец. Обессилевшими и онемевшими руками еще раз зацепился за кромку: нельзя же так просто опуститься и пойти под лед.

Еще раз пытается Ленька выбраться. Дальше от центра проруби лед был крепче и поддержал последнее усилие мальчика. Мысль работает: чтобы не обвалиться еще раз, надо не вставать на ноги, а откатиться по снегу в сторону. Лежать нельзя, можно замерзнуть. Ленька с трудом встал, он был похож сейчас на снежный ком, осторожно обошел зияющую дыру, вышел по своему

следу на берег. Отмял, сколько мог, застывшее пальтишко. Мокрую шапку, рукавицы и валенки сковал мороз. «В таком виде до дому буду добираться больше двух часов, — подумал Ленька. — Надо выходить на санную дорогу, по ней легче и быстрее бежать, а может, кто и подвезет». Ленька принял такое решение и пошел, но зайца не бросил.

Когда Ленька пришел в таком виде домой, он произвел переполох. Его уже ждали, беспокоились. Так неудачно и опасно закончился этот поход. Но Ленька не отказался от охотничьей страсти.

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВА ПИРОЖНИКОВА

Григорий Александрович Пирожников, сургутский уездный исправник, высший представитель государственной власти в уезде от министерства внутренних дел Российской империи.

Это имя я впервые услышал от старожилов города в 1957 году, через сорок лет после упразднения должности исправника в Сургуте. Оценка его личности давалась однозначно: либеральный чиновник, но не просто попустительствующий вольнодумию, а как практический деловой человек, проявляющий заботу о нуждах населения и инициативу в интересах развития края.

Я захотел встретиться с ним, узнал адрес в городе Свердловске, завязал переписку, но только в 1963 году представилась такая возможность. Приехав к его дочери, Марии Григорьевне Юминой, я не застал Пирожникова в живых. Однако встреча оказалась полезной. Еще через год Мария Григорьевна передала мне сохранившиеся в семье документы, черновые наброски рапортов, донесений, ходатайств, просьб Пирожникова в Тобольское губернское управление, написанных его рукой или писарем. Позднее я разобрал все бумаги, обработал, систематизировал, подшил в две папки и назвал «Архив Пирожникова».

Мария Григорьевна передала также рукопись отца, выдержки из которой предлагаются читателю.

Бумаги Пирожникова проливают свет на эту незаурядную личность, характеризуют его как государственного и общественного деятеля, способствующего развитию образования и науки, торговли и промыслов, поддерживающего связь с учебными и научными учреждениями Томска, Тобольска, Омска, Архангельска... даже Парижа.

Г.А. Пирожников родился 4 августа 1869 года в слободе Устьница Тюменского уезда Тобольской губернии. В Сургуте служил исправником с 1903 года, сменив на этом посту широко известного в свое время Иринарха Владимировича Евсеева, переведенного в Березовский уезд.

После упразднения должности исправника он работал уполномоченным министерства снабжения и продовольствия по Сургутскому уезду.

К советской власти относился лояльно. В 1920—22 годах служил в ревкоме секретарем, был членом комитета по труду и продовольственного комитета. Обязанности исполнял добросовестно. По отзывам граждан, бывших политических ссыльных и первых советских работников, характеризуется положительно.

С декабря 1922 года по апрель 1924 года служил делопроизводителем Обь-Иртышского госрыбтреста в городе Тюмени.

Однако наибольшее признание и уважение он получил, будучи исправником в Сургуте.

Г.А. Пирожников — действительный член Архангельского общества изучения русского Севера, член Тобольского губернского музея. Было такое общественное положение.

За оказание практической помощи профессору Томского университета С.М. Чугуну и заинтересованность в проведении научных исследований в Сургутском уезде, за коллекцию шкур и других экспонатов для зоологического кабинета имеет благодарность от ректора университета М. Попова.

Сохранилось благодарственное письмо Парижского географического общества за посылку экспонатов в Париж и оказание помощи французскому ученому и путешественнику Полю Лаббе в работе на месте, в Сургутском уезде. Парижское общество ставило вопрос о награждении Пирожникова французским орденом, но, наверное, он затерялся в петербургских канцеляриях.

В бытность исправником, Пирожников, в силу своих прав, обязанностей и возможностей, способствовал развитию образования детей инородцев, сселению и оседанию кочевников в приобских деревнях, которых, ко времени установления советской власти в пределах уезда от села Александровского до села Сытомино, насчитывалось несколько десятков. Инородцы воспринимали и усваивали русский образ жизни, строили дома, держали лошадей, коров, овец, приобщались к огородничеству.

Для выполнения некоторых заказов по строительству изб Пи-

рожников заключал договоры с иногородними мастерами. 5 апреля 1912 года заключил соглашение с крестьянином Тюменского уезда Прокопием Васильевичем Аксариним на поделку пятидесяти оконных рам, с вставкой в них стекол и покраской белой краской, из материала подрядчика, по 90 копеек за раму, на сумму 45 рублей. 30 мая 1912 года крестьяне Пермской губернии Осинского уезда Семен Андреевич Малыгин и Евстафий Николаевич Куимов подрядились изготовить из своего материала сто оконных рам, с вставкой стекол и покраской белой масляной краской, по цене 60 копеек за раму.

Оба соглашения, как было оговорено в обязательствах сторон, «свято и ненарушимо выполнены».

Пирожников на казенный счет содержал школу и несколько учеников ханты в селе Ларьякском, о чем красноречиво говорят документы и многочисленные счета торговцев и портных на продажу и пошив детской одежды для учеников ларьякской школы.

Г.А. Пирожников проявлял постоянную заботу и большую настойчивость в развитии средств связи в уезде.

В отчете за 1911 год он писал: «В интересах оживления края, подъема торгово-промышленной жизни и приобщения его к культурно-экономическому росту, давно уже является необходимость в проведении телеграфа от Самарово до Сургута на протяжении 250 верст». Далее следует детальное обоснование этой необходимости. В качестве главных аргументов он называет следующие:

— постепенное освобождение инородцев из-под зависимости от местных торговцев в результате возникновения конкуренции, притока нового капитала, привлечение заготовителей из других мест;

— более оперативную информацию о промысловой обстановке, о добыче рыбы и пушного зверя, о ценах на местные и привозные товары, получение сведений о состоянии курса, ускорение открытия в Сургуте казначейства или конторы мелкого кредита;

— громадную роль телеграфно-телефонной связи в паромном сообщении, оказании своевременной помощи пароходам, терпящим бедствие на Оби от бурь и мелководья. Приводит такие примеры: у пристани Лямино утонул пароход Плотникова «Ермак» с пассажирами, у Александровской пристани затонул пароход «Дельфин» Западно-Сибирского товарищества, не по-

лучив помощи от других пароходов из-за отсутствия связи между пристанями.

Все несчастья Севера Пирожников видел, главным образом, в разобщенности, оторванности от всего остального мира, в отсутствии связи.

Настойчивые хлопоты увенчались успехом. В 1913 году телеграф пришел в Сургут. 10 ноября телеграфист Шишкин принял первые телеграммы на имя Пирожникова. Из Тюмени: «Приветствую энергичного инициатора прорубленным окном Сургута к свету. Швецов». Из Тобольска: «Сердечно благодарю за память и внимание близких мне северян, радуюсь осуществлению их давнишнего желания. Дунин-Горкавич». 13 ноября получена телеграмма от бывшего начальника губернии Гондатти, побывавшего в Сургуте в 1908 году: «Сердечно благодарю Вас, городского старшину, граждан города, представителей ведомств за память и приветы, которые мне дороги, радуюсь, что наконец-то наступило давно желанное оживление. Теперь далекая сибирская окраина соединена телеграфом с общей имперской сетью. Уверен, что это послужит развитию города, которому искренне желаю дальнейшего процветания. Почетный гражданин Гондатти».

Пирожников заботился о развитии здравоохранения, боролся с пьянством среди русского населения и аборигенов. Он искал, предлагал, практиковал, разочаровывался и вновь искал пути и средства борьбы с пьянством. Одно время видел это средство во введении казенной винной монополии, но убеждался в обратном, когда получалось, что наряду с казенной торговлей процветает частная торговля, контрабанда, шинкарство. Не все замыслы ему удавалось осуществить.

Как энтузиаст Севера он принял пылкое участие в подготовке и проведении Омской торгово-промышленной и сельскохозяйственной выставки в 1911 году.

Велика заслуга Пирожникова в организации продовольственного дела. В заявлении съезду Советов Сургутского уезда 15 июля 1920 года он пишет: «Позвольте объяснить вам, товарищи, что продовольственным делом в здешнем уезде я заведовал в течение пятнадцати лет. Я вынес на своих плечах всю тяготу по продовольствию во все время войны и даже не бросил этого дела в такой критический момент, как прошлогодняя эвакуация колчаковской власти, когда большинство служащих готовились к бегству, а я, оставив свою семью на произвол судьбы, поехал в

Томск за хлебом, доставил и на этот раз необходимые на зиму запасы, развез по хлебозапасным магазинам и сберег все имеющиеся у меня продукты и денежные суммы до занятия территории Сургутского уезда советской властью и сдал в целостности и сохранности как продукты, так и остальное имущество с деньгами и документами, которых было на сумму более двадцати миллионов рублей».

В отчете съезду, который Пирожников по своей инициативе решил сделать, он пишет: «В виду съезда в Сургуте делегатов населения Сургутского уезда для обсуждения своих нужд считаю необходимым доложить исполнителю комитету для осведомления этих делегатов краткие сведения о своей деятельности по продовольственному делу во время службы моей в должности исправника... Мною заготовлено было всего муки 504920 пудов, причем представляю делегатам решить о том, кому обязано население Сургутского уезда тем, что оно избегало голодовок за данный период времени в годы стихийных бедствий... недостатка кормов для скота и отсутствия муки у частных торговцев...»

Хотя хлебозапасные магазины учреждались исключительно для снабжения национального населения, однако, как пишет Пирожников, «из этих магазинов частью продовольствовалось и русское население, что происходило благодаря тому, что мною делались настолько значительные запасы хлеба, что получались излишки от удовлетворения инородцев, и я находил возможным снабжать мукою из этих излишков нуждающееся русское население, главным образом солдатские семьи, проживающие в городе и уезде».

При хлебозапасных магазинах смотрителями и продавцами состояли вахтеры, коим полагалось жалованье 200 рублей в год. Пирожников еще в 1908 году выступил с предложением об увеличении жалования вахтерам Угутского и Охтеурьевского магазинов до 260 рублей, а Ларьякского — до 300 рублей.

Кроме обязанностей исправника, он исполнял функции крестьянского начальника, заведовал шестью волостями: одной русской и пятью инородческими, девятью хлебозапасными магазинами. Состоял председателем уездного комитета общественно-го здоровья, совета сургутской инородческой больницы, уездного комитета попечительства о народной трезвости, уездного комитета Красного Креста, уездного комитета по оказанию помощи семьям воинов, больным и раненым воинам.

Этот человек оставил о себе хорошую память и творческое наследие, которое, частично, предлагается вниманию новых читателей.

В те, уже далекие 60—70-е годы, мечта об издании рукописи Пирожникова была нереальной. Теперь же, когда паломничество писателей и журналистов в Сургут пошло на убыль, когда в Сургуте создано региональное Северо-Сибирское книжное издательство «Северный дом», возникла реальная возможность печатания этих материалов не только в журнале «Югра», но и отдельной книжкой.

Я еще раз внимательно изучил рукопись, отобрал тот минимум материала, который предлагается к изданию, отредактировал, сохранив, по возможности, язык и стиль автора, и назвал «Записки уездного исправника, или Сказания о земле югорской».

Здесь читатель найдет краткое описание тобольского Севера, природы, истории, образа жизни, занятий, промыслов, ремесел, обычаев, верований народов Севера; путешествий и экспедиций в Западную Сибирь российских и европейских ученых, общественных деятелей, предпринимателей; описание экспонатов и место Севера на Омской выставке 1911 года; взгляд на судьбы аборигенов, причины вымирания, поиск путей их цивилизованного развития, просвещения, оздоровления, культурного совершенствования, попытки проведения таковых мероприятий.

К настоящему времени установлены более полные и более точные сведения исторической ретроспективы. Некоторые положения получили новую трактовку. В силу этих и других обстоятельств «Записки...» печатаются с сокращениями. Полностью упущен раздел «Природа», потому что в последнее время вышли книги «География Тюменской области» и «Природа тюменского Севера», в которых полнее описана природа края.

Упущено также описание городов Тобольска и Сургута, так как в связи с празднованием 400-летних юбилеев этих городов появилось немало новых книг. Так, о Сургуте написаны книги «Сургут» (Свердловск, 1987), «Город древний, город славный» (Тюмень, 1994), «Древний город на Оби. История Сургута» (Екатеринбург, 1994).

Тем не менее читатель не без интереса просмотрит краткое описание забытых в настоящее время проектов освоения Северного морского пути, соединения Оби и Енисея, Оби и Печоры, проектов строительства железной дороги на Север.

Здесь же читатель найдет совершенно или почти неизвестные факты из древних архивных документов о жизни сибирских городов и их обитателей.

Ф. Показаньев
Ноябрь 1995 года

БУДЕТ ЛИ В СУРГУТЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗОНА?

В 1969 году, с началом строительства микрорайона энергетиков (микрорайон № 8), начался снос деревянных построек Сургута. Эти дома и улицы находились за чертой исторической части старого города и не вызывали особого сожаления, так как на их месте вставляли пятиэтажные благоустроенные дома и молодежные общежития.

Уже тогда было ясно, что бурное жилищное строительство может привести к полному уничтожению всех исторических памятников, если об их сохранности не побеспокоиться заблаговременно.

Начиная с 1970 года, я стал поднимать вопрос перед исполкомом городского Совета о сохранении для показа туристам уголка старого Сургута на берегу речки Бардоковки, где улица Советская примыкает к улице Республики, где в конце XVI века была построена первая крепость.

Ответом на мои предложения и просьбы было неопределенное молчание, пожимание плечами и разведение руками.

19—21 января 1972 года в Сургуте проводилась конференция по градостроительству северных городов при участии представителей проектных организация Госстроя РСФСР. Я выступил на этой конференции. Дав краткую историческую справку о Сургуте, внес предложение о создании небольшой историко-этнографической зоны. Предложение вызвало интерес и было дружно поддержано всеми участниками конференции.

В дальнейшем этот вопрос много раз обсуждался в обществе охраны памятников истории и культуры, на страницах газеты «К победе коммунизма». Однако в задании на разработку генерального плана города он не был учтен.

10 ноября 1982 года я подготовил для горисполкома обоснование необходимости создания в Сургуте историко-архитектурной зоны. К чему это приведет? А пока 12-летние хлопоты не дали никакого результата. Хоть плачь, хоть ругайся!

КАК СОЗДАВАЛСЯ СУРГУТСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Я долго не мог осмелиться записать свои мысли, родившиеся несколько лет назад, боясь обвинений в том, что я занимаюсь пустяками в настоящее время, или уличения в хвастовстве в будущем, если эти записки попадут в чьи-нибудь руки.

И сейчас еще многие люди относятся с недоверием к моему мероприятию, посмеиваются, когда я хожу к древним старикам и старухам, копаюсь в пыли чердаков, разбираю старые бумаги, хранящиеся в таких же старых сундуках.

Я подхожу к оценке работы по краеведению и созданию музея с таких позиций.

1. Для меня краеведение — не простое увлечение. Занимаюсь краеведением не для себя лично, а для того, чтобы сделать результаты своей кропотливой работы достоянием всех сургутян, а может быть, и не только сургутян.

2. Считаю, что мы совершим преступление перед потомками, если не восстановим историю своего края, не расскажем о героической борьбе всех прошлых поколений, которым обязан Сургут своим появлением и развитием, установлением советской власти и превращением из захолустья в город, достойный коммунистического общества.

3. Развитие краеведения и создание музея будет способствовать воспитанию любви к родному краю и гордости за него как у коренных сугутян, так и у тех, кто будет приезжать в будущем.

4. Музей отразит и сохранит в своих экспозициях навсегдаходящее прошлое народов Севера и покажет, как на смену старому в их жизнь приходит новое.

5. Развитие краеведения и создание музея будет способствовать изучению родного края.

6. Музей навсегда сохранит имена и подвиги героев нашего времени: защитников Родины в годы Великой Отечественной войны, передовиков производства, ветеранов колхозного строительства, рыбаков, лесорубов, геологов и тех, кто сюда еще придет.

7. Развитие краеведения будет способствовать археологическому изучению края. Сургутский район — это клад для археоло-

гов. Раскопки многочисленных древних поселений помогут разрешить ряд загадок истории Западной Сибири. О происхождении и судьбах ее аборигенов, их культуре и связях с другими народами.

8. Создание музея окажет серьезную помощь учителям и учащимся, выявит и привлечет последователей.

Мысль о создании музея возникла летом 1957 года, еще на военной службе, когда я находился на излечении в госпитале и готовился к увольнению в запас по болезни. Тогда я сказал жене: «Поедем в Сургут. Легкой жизни мы не видели. Работать везде надо. А в Сургуте, кроме основной работы, я займусь созданием музея».

К краеведческой работе приступил в декабре 1957 года и начал со сбора сведений по истории сургутской средней школы. Так появилась летопись школы. Поиск сведений о школе явился одной ниточкой, которая потянула за собой другие. Появилась разветвленная сеть адресов сначала в Сургуте, а потом и за его пределами. Началась переписка с бывшими сургутянами, в про-

*На экскурсии в краеведческом музее.
Показаньев с группой детей*

шлом политическими ссыльными, участниками гражданской войны, их родственниками, архивами и музеями и т.д.

В феврале 1960 года первый раз выступил в районной газете со статьей о необходимости создания музея, а летом 1960 года приступил к сбору сведений о братских могилах и лицах, похороненных в них.

В период подготовки к празднованию 30-летия Ханты-Мансийского автономного округа (10 декабря 1960 года) материалов по истории Сургута прибавилось. Мне было поручено написать доклад к юбилейной сессии Сургутского районного Совета депутатов трудящихся, посвященной этой дате. С тех пор неоднократно выступал на собраниях, в школах с обоснованием необходимости создания музея и просьбами представлять экспонаты.

В 1963 году Сургуту исполнилось 370 лет, я воспользовался этим и вплотную занялся созданием музея, потому что ждать 375-летия было слишком долго. В апреле был образован оргкомитет, я стал председателем и от его имени вел всю переписку.

Тюменский музей передал в дар Сургутскому музею некоторую мебель. Воспользовавшись командировкой в город Тюмень летом 1963 года, я лично получил эту мебель и отгрузил в Сургут. Эти витрины, пирамиды, турникеты приняли и разместили под своими стеклами первые экспонаты музея.

В июле по моей просьбе было принято решение о праздновании 370-летия Сургута.

В ноябре было выделено помещение (в т. н. «красной школе»).

Мне было поручено написать доклад. 30 ноября состоялось торжественное собрание. 1 декабря был открыт музей. В тот же день установлены мемориальные доски (материал — миллиметровое железо на деревянной раме) на исторических местах.

Был образован совет музея, я стал директором на общественных началах.

При создании музея оказывали поддержку и помощь заместитель секретаря районного парткома Николай Иосифович Голипад, заместитель редактора районной газеты Николай Иванович Ездаков, пенсионеры Аркадий Степанович Знаменский, Николай Васильевич Пugno, бывший директор Тюменского музея Иван Степанович Терентьев, научный сотрудник музея Анастасия Ивановна Шубина, заведующая научной библиотекой Мария Петровна Черепанова, директор Тобольского музея Вера Ивановна Трофимова.

РЕЧИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ТОСТЫ

* * *

Мы поднялись на пожарную каланчу. Это самая высокая точка и пока самое высокое здание в нашем городе. Каланча построена в 1900 году. Сейчас она не играет первоначальной роли. Здесь не стоят дозорные, и колокол не бьет тревогу. Видимо, вам она служит последнюю службу: судьба ее решена, скоро это здание будет разобрано.

Из неоконченного репортажа с пожарной каланчи.

* * *

Это наш город, а это — великая река Обь, она — сибирская Амазонка. Лет через десять из Тюмени в Сургут придет железная дорога, а через Обь будет построен мост протяженностью в два километра, длина же всего перехода через пойму и протоки Оби превысит тридцать километров.

Вам Сургут может показаться большой деревней, не имеющей героической истории и значения. Но это не так.

Раньше Сургут называли «медвежьим углом» — очень уж далеко он находился от больших дорог и больших городов. Не всякий большой город имеет такое интересное прошлое и прекрасное будущее, какое имеет наш городок.

Сургут основан в 1594 году по указу царя Фёдора Иоанновича как опорный пункт в деле колонизации Западной Сибири, и он сыграл свою роль.

Много светлых страниц в его истории, но были и мрачные. Сургут стал местом политической ссылки. Сюда ссылались самые опасные враги самодержавия.

По этим улицам ходили декабристы и участники польских восстаний, звенели кандалами народники, с революционными песнями проходили большевики.

Сургут имеет хорошие традиции, в том числе и революционные.

Эта улица носит имя Республики. Здесь 1 мая 1909 года прошла первая демонстрация. Здесь же 1 мая 1920 года проходил первый коммунистический субботник.

Там, где сейчас находится наш райком партии, в здании бывшего народного дома, которое не сохранилось, проходило первое партийное собрание и была создана партийная ячейка. Там же проходил первый уездный съезд крестьянских и солдатских депутатов и провозглашена советская власть.

Революционные традиции унаследовала сургутская молодежь, совершившая немало славных дел и героических подвигов в борьбе за установление советской власти.

Тяжелое время переживал тогда Сургут. Я расскажу лишь об одном случае. Это было в марте 1921 года, во время эсерово-меньшевистского кулацкого мятежа.

Мятежники рвались к городу. Они занимали одну деревню за другой. Вот уже заняли последнее крупное село на подступах к городу с запада — Тундрино, что совсем рядом, всего в ста километрах. Сургутский ревком выслал на борьбу с мятежниками последний отряд. То было ответственное и опасное задание. В головной дозор вызвалась смелая и решительная комсомолка Таисия Зорина. При въезде в село Тундрино она попала в засаду. Бандиты учинили допрос и жестокую расправу: глумились, пытали, потом, полуживую, но сильную духом, стали обливать на морозе водой до тех пор, пока она не превратилась в ледяную глыбу. Мертвую ее выставили у дороги для уращения жителей.

Скоро Сургут станет большим и красивым городом, появятся новые улицы, сады и парки. Надеемся, что чему-то новому, красивому, чистому, как молодость, будет дано имя комсомолки Таисии Зориной.

Сегодня сургутские юноши и девушки совершают трудовой подвиг, преобразуя наш край. Они полны энтузиазма и решимости превратить его в район развитой нефтяной, нефте- и лесохимической промышленности.

Местный поэт Николай Ездаков, говоря о связи времен и поколений, пишет: «Их подвиг продолжается сегодня, и этот подвиг совершаем мы».

Мы благодарны работникам культуры и искусства, которые прославляют наш край и увековечивают имена и подвиги наших людей.

При съемках фильма о сибирских нефтяниках.

* * *

Дорогие ребята!

Сегодня вы собрались на первый слет пионеров-активистов школ города. О чем это говорит? Это говорит о том, что вы живете уже в городе, что в нем имеется несколько школ, в отличие от того, что было совсем недавно, и тем более в отличие от того, что было совсем давно.

Сейчас в нашем городе шесть образовательных школ, две школы рабочей молодежи, два учебно-курсовых комбината, детская музыкальная школа, детская спортивная школа, с 1 декабря начинает работу профессионально-техническое училище № 17, ведется подготовка к открытию вечернего отделения Тюменского индустриального института.

Ребята, вы очень хорошо подготовились к этому слету, но праздник был омрачен тем, что его пришлось перенести с 21 на 28 ноября из-за отсутствия света. Но огорчаться слишком не надо. Это, может быть, даже полезно.

Когда наш город встанет из бетона, стали и стекла, когда он будет залит морем электрических огней, когда появятся прекрасные школы и дворцы пионеров, когда наш город будет очень красивым, а вы, ребята, будете уже взрослыми, вы будете вспоминать, как в этом слабо освещенном и холодном зале проводили свой первый городской слет.

Ребята, мы ведь уже сейчас живем очень хорошо, вы не видите никаких трудностей. Эти временные затруднения, вызванные бурным ростом города, являются для вас единственным трудностями.

Я вам скажу: чтобы понять и оценить радость жизни, надо познать ее горести. Почему мы, ваши старшие товарищи, так любим и ценим жизнь? Потому что мы познали ее в труде, в бою и в быту. Пусть это затмение и эта прохлада в зале напомнят вам о том, что есть в жизни трудности, которые надо преодолевать. Только вы, ребята, пока еще не знаете, как нелегко дается их преодоление.

Организаторы слета попросили меня рассказать о новом городе, в котором вам придется жить. Я с удовольствием выполняю эту просьбу...

Из выступления на первом городском слете пионеров-активистов школ города Сургута 28 ноября 1965 г.

* * *

Дорогие товарищи! В жизни разных народов есть много событий, которые являются основными вехами их истории.

Особенно богата этими событиями история русского народа, история нашей Родины.

Но среди них есть два, которые возвысились над всеми другими, которые изменили русло истории. Это — Великая Октябрьская социалистическая революция и Великая Отечественная война...

Этим великим событиям мы обязаны своей жизнью, своим счастьем, всеми своими гражданскими правами.

Эти два события по своему значению одинаково велики. Если Октябрьская революция свергла власть капиталистов и помещиков, то победа в Великой Отечественной войне закрепила завоевания Октября, спасла нашу Родину и все человечество от черной чумы — фашизма.

Дорогой ценой достались нам эти победы. Неисчислимы жертвы народа, принесенные на алтарь Отечества во имя свободы.

И те, кому сейчас 20 лет или менее, пусть представляют и почувствуют огненное дыхание войны, которая пронеслась над страной до их рождения.

Дорогие юные друзья! Все, что окружает вас, все, что завоевано в пламени гражданской войны, все, что спасено в годы Великой Отечественной войны, все, что создано трудом и гением народа, — ваше. Берегите и умножайте его и будьте всегда готовы выступить на его защиту как от внешних врагов, так и от бесхозяйственности и безразличия.

В этой братской могиле похоронено более 20 человек. В основном это юноши и девушки — первые сургутские комсомольцы, и вместе с ними их вожак Иван Матвеевич Кайдалов.

Многие из них еще не были отцами и матерями, они были молоды, не имели высокого образования и опыта жизни, но в то суровое, смутное время сумели понять, каким путем надо идти. Они избрали нелегкий путь, путь борьбы, и погибли. Вечная память борцам за свободу!

Эта братская могила стала местом поклонения, местом присяги и клятвы.

Так поклянемся же, товарищи, над прахом погибших, перед лицом своих земляков, что будем стойкими борцами за народное дело, за Родину, за коммунизм!

И давайте с любовью украсим это место и будем его беречь! Люди, погребенные здесь, достойны такой почести.

Выступление на митинге молодежи г. Сургута 9 мая 1967 г.

* * *

24 июля 1974 года я сопровождал группу писателей социалистических стран при поездке в национальный поселок Угут. Во время беседы в помещении сельского Совета председатель О.И. Волков рассказал гостям о территории, природных условиях, населении, хозяйстве совета. В столовой рыбкоопы был устроен обед в честь делегации. На обеде я провозгласил два тоста — первый и последний.

Тост первый: «Товарищи! Из рассказа председателя сельского Совета Олега Ивановича Волкова вы узнали, насколько велик Угутский сельский совет. Но наша страна — не Угут. Она очень большая. В Советском Союзе проживают сто пятьдесят больших и малых народов, и все они для нас равны. У нас много друзей — народов социалистических стран. Все они для нас равны и дороги. Предлагаю тост за нерушимую дружбу больших и малых народов социалистических стран!»

Тост последний: «Товарищи! Словами последнего тоста я хочу сказать, почему стали возможны такие встречи. Мы — взрослые люди и хорошо помним, что в годы второй мировой войны воевали между собой, а сейчас ездим в гости друг к другу. Товарищи, приближается тридцатилетие великой Победы Советского Союза над фашизмом. Тридцать лет мира в Европе — это большое достижение. Это заслуга прежде всего народов и правительств социалистических стран. Тридцать мирных лет говорят о том, что народы и государства могут жить без войны. Лучше ездить в гости, торговать нефтью и машинами, коньяком и шампанским, чем воевать. Предлагаю последний тост за мир и дружбу между нашими народами!»

(На столе были коньяк и шампанские вина Болгарии, Венгрии, Румынии, Советского Союза).

* * *

В декабре 1957 года я приступил к сбору сведений о Сургуте и его истории, борьбе за установление советской власти в крае, социалистических преобразованиях в советский период; археологии, этнографии, по другим вопросам.

Прошло 23 года. Старики, старухи — участники и очевидцы событий первой четверти XX века — уже умерли, унеся с собой все, что знали о том времени.

Я всегда понимал, а сейчас особенно остро ощущаю, насколько важно было записать их воспоминания, собрать документы. Все бы они бесследно исчезли, если бы... потому что никто другой, кажется, не выполнил бы эту работу.

Я много знаю о Сургуте, о его людях почти за четыре века истории, перечитал практически все известные мне книги о Сургутском крае от «Описания Сибирского царства Г.Ф. Миллера» до наших дней.

Я многое знаю о жизни сургутян в 1918—1921 гг. и позже...

Но я смертен, как все люди, поэтому решил некоторые материалы и документы, систематизированные по своему усмотрению, передать в Сургутский государственный архив, где они будут сохранены и использованы будущими любителями истории.

Решил также передать в архив некоторые личные документы: удостоверения к наградам, мандаты, почетные и благодарственные грамоты и др.

1 декабря 1980 г.

ВСПЛЫВШЕЕ В ПАМЯТИ ВОСПОМИНАНИЕ

Когда мы с Л.В. Петровой работали над книгой «Сургут», в моей памяти довольно четко всплыло воспоминание давно минувших дней...

В 1938—1939 учебном году я учился в восьмом классе сургутской средней школы, жил на Черном Мысу на квартире у Веры Андреевны Овсянкиной, родом из села Демьянка Уватского района. У нее была большая семья, она приютила не только меня, но и моего товарища, одноклассника Костю Доронина, и мою сестру Руфину, она училась в 6 классе.

В школе я увлекался историей и литературой, состоял в литературном кружке, которым руководил учитель Николай Иванович Могилев. Члены литературного кружка писали рассказы и сочинения на заданные или свободные темы, а потом разбирали и обсуждали их. Помнится, как всем понравился и получил высокую оценку руководителя рассказ моего товарища Георгия Шабуринова «Лесной пожар».

Вера Андреевна была женщиной грамотной, по вечерам рассказывала русские сказки Шахрезады, различные истории. Однажды рассказала о том, как в 1921 году, во время кулацкого мятежа, бандиты утопили в проруби на Иртыше у села Реполово девушку-комсомолку. Сейчас я понял, что это была Нина Викторовна Кагорина, сотрудница ЧК из Сургута. Рассказ Веры Андреевны сильно меня взволновал, и в моем воображении стали вырисовываться невероятные, а может быть, вполне реальные картины в дополнение к ее рассказу. Я представил себе разъяренную банду мятежников, их злобные рожи, ненависть к палачам в глазах юной героини, глухую лесную дорогу; почему-то не Иртыш, а неширокую таежную речку, над которой шумели деревья. Две зимние ночи, под сонное бормотание ребятишек, при мерцающем свете семилинейной керосиновой лампы, я писал рассказ. Мне не хотелось его переделывать после первого вдохновенного излияния.

Вскоре мое сочинение «Смерть комсомолки» было представлено на суд литературного кружка. Учитель отметил незначительные исторические погрешности, но художественная сторона и правдоподобие описания события получили хорошую оценку.

Вот что припомнилось мне, когда через 43 года вновь пришлось описывать событие, происшедшее 61 год назад, в марте 1921 года.

ЧТО Я СДЕЛАЛ ДЛЯ ГОРОДА

* * *

15 февраля 1966 года на районном съезде работников культуры по моей инициативе было создано районное отделение общества охраны памятников истории и культуры.

Я выступил с докладом «Памятники Отечества — всенародное достояние».

Предложение о создании общества было поддержано всеми работниками культуры, представителями предприятий и общественных организаций, принимавших участие в работе съезда, и первым секретарем райкома партии В.В. Бахиловым.

Меня избрали председателем совета районного отделения общества.

Это поручение я исполнял до 29 декабря 1971 года. На четвертой конференции общества председателем был избран заместитель председателя горисполкома Семен Владимирович Билецкий, а я — его заместителем.

В марте 1972 года я подготовил материал (текст и фото) для брошюры «Город Сургут и Сургутский район. Краткое описание памятных мест и событий». Съездил в Тюмень, с помощью председателя Сургутского горисполкома П.А. Мунарева в управлении снабжения и сбыта Тюменского облисполкома выхлопотал бумагу, сделал заказ в областную типографию с помощью ответственного секретаря областного отделения общества охраны памятников истории и культуры А.В. Важениной. 19 апреля 1972 года брошюра подписана в печать, в сентябре издана. В декабре 1972 года я уговорил начальника Сургутского управления буровых работ Ю.А. Цареградского купить для горкома КПСС 2750 экземпляров брошюры (2750x0,2=550 рублей). Сейчас горком имеет возможность использовать брошюру в качестве сувенира самостоятельно или в комплекте с другими предметами.

* * *

Создал городское отделение общества охраны памятников истории и культуры — 15.02.1966 г.

Создал редакцию радиовещания на общественных началах и длительное время принимал непосредственное участие в ее работе — апрель 1960 г.

Создал экскурсионное бюро на общественных началах (июль 1966 года), принимал активное участие в его работе. Проводил экскурсии, готовил исторические разработки и материалы для экскурсоводов.

Содействовал открытию первой детской музыкальной школы (1960 год), непосредственно занимался решением организационных вопросов.

Разработал положение о музее боевой и трудовой славы сургутян.

Изучив историческую, этнографическую, географическую литературу, восстановил и описал историю города.

Создал историко-краеведческий народный музей, 1963 год.

Восстановил имена воинов-сургутян, погибших в годы Великой Отечественной войны, 1968 год.

Проявил инициативу и принял участие в строительстве памятников и памятных знаков в городе Сургуте, селах Тундрино, Локосово, Югане.

Собрал материал, разработал тексты, написал пояснительные справки и характеристики, изыскал деньги, заказал 18 мраморных мемориальных досок.

Выпустил плакат «Памятники Сургутского района», 1972 год.

Разработал и заказал четыре серии (12 штук) нагрудных значков о Сургуте, 1972—1974 гг.

Напечатал в газете «К победе коммунизма» более 100 статей о Сургуте.

Издal брошюру «Город Сургут и Сургутский район. Краткое описание памятных мест и событий», 1972.

Совместно с И.П. Захаровым издал брошюру «Краткий очерк истории сургутской партийной организации», 1971.

Прочитал на предприятиях, стройках, в учреждениях и учебных заведениях более 500 лекций о Сургуте.

Провел десятки экскурсий с туристами, учащимися, различными советскими и зарубежными делегациями.

Оказывал помощь писателям, журналистам, художникам, композиторам, кинематографистам, снимался в документальном кино.

Проявил инициативу и принял участие в подготовке и проведении празднования 370-летия и 375-летия Сургута.

Внес определенный вклад в изучение Барсова городка и других археологических памятников Сургутского района.

Собрал небольшую научную библиотеку редких и уникальных книг и документов о Сургуте, Сибири.

Внес предложение в горисполком о переименовании улиц старого города: Мартовская — им. Кайдалова И.М., Февральская — им. Зырянова А.П.

Установил связь и личный контакт со многими людьми, которые боролись за советскую власть и социалистические преобразования в Сургутском районе.

Подготовил 20 экскурсоводов, методические разработки, путеводители по городу.

Принял участие в написании и подготовке к печати совместно с И.П. Захаровым книги «Сургут в годы Великой Отечественной войны».

Июль 1975 года

ПЕРЕЧЕНЬ ЛЕКЦИЙ, ДОКЛАДОВ, СПРАВОК О СУРГУТЕ

- 30 лет Ханты-Мансийского национального округа. Доклад, 1960 год.
- Знаете ли вы свой край? Лекция, 1962 г.
- Знаешь ли ты свой край? Викторина.
- 370 лет Сургуту. Доклад, 1963 г.
- Они были первыми. Лекция, 1964 г.
- Перспективы развития Сургутского района. Лекция, 1965 г.
- Город Сургут. Справка, 1965 г.
- Перспективы развития Ханты-Мансийского национального округа. Лекция, 1966 г.
- Памятники Отечества. Лекция, 1967 г.
- Город Сургут. Справка.
- Борьба за установление советской власти в Сургутском районе. Лекция, 1967 г.
- Город Сургут. Справка, 1966 г.
- Сургутский район за 50 лет. Лекция, 1967 г.
- Город Сургут. Справка, 1967 г.
- 375 лет Сургуту. Лекция, 1968 г.
- 375 лет Сургуту. Цикл, 1968 г.
- 40 лет Ханты-Мансийскому национальному округу. Доклад, 1970 г.

- 40 лет Ханты-Мансийскому национальному округу. Лекция, 1970 г.
- Природные богатства и перспективы развития края. Лекция, 1970 г.
- Десять страниц истории. Лекция, 1972 г.
- К солнцу тянется Сургут. Лекция, 1972 г.
- 50 лет Союза ССР. Доклад.

И ЭТО ВСЕ О НЁМ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СУРГУТЯН И РОДНЫХ)

* * *

В памяти ветеранского актива и старожилов Сургута Флегонт Яковлевич Показаньев остался как самый собранный, самый дисциплинированный, самый верный товарищ и настоящий коммунист. Его слово всегда было выверено, правдиво. Он до конца своей жизни был и ушел от нас коммунистом, честным человеком.

Природа наградила Флегонта Яковлевича изумительной памятью, родители воспитали своим примером человека труда, 15-летняя служба в Советской армии, в том числе два года на фронте, выковали дисциплину и ответственность перед обществом. Он обладал энциклопедическими знаниями. Для меня лично он был ходячим справочником по истории, экономике, религии и, естественно, по истории нашего края. Он знал и помнил родословную казачества многих сургутян, называя их не только по фамилии, но и по имени.

После демобилизации, с 1957 года, — в Сургуте. Я не знаю ни

Ф.Я. Показаньев с группой товарищей, активно участвующих в общественных движениях Сургута

одного сургутянина, который бы столько сделал для Сургута, причем без оплаты за труд, за огромный труд. Вот только некоторые вехи его жизни.

1966 год — открытие краеведческого музея на общественных началах; 1968 год — открытие мемориала Славы; 1970 год — празднование 375-летия Сургута; 1991 год — создание книги «Память» о сургутянах, погибших на фронтах Великой Отечественной войны (первая работа в Тюменской области). Все это по его материалам и благодаря его инициативе.

Издание пяти книг, за которые он практически ничего не получил.

26 лет был членом президиума городского совета ветеранов, был его создателем и руководителем.

Смерть на «боевом посту» — так отозвались многие сургутяне о его кончине. Да, 2 марта в три часа ночи 1996 года Флегонт Яковлевич Показаньев ушел в вечность, оставив память и результаты 39-летнего труда на сургутской земле. Его книги «Город древний, город славный» и находящиеся в издательстве «Записки уездного исправника», и книга для детей «Ленькина наука» — автобиографический рассказ о детстве его завещание.

Да, он был четверть века светильником разума в сургутском городском совете ветеранов. Его советы всегда звучали веско, предложения всегда были деловые. А поручения и решения всегда выполнял точно, без дополнительных напоминаний. Дисциплину и порядочность ставил превыше всего. Был он человеком дела, у него не оставалось времени на пустопорожнее.

Его недостатки продолжали достоинства. Он не прощал людям двуличия, приспособленчества, не был дипломатом, а слишком правильным, прямым. И это многим не нравилось.

А. Сибирцев

* * *

Я познакомилась с Флегонтом Яковлевичем Показаньевым в 1957 году, когда работала уже 5 лет завучем в средней школе № 1 города Сургута после окончания Тюменского государственного педагогического института.

После службы в армии Флегонт Яковлевич возвратился в Сургут и устроился на работу учителем физкультуры и военного дела в свою родную школу, которую закончил до войны. Одновремен-

но он преподавал уроки истории в вечерней школе. Детям на занятиях бывалого фронтовика, участника войны, по званию капитана, было интересно.

Школа занимала первые места в районных, окружных, областных соревнованиях. Учащиеся радовались спортивным успехам, оформили альбом «За спортивную честь школы». На уроках истории Флегонт Яковлевич рассказывал о героях Великой Отечественной войны, о родном крае, о бескрайних просторах Ханты-Мансийского округа, о людях, проживающих в нем. Одновременно он проводил исследовательскую и общественную работу, был секретарем партийной организации, пропагандистом, участвовал в художественной самодеятельности, оформил летопись школы.

Красивый, аккуратный, подтянутый, он нравился как учителям, так и учащимся, и был примером для всех.

Памятным, незабываемым для меня событием была первая комсомольская свадьба 27 февраля 1960 года, которую пришлось организовывать мне и Показаньеву: ему как секретарю партийной организации, а мне как секретарю комсомольской организации. Сочетались браком Лилия Васильевна Смехова, которая в 1957 году начала работать учителем начальных классов в Аганской школе, а в 1959 году — пионервожатой в средней школе № 1 Сургута, и Владислав Александрович Силин — учитель физики. Оба — молодые комсомольцы. Флегонт Яковлевич на этой свадьбе был тамадой, а я — свахой.

Свадьба проводилась на старинный лад. Праздничные столы были накрыты в актовом зале школы, гостей собралось более 100 человек. В ЗАГС новобрачных, родственников и свидетелей везли на десяти тройках с колокольчиками. Лошади украшены цветами и лентами, гости наряжены в русские национальные одежды. На каждой тройке играл гармонист. Когда такой необыкновенный кортеж появился на улицах поселка, посмотреть на это чудо сбежались все жители Сургута. Инициатором торжества был Ф.Я. Показаньев, который и в дальнейшем помогал молодой семье.

Неоценима роль Флегонта Яковлевича в развитии ветеранского движения в городе. 25 лет он был председателем городского совета ветеранов войны и труда, членом президиума. Под его руководством создавались первичные советы ветеранов, ветеранские группы, клубы. Когда меня избрали председателем городского совета ветеранов педагогического труда, он приходил на наши праздники и заседания, помогал во всем.

При Флегонте Яковлевиче городской совет ветеранов войны и труда был родным домом для всех нас, членов совета, так как там царили дружба, уважение, взаимопонимание и уют.

Флегонт Яковлевич был необыкновенный человек, одновременно строгий и добрый, он любил свой город и его жителей, умел работать с людьми, старался каждому помочь.

За несколько дней до его смерти я позвонила Флегонту Яковлевичу по телефону, чтобы посоветоваться, как оформить положение об организации ветеранов при городской администрации. Он мне посоветовал.

Флегонт Яковлевич будет всегда для нас примером служения Родине, родному краю и городу.

*З. Трофимова,
отличник народного просвещения РСФСР*

* * *

Ему не удалось получить высшее образование. Вообще говоря, интеллигентность человека не находится в прямой зависимости от образования.

Я знал Ф.Я. Показаньева с 1960 года. Мы вместе работали в райкоме (горкоме) КПСС. Он в отделе пропаганды и агитации, а я

Снимок на память о встрече поколений

руководил промышленно-транспортным отделом. Рядом находятся наши дачные участки в кооперативе «Прибрежный-1». Это позволяло нам часто встречаться и обсуждать все наболевшие проблемы.

Мне нравились в Показаньеве такие его качества, как высокая дисциплина, требовательность как к окружающим его людям, так и к себе, честность, трудолюбие, стремление постоянно самосовершенствоваться, аккуратность во всем.

Словом, Флегонт Яковлевич не мог подвести никого. Если он что-то пообещал, то обязательно выполнял. Если назначена встреча, то придет точно в срок. Обещаниями он не разбрасывался. Всегда опрятен, выбрит, подтянут. Маленький дачный домик, украшенный посаженными рядом красивыми елями, рябиной. За оградой аккуратно, словно по линейке, сложены дрова, строительные материалы, а рядом — картофель, огурцы, помидоры, капуста, цветы. И все это хорошо ухожено.

Его квартира так же скромна, как и все остальное. Находится она в доме устаревшей серии. В ней нет богатой мебели.

Флегонт Яковлевич чаще всего был задумчив и угрюм. Его лицо выражало мудрость, уверенность и спокойствие. Все он делал неторопливо, взвешенно и надежно.

Он был настоящим коммунистом до последней минуты своей жизни. В трудные периоды он не сбежал, не перекрасился, остался верен своей партии. В любой обстановке: на площади, в Доме культуры, у себя дома, на даче — он решительно защищал ее от оголтелых нападок порой необразованных, не знающих нашу историю людей или авантюристов и демагогов.

Как утверждал Флегонт Яковлевич в беседах, не перевертыши-коммунисты определяли роль и авторитет партии в обществе, а скромные труженики: рабочие, крестьяне и интеллигенты. Они не за страх, а за совесть шли первыми в атаку против фашистов, восстанавливали народное хозяйство, создавали авиакосмическую технику.

Ф.Я. Показаньев умел видеть не только большие недостатки, провалы, нелепости в работе КПСС, но и все положительное, чего она добилась за время своего руководства страной. Он не раз подчеркивал, что бесплатное образование, медицинское обслуживание, право на труд, практически символические цены за содержание детей в детсадах и яслях, мизерные цены на авиа- и железнодорожные билеты, низкие цены на промышленные и продовольственные товары, бесплатное жилье — были величайшие достижения социализма.

К этому стремятся многие народы. Не один раз в наших беседах Флегонт Яковлевич утверждал, что самое главное и самое важное — морально-нравственная обстановка в обществе.

Первое знакомство с Флегонтом Яковлевичем могло оставить у многих, кто с ним встречался, образ сухого, авторитарного, закомплексованного человека. Да, действительно, его характер, его качества не находились на поверхности. Он держал людей на каком-то расстоянии. Но близкое знакомство с ним дает мне основание сказать, что Флегонт Яковлевич был удивительный человек, обладающий всеми человеческими качествами. Он мог рассказать самые интересные эпизоды из своей жизни, при этом и шутил, и смеялся, и переживал. Но он всегда вел себя сдержанно, в каких-то, только ему известных рамках.

Он был государственный, общественный человек.

Он всегда переживал за судьбу России, нашего народа, Сургута. Хорошую память оставил Ф.Я. Показаньев о себе.

За несколько месяцев до смерти, на его даче, Флегонт Яковлевич подробно рассказал мне о своем здоровье. Он жаловался на высокое давление, на частые судороги, головокружение. Он с болью говорил: «Посмотри на все это: домик, баня, теплицы, деревья — все это создано нашими с Лилией Николаевной руками. Мы умрем, и все это кому-то достанется. Не этого жалко, — продолжил он, — а того, что жизнь человеческая коротка, и даже в этой короткой жизни многие не умеют жить как следует».

И вот сегодня нет с нами Флегонта Яковлевича. Но в наших душах осталась вечная память об этом честном и порядочном человеке.

Н.К. Молодьков

ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ ВЫРОС

Встреча с хорошим человеком — всегда праздник. А если встреча неожиданная, значит, праздник вдвойне.

Внешне Флегонт Яковлевич Показаньев неприметен. Обыкновенный человек. Невысок и негромок. И одет, как все другие. И должность у него не бог весть какая — заведующий кабинетом партийного просвещения. И образование только среднее.

Но есть в этом человеке незримая сила. Она и притягивает, и волнует, и радует. Сила эта — глубокая, острая влюбленность в свой студеный, суровый таежный край.

Кое-кто, прочтя эти строки, недовольно воскликнет: «Эка невидаль. Да кто же его не любит, свой-то край!» На первый взгляд, резонное замечание. Вроде бы и в самом деле все любят землю, на которой выросли и живут. А все ли? Кабы любили, разве бежали бы с родных мест в поисках легкого хлеба и красивой жизни? Разве пустели бы села, небрежно обрабатывались нивы, гибли земные плоды от людского безразличия?

Говорят, любовь слепа. Наверное, это правда по отношению к слабым и духовно бедным людям. Любовь же Флегонта Яковлевича — всевидяща. Он досконально знает предмет своей любви, всю его многовековую биографию.

Я стоял в толпе экскурсантов и с удовольствием слушал складную, горячую, вдумчивую речь Показаньева. С указкой в руках он медленно шел от стенда к стенду. Шел и говорил. Говорил, как будто читал невидимую летопись своего края.

Он рассказывал о событиях вековой давности с такой заинтересованностью и так подробно, будто был одним из участников или хотя бы очевидцев повествования. Он говорил, как рисовал. Мазок. Еще мазок. Еще. И вот перед мысленным взором слушателей вставала древняя Югра. Старый купеческий Сургут, который, как спрут, раскинул щупальца по таежным стойбищам ханты и манси, отнимая у них меха, рыбу, дичь.

Сотни цифр, имен, названий. И все по памяти, без конспектов. А когда речь зашла о настоящем и будущем Сургута, гордая улыбка уже не покидала лица рассказчика. Ведь Сургутский район — основной нефтяной оазис Западной Сибири. Вон в пробирках и колбочках чернеет густая нефть Усть-Балыка и Мегиона. Отсюда уже нынешним летом пойдет на перегонные заводы первая промышленная нефть. Здесь, в Сургуте, будет заложен главный город нефтяников. Сюда придет железная дорога из Тюмени.

От слов Показаньева глаза юных экскурсантов разгорались все ярче и ярче. Я смотрел на взволнованные, одухотворенные лица ребят, и в моей душе росло чувство глубочайшей благодарности этому сеятелю доброго, разумного, вечного.

И вот экскурсанты ушли. Флегонт Яковлевич с хозяйской медлительностью прошелся по комнате, придирчивым взглядом окинул стенды, присел на корточки перед кучей разной утвари. Тут

были и столетние кремневые ружья, и допотопные луки-самострелы, и искусно сплетенные из бересты и корней табакерки, туески. Все очень древнее, сделанное руками безвестных умельцев.

— Откуда у вас это? — полюбопытствовал я.

— У добрых людей выпросил, — ответил Показаньев, вертя в пальцах пороховую мерку, сделанную из медвежьего зуба. — Только вчера привез. Не успел еще разобрать. Километров четыреста проехал по самым глухим деревням. Всех стариков обошел. И видите, сколько добра! Годика через два у нас, знаете, какой музей будет?

Я поддакиваю вовсе не из любезности. Я верю этому человеку, музей только открылся, а в нем более пятисот экспонатов. А сколько ценных исторических документов! И все это собрано руками Показаньева. Собрано с большим трудом. За долгие годы.

Где бы ни работал он в эти годы, сослуживцы его скоро привыкали к тому, что Флегонт Яковлевич раньше всех приходит на работу и последним уходит домой. Тысячи часов просидел он за письменным столом то с лупой, то с кистью, то с пером в руках. Изучая, реставрируя, обрабатывая найденные им документы, составляя многочисленные письма.

Мэр Сургута Александр Сидоров поздравляет ветерана

Показаньев — человек поиска. Он вечно ищет. Либо адрес, либо документ, либо статью, опубликованную полвека назад. Ищет и всегда находит.

Из бесед со старожилами Флегонт Яковлевич узнал много интересного о деятельности сургутского уездного администратора Г.А. Пирожникова. Началась длительная переписка с бывшими политссыльными. В конце концов удалось установить, что Пирожников жив и у него имеется большой личный архив. И вот Показаньев едет в Екатеринбург, бывший Свердловск, и заполучает в руки ценнейшие документы.

Когда я был в Сургуте, Показаньев попросил меня ознакомиться с рукописью «Записок» Пирожникова и помочь их опубликовать.

— В них столько наблюдений из прошлого Сургута. Это большое подспорье будущим историкам нашего края. В таком деле нельзя и малой каплей пренебрегать.

И Показаньев не пренебрегает. Ни малой крупичей, ни малейшим фактом, помогающим создать исторически правдивую картину. Он черпает эти факты из воспоминаний очевидцев и участников событий, из книг. А их, к сожалению, в Сургуте мало. Научную же командировку не только в Москву, но даже в Тобольск, кто даст? Вот и приходится изворачиваться.

Поиск — дело сложное. Историк-исследователь похож на следопыта. Маршрут поиска напоминает чертеж раскидистого дерева. Чем ближе к вершине, тем больше ответвлений и побегов. Одно открытие влечет за собой десятки неразгаданных тайн и нерешенных вопросов. Помните увлекательную повесть Ираклия Андроникова о расшифровке загадочных «Н.Ф.И.», под которыми было опубликовано несколько лермонтовских стихотворений. А каких трудов стоило Показаньеву заполучить каждый новый факт еще ненаписанной биографии своего края, особенно послереволюционного периода. Капитальных исследований нет, биографических справочников тоже. До всего приходится доходить на ощупь, иногда в стотысячный раз перепроверяя одно и то же.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центральный Госархив СССР, библиотека имени Ленина — да разве мыслимо перечислить всех адресатов, от которых получает Флегонт Яковлевич письма с фотокопиями статей и документов, с добрыми советами и консультациями.

Пять лет тяжелого труда, исследований и поисков, раздумий и разочарований не пропали даром. В Сургуте появился свой музей. В лице Показаньева соединились основатель, директор, экскурсовод и научный сотрудник музея, причем работал он без зарплаты, без смет и штатов.

— Не все измеряется деньгами, — задумчиво говорит Флегонт Яковлевич. — Есть вещи, не поддающиеся денежному выражению. Например, любовь к Родине. Ее не продают и не покупают. Она в крови человека, в каждой клеточке его тела. Без нее он уже не человек. А чтобы любить Родину, надо ее знать, надо изучать ее историю. Для этого мы и создали наш музей.

Он очень скромный, поэтому и говорит «мы» и «наш». Вот еще один пример тому.

К 370-летию Сургута Показаньев написал большой доклад, включив в него наиболее ценные факты, которые удалось собрать за годы тяжелого исследовательского труда. Но почему-то прочел доклад другой. Статью из него сделал третий.

— Обидно вам? — поинтересовался я.

— Нет, — просто ответил он. — Лишь бы все это не лежало мертвым грузом, дошло до людей, помогло им еще крепче полюбить наш дивный край.

«Вот оно — главное наше богатство, — думал я, слушая его. — Из таких и сварена земная ось, на которой держится планета!»

Константин Лагунов

КТО ОН: ИСТОРИК, АРХЕОЛОГ, ЛЕКТОР?

Уходил человек в тайгу. Не с ружьем, с лопатой. Перекопал весь холм, что у Кедровки. Над ним шутили:

— Не иначе, клад ищешь?

И представьте, нашел. Всего-навсего кучу головешек и груду разбитых черепков. Но по ценности они вряд ли уступят золоту. Потому что найдены на стоянке древнего югорского племени.

В археологическом справочнике теперь Кедровая значит как стоянка предков угров, которую обнаружил наш земляк Флегонт Яковлевич Показаньев. Располагалась она на том месте, где недавно построена телевизионная станция «Орбита».

Флегонт Яковлевич не археолог, однако им стал. И не историк. Но ему удалось собрать и обобщить материалы по возникновению и развитию нашего города за всю его 374-летнюю историю.

В 1957 году, после пятнадцатилетней службы в армии, возвратился в Сургут капитан запаса Показаньев. Устроился физруком в среднюю школу, которую закончил за день до начала Великой Отечественной войны. Заниматься под руководством бывалого фронтовика было очень интересно. Пришли спортивные успехи на районных, окружных и даже областных состязаниях. Появился фотоальбом «За спортивную честь школы». Несколько снимков в нем отводилось ветеранам-физкультурникам.

Чем больше преподаватель и его питомцы узнавали о своих предшественниках, тем интереснее казалась им история школы, ее традиции. Появился еще один альбом, на нем каллиграфическим почерком Флегонт Яковлевич написал: «Летопись сургутской средней школы». Нынче в школе — добрый десяток всевозможных летописей. Но самые ценные — те, которые собраны Показаньевым.

***У своего домика на даче «Прибрежный-1»
вместе с женой Лилией Николаевной***

Недолго проходил в физруках Флегонт Яковлевич. Предложили возглавить районный отдел культуры, а затем — отдел пропаганды и агитации райкома КПСС. Однако не бросал полюбившееся ему занятие. В Сургуте, Локосово, Тундрино стояли памятники героям гражданской войны. Кто они, эти безымянные герои?

Запросы в Центральный Государственный архив министерства обороны не дали никаких результатов. Не нашлось списка погибших среди документов окружного и областного архивов и музеев. Начались розыски живых свидетелей становления советской власти в Приобье. Опрошены сотни людей лично и с помощью переписки. Не закончен поиск и по сей день. Но теперь мы уже достоверно знаем, с какими трагическими событиями Приобья связаны эти обелиски, знаем похороненных людей. В дни торжеств возлагаем венки, приносим им дань уважения благодарных потомков.

Лекции Флегонта Яковлевича интересны тем, что он рассказывает о многовековой истории нашего края, используя большой фактический материал. Но есть в них и другое, что отличает его от других лекторов. Страстность. Флегонт Яковлевич хочет, чтобы старожилы и новоселы дорожили и гордились историей Сургута, его добрыми традициями.

В старину подвергали наказанию людей, которые рубили кедр, а нынче сплошь и рядом бываем свидетелями того, как ради нескольких кедровых шишек рубится вековое дерево. Из-за озорства уничтожаются лесные обитатели.

Впрочем, подобным людям все труднее становится объяснять свои поступки. Потому что в городе и районе более тысячи друзей охраны природы. Есть у нас и свое отделение общества охраны памятников истории и культуры. Возглавляет его Показаньев — инициатор создания на общественных началах местного историко-краеведческого музея.

Увлеченность не мешает, а скорее помогает Флегонту Яковлевичу справляться с основной своей работой — ответственного секретаря общества «Знание». Впрочем, лекционной пропагандой он начал заниматься в 1944 году.

Полгода назад из состава районной организации выделились две сотни нефтеюганских лекторов. Однако показатели деятельности организации нисколько не ухудшились. За истекший год, по сравнению с предыдущим, было прочитано населению почти

на треть лекций больше. Сургутская организация — одна из самых больших. В ее рядах — 500 членов. На днях третий раз Флегонта Яковлевича избрали ответственным секретарем местного отделения общества.

За заслуги в области пропаганды политических и научных знаний в канун Нового года Флегонту Яковлевичу Показаньеву присвоено почетное звание Заслуженный работник культуры Российской Федерации. На днях ему исполняется 46 лет. Большого тебе счастья, долгих лет и творческой удачи, дорогой наш человек!

Александр Сыроватский

ЛЕТОПИСЕЦ

Уже семь лет я был знаком с Флегонтом Яковлевичем, но не мог представить своего старого друга грозным танкистом, одним из тех чумазых, отчаянных парней в черных шлемах и перепачканных дырявых комбинезонах, которые бесстрашно неслись на «тридцать четверках» сквозь вражеские огневые заслоны, поднимая гусеницами тучи снега и пыли и выплескивая из вороненых стволов ураганы смерти.

Но куда пойдешь против характеристик, где сказано, что «капитан Показаньев отлично стреляет из танкового оружия и хорошо разбирается в материальной части средних и тяжелых танков»?

С любопытством разглядываю фотопортрет молодого Показаньева, его непослушную, лезущую вверх шевелюру, эмблему танковых войск на погонах и петлицах, будто бы вторично знакомлюсь с Флегонтом Яковлевичем. И думаю, насколько все-таки прав поэт, сказавший «мои друзья — загадка для меня!»

А подвиг бывшего танкиста Показаньева известен далеко за пределами Сургута и даже отмечен специальным значком на карте Тюменской области. Это краеведческий музей, основанный в результате настойчивого труда крестьянского сына, одержимого беспредельной любовью к земле, где рос и учился, откуда ушел на фронт Великой Отечественной войны и куда вернулся с победой и боевыми наградами.

Разное говорили о Флегонте Яковлевиче. Многим он казался формалистом. Что ж, в этом доля правды. В характере Показаньева действительно присутствует косточка военного человека,

всегда подтянутого, аккуратного, не терпящего расхлябанности, точного, как выверенный перед атакой хронометр.

Вот такой человек и стал основателем Сургутского краеведческого музея, первым летописцем города на Оби.

Не помню точно, с чего началась сургутская «повесть временных лет», которую многие годы ведет бывший начальник штаба танкового батальона. Может быть, с лаконичных записей в «летописи средней школы № 1», куда, сняв офицерские погоны, пришел учителем физкультуры Показаньев. Может быть, именно с этих строк: «По рассказам старейшего учителя Александра Павловича Разумовского, до революции в сургутской школе, за неимением бумаги, преподавание чистописания велось на столе с песком с помощью палочек. Чистый речной песок высевался на стол, и дети палочками вычерчивали на нем буквы, цифры, знаки...»

А может, летопись началась с «Трудового списка мещанина Александра Григорьевича Тверетина, окончившего трехклассное Сургутское уездное училище в 1888 году»? Клочок бумаги был первым, оказавшимся в руках краеведа, документальным подтверждением существования к тому времени общеобразовательной школы в крохотном приобском городке.

Сколько же потребовалось хлопот, чтобы отыскать на дне деревянного сундучка пожелтевший от долгого хранения документ или восстановить коротенький, всего в три фамилии, список выпускников школы второй ступени, открытой в Сургуте уже в советское время, узнать о судьбе этих людей, раздобыть их фото-портреты?

Уйму времени отнимали у Показаньева поиски документов и записки воспоминаний старожиллов. Он не зря торопился, и ему удалось восстановить, казалось, уже безнадежно утраченные страницы истории Сургута.

Никто, разумеется, не давал инструктору райкома партии, куда пригласили работать Показаньева, денег на научные командировки, никто не освобождал его от хлопотливых обязанностей. Он честно нес «служебную нуду» и, жертвуя своим отдыхом, выкраивал время, чтобы посылать письма с запросами (иногда по десятку в день) в Ленинскую библиотеку, Государственный Эрмитаж, архивы и музеи Москвы, Новосибирска, Тюмени, Тобольска и сургутянам, давно покинувшему город на Оби.

По просьбе Показаньева, пенсионер Николай Васильевич Пугно сообщил подробности состоявшейся в 1909 году в Сургуте первой маевки. Партизанский комендант Сургута Иван Иванович рассказал о бесславном конце колчаковщины на обском Севере. Прикованный болезнью к больничной койке, председатель Сургутского райисполкома двадцатых годов Михаил Васильевич Чарков диктовал свои воспоминания о приобщении представителей коренных народностей Севера к управлению государством, о становлении лесной промышленности в нашем таежном крае.

Помнится, с каким волнением разглядывали мы с Флегонтом Яковлевичем анкету и заявление о приеме в партию, сохранившиеся у сургутского старожила Владимира Петровича Федорова, коммуниста ленинского призыва: «Прошу ячейку РКП(б) принять меня, рабочего, в ряды Российской Коммунистической партии (большевиков), так как я осознал, что эта партия есть защитница рабочих и крестьян. Хочу вступить в ее ряды и бороться с нашим врагом — капиталом...»

С большим трудом были найдены деньги на изготовление фотокопий редких книг и газетных статей о Сургуте, обнаруженных в библиотеке имени Ленина.

Изо дня в день работал Показаньев, по капельке, по крупинке собирая материалы по истории родного города. Так продолжалось многие годы. В этом сказалась большая внутренняя собранность человека, глубокая убежденность коммуниста, что краеведение — важная часть идеологической работы.

Вот строчки из дневника Показаньева: «Окружной военкомат отказался выслать списки сургутян, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, ссылаясь на загруженность сотрудников работой. Будучи в служебной командировке в Ханты-Мансийске, я просидел несколько ночей, переписывая и уточняя списки погибших в боях земляков».

О своих удачах Флегонт Яковлевич говорил мало, но мне кажется, что его воспоминания о списках исторических документов чем-то напомнили бы нам устные рассказы Ираклия Андроникова.

Собранные в многочисленных папках и общих тетрадах, материалы стали большим подспорьем для лекций, с которыми Показаньев часто выступает перед трудящимися сургутских предприятий, перед туристами, которые все чаще навещают

наш город, перед студентами — участниками третьего трудового семестра на Всесоюзных ударных стройках. Ему не требуется, как иным лекторам, «шпаргалок», чтобы увлекательно и доходчиво говорить с любой аудиторией о прошлом Сургута, о перспективах развития экономики и культуры города. И лекции эти не похожи одна на другую. Умение сопоставить факты прошлого и настоящего, сообщить слушателям свежие новости из жизни города, за которыми он внимательно следит, использовать фольклор малых народов Севера и тщательно изученную литературу нашего края — вот что определяет успех лекций Показаньева.

Вот как начинается рассказ о Сургуте Флегонт Яковлевич: «Когда зародилась эта сказка, никто не знает. Старый ханты говорит, что все сказки идут от первого века», то есть с тех пор, как появились люди на земле.

Суть сказки такова: обширная местность между Обью и Енисеем покрыта настолько недоступными болотами, что ни человек, ни олень по ней пройти не могут. Даже солнце не могло преодолеть их и утонуло. С тех пор люди ищут солнце. Ждут его звери и птицы, деревья и травы. Но эта сказка действительно имеет счастливый реальный конец. Его дописали неутомимые разведчики недр, сумевшие найти и покорить солнечную энергию, разлившуюся по «жилам земли» в виде несметных запасов нефти и газа. И запасы эти настолько велики, что их хватит на многие десятки лет, чтобы согреть людей, кормить и одевать их, двигать машины.

А сегодня Сургут — главный город сибирских нефтяников. Это огромная строительная площадка. Куда бы вы ни поехали, куда бы ни пошли, всюду видите кипучий творческий труд великого созидания. На многие километры раскинулась гигантская строительная площадка по правому берегу реки Оби. Могучие руки плавучих и порталных кранов заняты разгрузкой сотен судов. Высоко в небо взметнулись трубы Сургутской ГРЭС, ажурные нефтяные вышки и радиомачты, многоэтажные жилые корпуса. Скоро сюда придет железная дорога... Таков нынешний Сургут, где древняя сказка народа ханты стала былью!»

Лектор-краевед использует все средства, чтобы привить новоселам добрые традиции сургутян, приумножить их.

Показаньев — один из активнейших нештатных корреспондентов газеты «К победе коммунизма». За последние четыре-пять

лет он опубликовал более ста заметок, статей и очерков об истории Сургута, его новостройках, о защите природы. В содружестве с Иваном Прокопьевичем Захаровым написан «Очерк истории Сургутской партийной организации».

Трудно перечислить все сделанное энтузиастом-краеведом для пропаганды славных боевых и трудовых традиций сургутян. По инициативе Показаньева в нашем городе воздвигнут мемориал павшим в боях за становление советской власти на Обском Севере и на фронтах Великой Отечественной. По его предложению улицы Февральская, Мартовская, Сосновая носят теперь имена героев гражданской войны: Антонина Зырянова, Ивана Кандалова, Михаила Щепеткина. По настоянию краеведа появились мемориальные доски в честь отбывавших в Сургуте ссылку декабристов и революционеров, активных членов социал-демократических рабочих организаций; мемориальные доски в память о первом коммунистическом субботнике и открытии первого промышленного предприятия в городе — консервной фабрики, положившей начало новому отряду сибирского рабочего класса.

Памятник первым комсомольцам Сургута, обелиски в селах Тундрино, Юган, Локосово, где находятся могилы комсомольцев, павших в тяжелые дни кулацко-эсэровского мятежа 1921 года, значки, на которых начертано слово «Сургут», повседневная помощь лекторам городского общества «Знание» — громадный многолетний труд человека, которому присвоено почетное звание Заслуженный работник культуры РСФСР.

Как-то в разговоре Флегонт Яковлевич упомянул о единственном дереве, уцелевшем на Сапун-горе во время кровопролитных боев за освобождение Севастополя. И как это ни странно, израненное пулями и осколками, дерево напоминало мне не о военных заслугах Показаньева, а о том, что мой старый друг начинал сбор исторических документов о Сургуте в одиночку. И делалось это не ради собственной корысти. Краеведческая работа не принесла ему ни высокого денежного оклада, ни быстро восходящего по служебной лестнице. Но неутомимый патриот города коммунист Показаньев опроверг пословицу «один в поле не воин». Трудовой подвиг навсегда внес имя бывшего танкиста в историю города на Оби.

Николай Ездаков

* * *

Трудное и тяжелое детство выпало на долю Флегонта Яковлевича. Восьмилетним мальчиком он в составе большой семьи приехал на Север, в необжитые края. Как он говорил: «Приехал ловить рыбу и рубить лес». Действительно, они со старшим братом Василием рано приучились ловить примитивными средствами рыбу, дичь и мелких зверюшек.

Требовалось прокормить не только себя, но и помочь родителям в содержании семьи. Они были главными помощниками отца при приготовлении «муки» из березовой коры и листьев тальника, которая заменяла муку и спасла таким образом от голодной смерти.

Десятилетним мальчиком был зачислен в организовавшуюся школу, сразу во второй класс. К тому времени он умел хорошо читать, писать и считать, знал на память много стихотворений из поэм Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Большие трудности пришлось пережить в годы учебы, начиная с пятого класса, на Черном Мысу и в Сургуте. Эти годы скитаний по частным квартирам, полуголодным, полураздетым, схожи с кинофильмом «Уроки французского».

Необыкновенная тяга к знаниям, отличнейшая память, на-

Отдыхали супруги Показаньевы, как и трудились, всегда вместе

пряженный труд, сочетание учебы с работой помогли ему успешно закончить среднюю школу. Позднее он вспоминал, как ему, голодному, приходилось сидеть на уроках, участвовать в работе класса и скрывать, что он голоден. Он был человеком устремленным. Хорошо понимал, что стране нужны новые грамотные люди. Поэтому, несмотря на необыкновенные трудности, он учебу не бросил. Хотя один год был пропущен. Работал на рыбозаводе. Но на семейном совете было решено продолжить учебу.

Помню, как он, когда учился, на выходные зимой прибегал домой на Банный с котомкой за плечами, чтобы унести на неделю нехитрую провизию — мороженое молоко, соленую рыбу и какую-то стряпню, которую наша мама, Матрена Никитична, пекла, заботясь о детях. Он был ласковым, любящим своих родителей сыном. Это ему помогало поддерживать с родителями теплые отношения. По вечерам при семилинейной лампе долго беседовал с отцом о событиях, происходящих в Европе в связи с агрессивными действиями Германии.

Отец выписывал центральные газеты — «Известия» и «Труд», а также местную. К нему часто вечерами приходили соседи, и он рассказывал о событиях в стране и за рубежом. Но скоро мирная жизнь закончилась. Брат был призван в действующую армию. Прошел всю войну. Дважды был ранен, но не комиссован, а направлен в военное училище. И после войны служил в Монголии.

Наше детство проходило в разное время. Когда я закончил начальную школу, он уже закончил среднюю и поступил в Тобольский учительский институт. Потом война, фронт. Я за это время стал взрослым молодым человеком. В 1948 году через военкомат был призван на восстановление шахт в Кузбассе. Моя поездка совпала со свадебным путешествием брата с невестой Лилией (в девичестве Тетюцкой) к месту службы.

Мы переписывались с Флегонтом. Помню очень важный шаг в моей жизни. Я самостоятельно решить его не мог. Это вступление в партию коммунистов. Мне еще не приходилось писать свою биографию. Раньше о ней не задумывался. И здесь очень важным советом, фактически определившим мое направление на всю жизнь, помог Флегонт Яковлевич. Главным было — честно написать о моем происхождении, составе семьи. И в дальнейшем мне было как-то легче об этом говорить и писать. Я был открытым и это мне помогло жить и чувствовать себя равным в любом коллективе.

Старший брат оставался для меня примером честного служения своей Родине, своему Отечеству во всех моих делах и свершениях до последних дней его жизни. Особенно ярко проявились его способности на общественной работе в городе Сургуте. Он был инициатором многих начинаний и все доводил до конца. Он был добрым и отзывчивым человеком, требовательным к себе и товарищам. Он очень любил свой город, свой край. И жители достойно оценили его вклад в жизнь и развитие края и города, присвоив ему звание Почетный гражданин города.

Светлая память о нем сохранится на всю жизнь как в моем сердце, так и в сердцах моих детей.

Борис Показаньев

* * *

Близко с Флегонтом Яковлевичем мне пришлось познакомиться во время моей работы в отделе партийной жизни Сургутской районной газеты «К победе коммунизма». Требовалось написать отчет с очередного пленума, и я, как не раз потом бывало, зашла к Показаньеву за документами: докладом, выступлениями. Он подозрительно посмотрел на меня поверх очков и спокойно сказал, что никому их не дает. Пришлось идти за разрешением к заведующему отделом. Потом наши жизненные пути не однажды пересекались, и эти перекрестки не всегда были мирными. Нет, мы не ругались, но каждый имел свое непоколебимое мнение.

Помню, как удивился он, прочитав мою публикацию о приземлении в Югане спутника-ракеты. Он даже чуть приостановился и вроде как растерялся, ведь мимо него прошло это засекреченное событие. Очередная полемика касалась моего репрессированного деда — священника. И получила прописку на газетной полосе.

Показаньев вновь не согласился со мной, указывая, что неважным священником был отец Яков, если с ним так жестоко поступили прихожане, утопив в проруби.

В те годы в редакции, казалось, не было человека, который бы не знал, как страдает и мучается автор Показаньев, если его текста коснулась чужая рука. Он глубоко, до боли сердечной переживал эти факты, замечая, что у него нет сомнений в умении журналистов редактировать. «Но это уже будет не Показаньев», — говорил он. Досталось тогда и мне, вздумавшей украсить его повествование. Нет, он не кричал, не грозил, но с такой болью вел речь, что мне до сих пор неудобно вспоминать тот факт.

Скрупулезно и дотошно он редактировал книгу «Дорогами войны», и его слово здесь было твердым и окончательным.

Он не принял мою первую книжку «Три века и 13 лет», он ведь работал с документами и статистикой, опирался на архивные данные, не однажды проверенные. А в моей книжице воспоминания людей разбавлены художественным вымыслом, чего не признавал, по-моему, Флегонт Яковлевич.

Тем не менее на презентацию мы его пригласили, и он обещал быть, с оговоркой: если будет здоров. Не пришел, значит, подкачало здоровье.

Но тот же Показаньев в числе первых вручил мне Книгу Памяти, в которую вписана фамилия моего папы. И это мне тоже запомнилось.

Уже после смерти ветерана, краеведа-историка Флегонта Яковлевича Показаньева я познакомилась с некоторыми его трудами и поразились, насколько он был многогранен, всеобъемлющ. Как жаль, что такое знакомство не состоялось при его жизни.

Не могу умолчать и о его верной спутнице Лилии Николаевне, которая служила и ему, и его делу. И какие грибочки для него

солила, на его последнем дне его рождения я их пробовала. Она всегда была с ним. Надежда, опора, слушательница, секретарша. Одним словом, жена.

Она и теперь осталась его представителем на земле. И принимала в один из октябрьских дней на могиле мужа тех, кто пришел на митинг по случаю открытия надгробного памятника. У нее не было слов, да и к чему они? Выступавшие всё хорошо сказали.

А Сидоров, глава администрации: «Он был всегда в ра-

**Ф.Я. Показаньев
с однополчанином**

боте, но то же время не показывал, сколько делал и делает. Его дело, на мой взгляд, не найдет достойного последователя, и я уверен, что равного ему нет. Мы отдаем ему долг, это начало выполнения того, что наметили. Говоря словами поэта, к памятнику не зарастет народная тропа».

А Сибирцев, председатель совета ветеранов: «Спасибо мэрии за внимание к ветеранам, Ф.Я. Показаньеву. Восемь месяцев он лежит здесь, но он всегда с нами, с нами его дела. Рассматривали вопрос о создании музея боевой и трудовой славы, он оставил о нем положение. Этот человек был особого склада, кладезь знаний. Лично для меня был ходячей энциклопедией, справочником. Я называл его великим гражданином России и великим гражданином нашего города. И это не высокие слова, он доказал это всей своей жизнью».

Н. Молодьков, председатель общества «Старожилы Сургута»: «Открытие памятника является подтверждением уважения к покойному Флегонту Яковлевичу. Имя его известно далеко за пределами Сургута. Он был беспокойным человеком, заботящимся о людях, о всей стране. Он внес достойную лепту в историю нашего края. Пусть же это место будет местом памяти Флегонта Яковлевича».

И. Захаров, почетный гражданин Сургута: «Сегодня мы впервые вот в такой обстановке открываем памятник замечательному человеку, сделавшему так много для города, для страны нашей, отстоявшему в годы войны независимость нашей Родины. С Показаньевым связаны многие годы моей работы. Лет 25 назад мы с ним начали копаться в архивах сургутской партийной организации. И она сплотила нас. 22 года назад мы выпустили брошюру «Краткий очерк истории Сургутской партийной организации».

Л. Степанова, директор Сургутского музея: «Говорим, что незаменимых нет. Неправда. В нашем городе нет такого знающего историка, который разбирался бы в любых вопросах, касающихся истории города, района, округа. Всегда мы к нему обращались и получали ответы. Всегда музейные работники приглашали его и знали, что он придет. Не только принесет экспонаты, но и расскажет, как оформить документы. Он сам участвовал во всех мероприятиях, рассматривал наши научных концепции. Не будучи кандидатом наук, разбирался во многих вопросах высших знаний».

Н. Шевцова, старожил Сургута: «Мы временем умеем дорожить. Часы не бывают лишние. И всадник друга ждет на перевале не потому, что некуда спешить. И ношу со спины того, кто хил, берет на свою спину человек прохожий не потому, что много сил и он никак растратить их не может».

Флегонт Яковлевич действительно брал на себя многое. При этом не скажешь, что он был богатырем, напротив, не отличался даже высоким ростом. Но он взял на себя ту часть ноши и нес ее. Он видел далеко вперед и оставил память своим потомкам. Многие из нас оставят такой след. А он своими делами оправдал звание человека. Вот всем бы нам быть такими людьми. Он первый собрал сведения о погибших сургутянах и добился увековечения имен на мемориале славы, куда ежегодно 9 мая приходят сургутяне. Имени его нет на памятнике. Но он сам служит ему памятью. Это он сотворил!

В. Илле, племянница Ф.Я. Показаньева: «Спасибо всем за хлопоты, за память. Знаю, если бы он сейчас видел и слышал, конечно, остался бы доволен, но и огорчился, что его скромной персоне отдают такие почести, утруждают себя».

Памятник на кладбище — первая страница в деле увековечения памяти Ф.Я. Показаньева. Эта книга — тоже знак памяти о нем. Еще в городе будет улица Показаньева, экспозиция в музее и мемориальная доска на доме, где жил Ф.Я. Показаньев.

Л. Показаньева: «Дорогие наши мэры города Сургута Александр Леонидович Сидоров, заместитель мэра Яков Семенович Черняк, начальник управления архитектуры и градостроительства Виктор Иванович Унжаков, председатель совета ветеранов Андрей Николаевич Сибирцев, сердечное вам спасибо и низкий поклон за все то доброе, что вы сделали по увековечению памяти нашего дорогого Флегонта Яковлевича Показаньева. Мы никогда не забудем вашу доброту».

*Ни у кого нет жизни запасной,
Как век ни длинен, не хватает века.
И все же люди жертвуют собой,
Оправдывая званье человека.*

Показаньев Флегонт Яковлевич Показаньеву Андрею Николаевичу

Андрюша, наш род Показаньевых разветвился по женской и мужской линиям и широко распространился по России. Сегодня Показаньевы живут в Курганской, Челябинской, Томской областях, в Сургуте и Салехарде. По женской линии появились и еще появятся новые ветви под другими фамилиями.

Андрюша, в настоящее время из младшего поколения в Сургуте ты являешься единственным продолжателем старинного и известного рода Показаньевых. Твои пращурсы с давних времен были уважаемыми и авторитетными людьми. Твой прапрадед Калистрат Ильич и прадед Яков Калистратович были грамотными, просвещенными крестьянами, передовыми людьми своего времени. Твой дедушка Василий Яковлевич — участник Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны, многи-

Митинг, посвященный открытию памятника на могиле Показаньева

ми медалями. В мирной жизни — рыбак и охотник, передовик сельскохозяйственного производства.

Твой двоюродный дядя, или дедушка, Борис Яковлевич Показаньев, пять лет служил на Тихоокеанском флоте, имеет высшее образование, инженер-конструктор первой категории сельскохозяйственного машиностроения на заводе «Сибсельмаш» в городе Новосибирске.

Я, Показаньев Флегонт Яковлевич, — участник Великой Отечественной войны, кадровый офицер Советской Армии, служащий государственных учреждений, общественный деятель, автор и соавтор нескольких книг о нашем крае и городе Сургуте, Почетный гражданин города Сургута, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Андрюша, расти здоровым и сильным, береги себя, чтобы в зрелости завести большую, здоровую, крепкую семью, чтобы не захирел, не вывелся род Показаньевых. Вырастешь — полюби и возьми себе в жены девушку порядочную, достойную, способную стать хорошей женой и матерью, продолжательницей нашего рода, готовой принять на себя ответственность за честь семьи. Но помни, что честь, слава и гордость будут зависеть прежде всего от тебя, от твоего авторитета и примера в семье.

Андрюша, я оставляю тебе несколько личных вещей, предметов и сувениров для пользования и хранения. Пусть они послужат основой собрания семейных реликвий и будут передаваться от поколения к поколению. Эти сувениры уникальны и неповторимы.

Я не дарю тебе дорогих вещей, их помогут завести папа и мама, а вырастешь — заработаешь сам. Я дарю тебе память.

15 февраля 1996 года

Показаньев

ИСПОВЕДЬ

Видимо, человеку свойственно исповедаться и подводить итоги жизни. За последние годы, особенно в период расширения гласности и углубления демократии, в период переоценки сложившихся и устоявшихся взглядов, характеристик и определенных я постоянно обращаюсь к прожитому, сужу свои дела и думаю, правильно ли жил.

Мне 65 лет. За плечами большая жизнь: тяжелая работа с детских лет в домашнем хозяйстве, в колхозе, на рыбных промыслах, учеба, голодное время, война, служба в Советской армии, работа в школе, в советском и партийном аппарате. Многогранная общественная деятельность.

Однако и в то время можно было жить спокойно, запечатав себя в футляр равнодушия и безразличия ко всему происходящему, и прожить много лет без тревог и волнений. Но такая жизнь не по мне. Я всегда жил активно, постоянно проявлял воинствующее возмущение должностными злоупотреблениями и всевозможными формами воровства, разъедающими и подрывающими устои нашего общества, разлагающими людей, вел постоянную, порой бесплодную, борьбу с антиобщественными явлениями.

Так как же я жил? Осмыслив пройденный путь, считаю, что жил правильно. В 1944 году на фронте связал свою судьбу с партией и все годы оставался верным ее бойцом. Никогда не помышлял о привилегиях, не рвался в большие чины, работал на тех участках, на которые направляла партийная организация. Обязанности выполнял инициативно, творчески, добросовестно, не повинуюсь приказу или распоряжению, с душой к людям.

При этом и не избежал тех ошибок, которые допустила партия. Однако, сомневаясь в правильности некоторых решений, высказывал свою точку зрения, а решение все же с усердием выполнял. Например, высказывал сомнение в положительных результатах от запрещения держать домашний скот в городе и рабочих поселках (1959 г.); высказывался против свертывания сельскохозяйственного производства в малых деревнях, их разорения и полного исчезновения; яростно боролся против бесхозяйственности, варварского истребления лесов и других природных богатств района; требовательно выступал в защиту коренных народностей Севера, за создание историко-этнографической зоны в Сургуте, за сохранность памятников истории и культуры. Это можно проследить по моим выступлениям в газетах и на собраниях.

Так как же я жил? Пусть, наконец, об этом скажут потомки, которым попадут в руки мои воспоминания и архивные документы.

ОСНОВНЫЕ НАГРАДЫ

Правительственные награды

- Орден Отечественной войны первой степени.
- Медаль «За отвагу».
- Медаль «За боевые заслуги».
- Медаль «За победу над Германией».
- Медаль «За безупречную службу» второй степени.
- Медаль «30 лет Советской армии и флота».
- Медаль «50 лет Вооруженных Сил».
- Медаль «60 лет Вооруженных Сил».
- Медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».
- Медаль «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».
- Медаль «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».
- Медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».
- Медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».
- Медаль «Ветеран труда».

Почетные грамоты партийных и советских органов

- Грамота Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении почетного звания Заслуженного работника культуры от 27 декабря 1967 года.
- Почетная грамота Ханты-Мансийского окружкома КПСС, 11 января 1972 г.
- Почетная грамота Ханты-Мансийского окружкома КПСС, 1975 год.
- Почетная грамота Ханты-Мансийского окружкома КПСС, 1977 год.
- Почетная грамота Сургутского райкома КПСС, 30 ноября 1963 года.
- Почетная грамота Сургутского райкома КПСС, 1 ноября 1967 года.
- Почетная грамота Сургутского райкома КПСС, 23 октября 1974 года.

- Почетная грамота Сургутского райкома КПСС, 15 апреля 1981 года.
- Почетная грамота Сургутского райкома КПСС, 17 января 1982 года.
- Почетная грамота Сургутского райкома КПСС, 12 марта 1983 года.
- Почетная грамота Сургутского райкома КПСС, 30 марта 1985 года.
- Почетная грамота Сургутского райкома КПСС, 9 мая 1985 года.
- Почетная грамота Сургутского ГК КПСС, 30 октября 1987 года.

Почетные грамоты комитетов ВЛКСМ

- Почетная грамота Тюменского обкома ВЛКСМ, 14 мая 1981 года.
- Почетная грамота Тюменского обкома ВЛКСМ, 3 июля 1985 года.
- Почетная грамота Ханты-Мансийского окружкома ВЛКСМ, 23 февраля 1968 года.
- Почетная грамота Ханты-Мансийского окружкома ВЛКСМ, 1983 год.
- Почетная грамота Сургутского горкома ВЛКСМ, апрель 1979 года.
- Почетная грамота Сургутского горкома ВЛКСМ, 31 января 1985 года.

Почетные грамоты общественных организаций

- Почетная грамота Всесоюзного общества «Знание», 2 февраля 1971 года.
- Почетная грамота Всесоюзного общества «Знание», 18 апреля 1985 года.
- Почетная грамота общества «Знание», 21 марта 1981 года.
- Благодарственная грамота Тюменской областной организации общества «Знание», 29 ноября 1965 года.
- Благодарственная грамота Тюменской областной организации общества «Знание», 20 декабря 1966 года.
- Благодарственная грамота Тюменской областной организации общества «Знание», январь 1972 года.
- Благодарственная грамота Тюменской областной организации общества «Знание», 9 мая 1975 года.

- Почетная грамота Тюменского обкома ДОСААФ, ноябрь 1961 года.
- Почетная грамота Центрального совета ВООПИК, 1975 год.
- Почетная грамота Тюменского областного совета по туризму и экскурсиям, 1974 год.
- Почетная грамота Тюменского областного совета профсоюзов, 3 ноября 1987 года.

Приветственные адреса:

- Ханты-Мансийского ОК КПСС, 1987 г.
- Сургутского ГК КПСС, 1977, 1980, 1982 гг.
- Парткома Сургутнефтегаз, 1985 г.
- Сургутского ГК ВЛКСМ, 1977 г.
- Редакции газеты «К победе коммунизма», 1980 г. и другие.

Почетные и памятные знаки:

- Центрального Комитета ВЛКСМ — 1,
- Центрального Комитета ДОСААФ — 1,
- Центрального совета ВООПИК — 1,
- Советского Комитета ветеранов войны — 2.

И. ЗАХАРОВ

**СУРГУТ:
ЛЮДИ И ГОДЫ**

СУРГУТСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Наш замечательный город Сургут — старейший в Западной Сибири. Он основан во времена Бориса Годунова и царствования сына Ивана Грозного Федора Иоанновича, после известной экспедиции за Урал легендарной дружины Ермака Тимофеевича. Год основания Сургута — 1593. В 1998 году ему исполнится 405 лет.

Много воды утекло в Оби-матушке с тех пор, как на карте России появился наш город. Всякое было в его истории. Были подъемы и падения. Острог и крепость превращались в город, ставший во главе огромного края. Сургут горел и вымирал. Наши далекие предки испытали нищету и бедность, тяжелые болезни и голод. Например, в 50-х годах прошлого века в городе не было ни одной приличной постройки, и он производил впечатление убогого, затерявшегося в лесу поселения.

Исследователи и разные ученые, побывавшие на Средней Оби в XIX веке, в один голос утверждали, что сама природа уготовила Сургуту, всем малым народам Сибири медленное и мучительное вымирание. «На инородческом нашем Севере тихо тянется процесс угасания», — так писал профессор Казанского университета Якоби.

К счастью для России, не сбылись эти печальные предсказания ученых мужей прошлого. На самом деле все вышло совсем иначе. И я признателен судьбе за то, что она дала мне возможность написать в эту книгу несколько страниц благодарности городу, который свел меня со многими хорошими людьми и позволил быть участником и свидетелем крутых изменений облика древнего края.

Не будем касаться седой старины. Многовековая история Сибири и Сургута широко освещена во многих академических изданиях, в книгах местных краеведов, в воспоминаниях очевидцев тех или иных событий. Действительно, сургутяне много повидали. Они пережили революционные потрясения начала нашего столетия, кровавые дни и месяцы 1919 и 1921 годов. Они создавали первые колхозы и промышленные предприятия, строили жилые дома, школы, больницы и всегда много учились.

Трудные испытания выпали на их долю в годы Великой Отечественной войны. За четыре военных года наш Сургут проводил

на фронт более трех тысяч своих сынов и дочерей. Больше 1200 из них не вернулись в родные края. Они отдали жизнь за свободу и независимость нашей Родины. Трудовой подвиг совершили труженики тыла — женщины, старики, подростки и дети. Все они не покладая рук работали во имя Победы. За годы войны рыбаки района выловили и сдали государству 280 тысяч центнеров рыбы. В 1943 году ее было добыто 76846 центнеров. Таких результатов никогда не было раньше. Их не смогли достичь во все послевоенные годы и в обозримом будущем они вряд ли будут превышены. Охотники района сдали на заготовительные пункты шкурок пушных зверей на 5 млн. 342 тыс. рублей. В пересчете на деньги нового образца это будут многие миллиарды рублей. А тогда, в грозное время, страна меняла шкурки соболей, лисиц и белок на американские танки и самолеты.

На фронт и в партизанские отряды сургутяне отправили больше 200 посылок с продуктами, подарками, теплой одеждой. Сургутяне собрали в фонд обороны страны, на строительство боевых машин тысячи и тысячи рублей из своих личных сбережений. Оказали посильную помощь Запорожской области в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. Сургут приютил юных ленинградцев, когда их город оказался во вражеской блокаде. Для детей с берегов Невы были открыты три детских дома — в Сургуте, в поселках Песчаном и Ямском.

Трудовой и ратный подвиг наших земляков в годы Великой Отечественной войны навсегда останется в памяти народа.

Первые послевоенные годы запомнились старожилам как время подъема и бурного развития исконно сургутских отраслей экономики. Круто шло в гору сельское хозяйство. Высоких урожаев картофеля, овощей, зерновых достигали полеводы Банного, Локосова, Покура, Погорельска, Сытомина, Высокого Мыса, Сургутского и Белоярского колхозов. В то сургутское далёко ежегодно в райцентре устраивались сельскохозяйственные выставки. Чего только там ни было! Снопы пшеницы, ржи, ячменя, отборные клубни картофеля, турнепс высотой с табуретку, яркие и мясистые помидоры, морковь, репа, редька, огурцы и другие овощи.

Показывали свои успехи охотники, рыбаки, рабочие промартели, промышленного и пищевого комбинатов и, конечно, животноводы. В ряде сельхозартелей успешно существовали фермы племенного скота. Шла реконструкция рыбоконсервного комбината, на его стапелях строились речные суда. В Сургуте и районе

открывались новые школы, дома культуры. Силами коллективов МТС и ряда колхозов осваивались целинные и залежные земли. На выселках работали смолокурни, в лесу заготавливали живицу.

Пишу об этом в сургутский календарь не столько из ностальгических побуждений (хотя, по-моему мнению, ностальгия — это прекрасное чувство), сколько в связи с выходом в свет этой памятной книги о сургутянах. В этой же связи назову несколько имен людей, которые работали в Сургуте и которые внесли немалый вклад в становление и развитие района, города, округа. В первые послевоенные годы у нас работали Аркадий Николаевич Лоскутов, Василий Васильевич Смехов, Игнатий Фомич Беженцев, Федор Васильевич Иванов, Виктор Гаврилович Бахмат, Леонид Иванович Михайлов, Василий Захарович Уженцев, Георгий Гаврилович Кушников. В начале пятидесятых годов к нам приехали Василий Васильевич Бахилов и Антонина Георгиевна Григорьева. С этими людьми накрепко связано начало новой эры в истории нашего города и района.

13 сентября 1957 года в Сургуте создана Юганская разведка структурно-поискового бурения. Начальником ее стал Фарман Курбанович Салманов.

3 апреля 1958 года организована Сургутская нефтеразведка глубокого бурения. После 10 сентября 1959 года она стала называться «Сургутская комплексная геологоразведочная экспедиция». Начальником ее оставался все тот же Салманов, выпускник Бакинского института, азербайджанец по национальности и сибиряк по призванию.

28 августа 1958 года село Сургут отнесено к категории рабочих поселков. В то же время образован Белоярский сельский Совет.

20 января 1959 года на восточной окраине Сургута началось бурение первой глубокой скважины. Буровым мастером работал Николай Андреевич Багдасырьянц, один из бурильщиков — Виктор Павлович Лагутин.

После сургутской были пробурены скважины на Силинских островах и в западной части Марьиной горы. Там и была получена первая нефть — одна бочка в сутки.

20 января 1960 года первые притоки нефти получены на скважине, пробуренной на Бограсе, а 20 марта 1961 года геологами Сургутской экспедиции и буровой бригадой Георгия Ивановича Норкина открыто Мегионское месторождение нефти.

21 июня 1961 года на территории Сургутского района бригадой рабочих Карпа Ананьевича Иванченко вблизи небольшой деревеньки Усть-Балык заложен Нефтеюганск. В первое время он назывался поселок Партсъездовский.

15 октября 1961 года открыто знаменитое Усть-Балыкское нефтяное месторождение. Вот полный текст телеграммы об этом событии, направленной из Сургута в Тюмень: «На скважине Р-62 в 13 часов 35 минут ударил фонтан газа, струя сильная, емкостью дебит замерить не удастся, видимо, не менее 200 тонн. Дано указание продуть до чистой нефти, установить фонтанную арматуру, попытаться замерить давление, дебит. Скважина лупит по всем правилам. Ровнин, Салманов, Горский, Савельев, Биншток, Кожевников». Как же мы радовались этому открытию сургутских геологов!

В 1961 году население Сургута — 6300 человек.

60-е годы для Сургута — это время больших геологических открытий на нашей древней земле. Разбуженные недра могучими фонтанами звали в Сибирь все новых и новых людей со всех концов Советского Союза. И они ехали сюда и летели, жили в палатках, на отслуживших свое пароходах, рыли землянки, строили балки (кстати скажем, что слово «балок» — наше, северное, здесь его и изобрели, возможно, в 60-е годы). На голом месте или в глухом лесу создавались новые коллективы, предприятия, экспедиции. Многие старожилы хорошо помнят ту «бучу, боевую и кипучую».

19 января 1962 года на базе буровой бригады Г.И. Норкина, небольшого производственного участка И.Я. Высочинского и открытых сургутскими геологами залежей нефти создана Мегионская нефтеразведочная экспедиция в Ларьякском, ныне Нижневартовском районе.

18 августа 1962 года образована Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция. Через многие годы плодотворной работы она переехала в Ново-Аганск — поселок, построенный сургутянами недалеко от Варь-Егана.

15 октября 1962 года открыто Западно-Сургутское месторождение нефти. Кроме того, в 60-е годы на геологическую карту района нанесены вновь открытые месторождения: Локосовское, Северо-Сургутское, Вершинное, Быстринское, Тайлаковское, Вынгинское, Минчимкинское, Сайгатинское, Западно-Минчимкинское, Яун-Лорское, Тайбинское. Вон сколько открытий! Героями тех лет были буровые мастера Сургутской экспедиции Виктор

Павлович Лагутин, Нажметдин Уакпаевич Жумажанов, Серафим Иванович Зиновьев, бурильщик Борис Христьянович Минц и многие другие. А Георгий Петрович Еремин, открыв Локосовское месторождение, вскоре перешел на работу в управление буровых работ № 1 объединения Сургутнефтегаз. Его бригада не раз устанавливала всесоюзные рекорды проходки скважин. Ереминцы первыми начали бурить по 100 и более тысяч метров в год.

В июне 1963 года в Сургуте создан хозрасчетный участок строительного управления № 8 треста «Татнефтепроводстрой» Газпрома СССР. Его возглавил Николай Васильевич Юрковский. От этого скромного участка и взяла свое начало могучая строительная индустрия, которая была создана в Сургуте в те же 60-е и последующие годы.

30 января 1964 года совнархоз Средне-Уральского экономического района принял постановление об организации нефтепромысловых управлений в объединении Тюменьнефтегаз. Организовано нефтепромысловое управление Сургутнефть. Первый приказ по этому управлению подписан 16 марта 1964 года. Начальником его стал Василий Степанович Иваненко, главным инженером — Лев Дмитриевич Чурилов, главным геологом — Равхат Шакирьянович Мамлеев.

2 апреля 1964 года организована контора материально-технического снабжения НПУ «Сургутнефть», в мае того же года — автотранспортная контора нефтяников, первый ее начальник — Виктор Лаврентьевич Полюшкин.

17 мая 1964 года ранним вечером началась промышленная эксплуатация Усть-Балыкского месторождения нефти, а 26 мая в Нефтеюганске состоялся торжественный митинг сургутян, завершившийся большим праздничным концертом и банкетом. Именно в тот день первая баржа с нефтью на буксире парохода «Капитан» отправлена на Омский перерабатывающий завод.

Летом 1964 года экспедиция Киевского филиала института Гипротрубопровод Газпрома СССР вела изыскательские работы на трассе нефтепровода Усть-Балык—Омск. Экспедиция Новосибирского института Сибгипротранс занималась изысканием трассы железной дороги Тюмень—Сургут.

В ноябре 1964 года в Сургуте работали первые иностранные корреспонденты Гейнс Штерн и Эбергард Кель из ГДР, написавшие затем книгу «Континент будущего», вышедшую в Новосибирском книжном издательстве в 1965 году.

В январе 1965 года группа смельчаков, водителей автомашин НПУ «Сургутнефть», во главе с главным механиком Николаем Егоровичем Дурасовым на своих «ЗИЛах» и «Уралах» пробились до Тюмени. Стала действовать зимняя дорога Сургут—Тюмень.

29 мая 1965 началась промышленная эксплуатация Западно-Сургутского месторождения нефти.

25 июня 1965 года рабочий поселок Сургут преобразован в город окружного подчинения. Тогда в Сургуте жили уже 12500 человек, а в районе — 13008. Первым председателем горисполкома был Леонид Васильевич Пешев, затем, с 18 ноября 1965 года — Петр Александрович Мунарев, с 21 июня 1973 года — Герман Семенович Мачехин, с 30 сентября 1974 года — Юрий Михайлович Мелехов, с 29 июля 1977 года — Александр Владимирович Чинчевич, затем были Николай Григорьевич Аникин и Олег Данилович Марчук.

С 23 июня 1988 года председателем горисполкома работал Леонид Юлианович Рокецкий. 4 апреля 1990 года его избрали председателем Сургутского городского Совета народных депутатов. Но в этой должности он проработал лишь 36 суток — 11 мая 1990 года, со второй половины дня, он стал председателем исполкома областного Совета народных депутатов. Сейчас Л.Ю. Рокецкий — губернатор Тюменской области, депутат парламента России.

9 апреля 1990 года председателем горисполкома избран Александр Леонидович Сидоров. Затем его стали называть главой администрации нашего города, избрали депутатом окружной Думы. 27 октября 1996 года А.Л. Сидорова почти единогласно избрали мэром Сургута.

Если первая половина 60-х — это время больших геологических открытий, то последующие годы смело можно назвать бурным развитием строительства. Север Западной Сибири, и прежде всего Сургутский район, превращался в огромную строительную площадку.

Мы уже знаем, что **25 июня 1965 года** рабочий поселок Сургут преобразовался в город окружного подчинения. На следующий день, **26 июня**, начали строить первый крупнопанельный дом. Сделали это рабочие промыслово-геофизической конторы, во главе которой был Виталий Семенович Катков. Он и заложил фундамент будущего здания. Ровно через 16 месяцев, **26 октября**

1966 года, после торжественного митинга под бодрящие мелодии духового оркестра первый КПД был заселен.

В марте 1965 года создана Сургутская контора бурения. Одним из активных ее организаторов стал Евгений Никитович Жаворонков, участник Великой Отечественной войны. Впоследствии его наградили орденом Октябрьской революции, а в 1994 году присвоили звание Почетный гражданин города Сургута.

15 декабря 1965 года началась потолочная сварка труб нефтепровода Усть-Балык—Омск. В октябре 1967 года, значительно раньше срока, нефтепровод вступил в строй действующих. Строителей приветствовал ЦК КПСС.

В апреле 1966 года создан первый в городе строительный трест Сургутгазстрой. Через несколько месяцев из его состава выделился трест Спецгазстрой. С июля 1973 года он стал называться трест Сургуттрубопроводстрой.

2 июня 1967 года Тюменскую область наградили орденом Ленина. Эта награда — за успешное развитие нефтегазового комплекса на Севере области.

16 октября 1967 года рабочий поселок Нефтеюганск преобразовали в город окружного подчинения. Таким образом, усть-балыкское детище, возвращенное трудом наших земляков и старших товарищей, вылетело из-под теплого сургутского крылышка. В настоящее время на территории Сургутского района построены города Радужный, Лангепас, Когалым, Пыть-Ях, много больших и малых населенных пунктов. За последние 30 лет территория нашего района сократилась вдвое.

21 октября 1967 года сдали в эксплуатацию телевизионную станцию «Орбита». А первые передачи у нас начались 3 ноября в 10 часов утра. В Сургуте был праздник, никто не работал, все сидели у телевизоров. На протяжении десятилетий начальником цеха космической связи (так называлась «Орбита») работал Вадим Семенович Долженко — ветеран города, заслуженный связист Сургута.

11 декабря 1967 года создано управление строительства Сургутской ГРЭС. О добрых делах этого управления, его первого начальника — Иосифа Наумовича Каролинского — хорошо знают в России. Рабочие этого управления построили крупнейшие электростанции, работающие на попутном нефтяном газе.

30 июня 1968 года Сургут торжественно отметил свое 375-летие. Там, где теперь конечная остановка автобуса первого мар-

шрута, состоялся многолюдный митинг и народное гулянье. Горожан приветствовали и поздравляли руководители страны, области, округа, города, редакции многих центральных газет и журналов, писатели Федин, Марков, Сартаков, Соболев, Михалков. Ленинградская поэтесса Нина Королева посвятила Сургуту стихи, в которых есть и такие строки:

*Но впереди вся жизнь его,
Судьбы прекрасной, беспокойной,
Домов высотных торжество,
Гранитных набережных вечность.*

В честь знаменательной даты городской Совет депутатов трудящихся учредил звание Почетный гражданин города Сургута. Первыми этой высокой чести удостоены Георгий Гаврилович Кушников и Фарман Курбанович Салманов.

В те же 60-е годы у нас часто бывали композиторы, поэты, писатели, приезжали космонавты, другие известные люди страны. Вот лишь небольшая цитата из книги В.В. Бахилова «Дорога к нефти»: «Шла как-то районная комсомольская конференция. Как раз в Сургут прилетел Лев Иванович Ошанин. Сразу же из аэропорта, как с корабля на бал, он приехал к комсомольцам. Его встретили песней «Бирюсинка», потом запели «Песню о тревожной молодости». Лев Иванович дирижировал многоголосым самодельным хором.

Сургутяне гордятся и тем, что Ян Френкель столь известную песню о русском поле впервые исполнил у них».

18 сентября 1968 года — открытие мемориала солдатской славы и памяти сургутянам, погибшим в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Автором этого памятника был сургутянин, бывший танкист Владимир Стародумов. К 50-летию великой Победы наш мемориал реконструирован, благоустроен. Каждый год 9 мая там проходят торжества ветеранов и молодежи.

18 января 1970 года закончилось строительство перехода ЛЭП-500 — Тюмень—Сургут — через реку Обь в районе Сайгатино. Энергия Тюменской ТЭЦ пришла в Сургут. Эту большую стройку осуществляла мехколонна-14, которой руководил Игорь Алексеевич Киртбая.

28 июля 1970 года в Сургуте побывала большая группа писателей — участников Дней советской литературы в Тюменской области.

9 декабря 1970 года Ханты-Мансийский автономный округ наградили орденом Ленина «За большие успехи, достигнутые трудящимися округа в выполнении заданий пятилетнего плана по освоению месторождений и увеличению добычи нефти». Эти строки из Указа Президиума Верховного Совета СССР.

В апреле 1971 года Василию Васильевичу Бахилову присвоено звание Героя Социалистического Труда. Это было сделано по ходатайству и настойчивой просьбе жителей нашего города.

На сургутской земле работало много героев труда.

В трудную пору освоения богатства Сургутского района высокое звание Героя имели:

Агафонов Вениамин Максимович, буровой мастер Сургутского управления буровых работ;

Аллаяров Ричард Хайрулович, буровой мастер из Нефтеюганска (Нефтеюганск в то время входил в состав Сургутского района);

Даньшин Василий Васильевич, бригадир строителей магистральных трубопроводов;

Жумажанов Нажметдин Уакпаевич, буровой мастер Сургутской нефтеразведочной экспедиции;

Кондрашев Иван Иванович, бригадир строительной бригады;

Левин Геннадий Михайлович, начальник Сургутского управления буровых работ № 2;

Мелик-Карамов Николай Борисович, буровой мастер Усть-Балыкской и Сургутской нефтеразведочных экспедиций;

Панасевич Вера Ивановна, бригадир строительной бригады по строительству Сургутской ГРЭС (трест Запсибэнергострой);

Салманов Фарман Курбанович, начальник Сургутской нефтеразведочной экспедиции, затем начальник Главтюменьгеологии, заместитель министра геологии СССР;

Сидорейко Василий Ларионович, буровой мастер Сургутского управления буровых работ № 2;

Тимаков Владимир Георгиевич, оператор по добыче нефти НГДУ «Сургутнефть»;

Тимченко Александр Григорьевич, бригадир вышкомонтажной бригады объединения Сургутнефтегаз;

Филимонов Александр Николаевич — активный участник освоения Усть-Балыкского месторождения нефти. Впоследствии высокого звания были удостоены и другие ударники труда.

5 августа 1975 года окончено строительство железнодорожного моста через Обь и железной дороги Тюмень—Сургут. В наш город прибыл первый поезд. На станции Сургут состоялся многочисленный митинг. Радости и людскому ликованию не было предела. Много добрых слов было сказано в адрес строителей магистрали и их руководителя Дмитрия Ивановича Коротчаева. На строительстве мостов отлично потрудились отряды № 15 и № 29 Валентина Федоровича Солохина и Анатолия Викторовича Моисеева. Сейчас коллектив треста № 11 строит автомобильный мост через Обь. Его протяженность более двух километров.

12 июля 1975 года для пассажиров Сургутского аэропорта открылся новый аэровокзал.

13 ноября 1976 года началось рабочее движение поездов по железной дороге Сургут—Нижевартовск.

1 марта 1977 года организовано производственное объединение Сургуттрансгаз.

1 октября 1977 года создано производственное объединение Сургутнефтегаз. Теперь это акционерное общество и крупнейшая в мире нефтяная компания с тем же гордым названием «Сургутнефтегаз». Первым генеральным директором работал Николай Петрович Захарченко. Затем был Александр Викторович Усольцев, а с 1984 года генеральным директором работает Владимир Леонидович Богданов, он же президент нефтяной компании.

Многотысячный коллектив нефтяников трудится на больших площадях Сургутского района, добывает больше тридцати миллионов тонн нефти в год. О добрых делах нефтяников знает вся страна, о них написаны книги и сложены песни.

В октябре прошлого года наш город торжественно отметил 20-летие Сургутнефтегаза. Было много встреч и собраний. Под яркие всполохи фейерверка ветераны, основатели первых промыслов на сибирской земле, непременно вспоминали недалекое прошлое, свою молодость и славную историю.

Позади героический труд целого поколения людей, которые делали все для того, чтобы наступил сегодняшний день с юбилеями и народными гуляньями. Сургут сегодня — это город многоотраслевого хозяйства. У нас действуют крупнейшие заводы, нефтегазодобывающие и перерабатывающие предприятия, развиты все виды транспорта и связи.

3 мая 1979 года создано РЭУ «Тюменьэнерго» с местонахождением в Сургуте. Первым управляющим работал Владимир Пет-

рович Соколов, а с 17 марта 1993 года генеральным директором стал Валентин Федорович Боган. «Тюменьэнерго» объединяет все электростанции и теплоэлектроцентрали Сургута, Тюмени, Тобольска, Уренгоя, Нижневартовска, а также электросети от степей Казахстана до Ледовитого океана, от Урала до Енисея. «Тюменьэнерго» — крупнейшее энергетическое объединение России, в котором работает больше 27 тысяч человек.

Сургут сегодня — это крупный культурный центр Тюменской области. У нас открыты государственный университет, педагогический институт, филиалы различных вузов и средних учебных заведений. Работают общеобразовательные школы, гимназии, лицеи, профессионально-технические училища и учебно-курсовые комбинаты, художественные и музыкальные школы, дворцы культуры, библиотеки, проходят смотры народного творчества и красоты. В конце прошлого года первой красавицей Сургута признана студентка университета Светлана Мухамедьярова. Это официально, но в нашем городе все женщины красивы, добры и трудолюбивы.

Порядок и чистоту, тепло и свет в городе поддерживают крупные жилищно-коммунальные учреждения. Два из них возглавляют депутаты городской Думы Владимир Афанасьевич Попов и Василий Никифорович Гришков.

За здоровьем населения следят хорошие врачи и медработники. Почти в каждом микрорайоне есть амбулатории, поликлиники, медсанчасти и стационары, оснащенные современной медицинской техникой. Среди медработников немало старожил, мы их хорошо знаем и с большим уважением относимся к их труду.

Словом, у нас есть все для работы, жизни и быта почти 280-тысячного населения города Сургута. Но все это стало не вдруг, образовалось не за один день.

Потребовались годы и десятилетия напряженного труда тысяч людей — старожил и новоселов, чтобы за Уралом, на просторах Западной Сибири, появилось то, что мы теперь называем главной топливно-энергетической базой России.

Сургут строила вся страна. И этого никто не может отрицать. Велика роль в развитии нефтегазового комплекса Советского государства и партийных организаций. В 60-е, 70-е и последующие годы к нам неоднократно приезжали Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, бывали у нас секретари ЦК КПСС, министры, космонавты, народные артисты,

писатели, другие известные в стране люди. Бывали у нас и Михаил Сергеевич Горбачев, и Борис Николаевич Ельцин, хорошо знает наши края Виктор Степанович Черномырдин.

Активно содействовали развитию производительных сил Сургута, его экономики и культуры Борис Евдокимович Щербина, Геннадий Павлович Богомяков, Владимир Петрович Курамин, Дмитрий Иванович Коротчаев. С огромным уважением относились сургутяне к Юрию Георгиевичу Эрвье, а Виктора Ивановича Муравленко единогласно избирали депутатом Верховного Совета СССР. Душу и энергию свою отдавали работе местные руководители, и прежде всего Василий Васильевич Бахилев, Михаил Михайлович Конев, Антонина Георгиевна Григорьева. С искренним гостеприимством относились к новоселам — геологам, строителям, нефтяникам, энергетикам — старожилы Сургута. На первых порах они делились с приезжими всем, чем могли: и хлебом, и жильем, и теплом.

Конечно, неприятно слушать по радио, читать в газетах и видеть на экранах телевизоров бесконечную критику и самые настоящие оскорбления того времени, когда жила и работала наша молодость, когда самоотверженно действовали партийные и советские организации. Недавно, а точнее — в декабре прошлого года, в связи с праздником энергетиков один молодой тележурналист окружного масштаба, правда, уже с усами, что называется «под орех» разделал Б.Е. Щербину, бывшего первого секретаря Тюменского обкома КПСС, а впоследствии заместителя Председателя Совета Министров СССР, за то, что он, дескать, недостаточно внимательно относился к сургутским энергостроителям и энергетикам. Выдумкам корреспондента не было предела. Но интересно, как вел бы себя этот журналист в то время, когда Борис Евдокимович был жив и работал на благо страны. Критиковать мертвых — удобная позиция.

Еще более обидно, когда газетчики со стажем, бывшие активные члены КПСС, которые еще совсем недавно стлались и лебезили перед партийными работниками, теперь бросают грязные камни на алтарь их памяти и только черными красками покрывают недалекое прошлое. Что же, приспособленцы да подхалимы были всегда, но пользы от них никогда не было.

Нельзя не сказать и еще об одном. В годы бурного освоения сибирских недр Тюмень и Сургут работали дружно и согласованно, шли, как говорят, в одной упряжке. На нас работали тюменс-

кие заводы, базы, порты, да и главные производственные управления находились там. Плохо, что сейчас не прекращаются разборки между автономными округами и Тюменью. Ни к чему хорошему это привести не может.

Сургут дорог сердцам тысяч людей, и нам надо беречь этот город, его дома, улицы, парки, скверы — все, что создано и создается человеческим трудом и разумом. А в заключение пожелаем нашим горожанам счастья и благополучия, спокойной и честной работы во имя будущего, во имя наших детей и внуков, здоровья каждому, кто будет жить без нас в XXI веке.

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ ОТ БАРСКОЙ ГОРЫ

Сама природа подарила Сургуту Барскую гору. Красивейшее было место. Взойдешь на нее, и открывается взору величественная панорама красавицы Оби. Необъятные заливные луга и поймы, протоки и истоки, ямы и острова далеко-далеко обрамлялись лесистой возвышенностью — Полуденной горой, тянувшейся узкой полосой на многие сотни километров, вплоть до Самарово — Ханты-Мансийска. Только там эту гору называют Северной.

По рассказам мудрых старцев и запискам древних летописцев, именно с Барской горы начинался наш Сургут. Рассказывают, что сюда летом 1593 года причалили первые струги московских князей, воевод Матвея Львова и Михайлы Волконского. Сибирские колумбы-первопроходцы, заложившие на самой восточной окраине государства российского новый форпост, совершили свой великий подвиг, оставшийся навсегда в истории. Они одолели упрямство местного князька Бардока, который никак не хотел пускать в свои владения пришельцев, срубили первые жилища на русский манер, а потом, вернувшись в первопрестольную, убедили царя Федора Иоанновича и фактического правителя России Бориса Годунова в необходимости «ставить город в Сургуте».

Спустя многие десятилетия с Барской горы и брали начало первые улицы Сургута. Одна из них — улица Святой Троицы, которую в народе называли просто — улица Троицы. Названа она в честь Троицкого собора, который был построен больше двухсот лет назад на восточном склоне Барской горы и виден был на многие версты вокруг.

Собор украшал город своим нарядным видом, белизной стен и башен, золотом куполов и крестов. Там проходили службы, отмечали праздники, совершали таинства человеческого бытия. Там же, в церкви, в 1879 году первый сургутский геодезист Мирошниченко определил координаты местонахождения нашего города для карты Российской империи. Приборы показали: 61 градус 14 минут 15 секунд северной широты и 43 градуса 2 минуты 9 секунд восточной долготы. Но тогда начальный меридиан проходил через Санкт-Петербург. А что покажут приборы сегодня, если

их установить, допустим, на мемориале солдатской славы и памяти, какие теперь будут долгота и широта, когда начальный меридиан проходит через Гринвич?

Долго простоял Троицкий собор на Барской горе, но в конце концов и он состарился. Исследователь нашего края, революционер-народник Сергей Порфирьевич Швецов отмечал в своем сургутском очерке: «Почти над обрывом прилепилась бедная и ветхая, немного покосившаяся церковь».

Впоследствии собор окончательно разрушился и местные жители разобрали его по кирпичику. Церковные кирпичи, как правило, шли на кладку русских печей и каминов в домах и избах сургутян.

В начале двадцатых годов революционный народ Сургута переименовал все улицы. Не стало Богородицкой, Мещанской, Купеческой, Казачьей, Николаевской. А улица Святой Троицы стала называться именем Владимира Ильича Ленина.

Много примечательных мест на ней, много событий связано с этой улицей за годы советской власти. Вот что писал в 1974 году мой хороший товарищ, талантливый журналист Николай Иванович Ездаков: «Дом номер пять. Здесь проживал несколько десятилетий учитель Аркадий Степанович Знаменский, давший многим сургутянам путевку в большую жизнь. Напротив его дома — широкоэкранный кинотеатр «Октябрь». На фасаде его — мемориальная доска, память о декабристе, полковнике Василии Карловиче Тизенгаузене, который в 1825 году осмелился выступить против царского самодержавия, а затем отбывал ссылку в нашем городе».

Владимир Ильич Ленин говорил о декабристах, что «дело их не пропало...». История старой сургутской улицы подтверждает эти слова. В 1909 году здесь впервые подняли красный флаг с крылатым лозунгом «Долгой самодержавие». Это событие помнил живший на улице Ленина пенсионер Николай Васильевич Пugno, потомок политических ссыльных, родом из-под Полтавы».

К улице Ленина примыкает площадь Красных партизан, где стоит небольшой обелиск памяти героям, павшим за счастье народное в 1921 году, во время кулацко-эсеровского мятежа. В братской могиле покоится прах председателя уездного комитета комсомола Ивана Кайдалова, комсомольцев Федора Макушина, Марии Змановской, Леонтия и Филимона Добрыниных, других борцов за установление советской власти в Сургутском Приобье.

Неузнаваемой теперь стала площадь. 9 сентября 1968 года в День танкистов торжественно открыли мемориальное сооруже-

ние в память сургутян, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. На плитах мемориала — более тысячи фамилий.

Мы миновали первый квартал улицы Ленина. Неподалеку от него жила семья Василия Захаровича Уженцева. В свое время его направили работать в узел связи. К тринадцатой годовщине Великого октября Уженцев смонтировал первый в Сургуте радиозел на двадцать пять точек. Один из громкоговорителей установили на улице Ленина. За большие заслуги перед Сургутом и страной, за многолетний и добросовестный труд Василий Захарович награжден орденом Ленина.

Интересны судьбы сургутян, живших на улице Ленина. Две дочери ханты Романа Захаровича Пухленкина мечтали научиться лечить людей. Сейчас они работают врачами районной больницы. Сам Роман Захарович до последних дней жизни принимал активное участие в управлении государством: он был депутатом Сургутского городского Совета, председателем Белоярского сельского Совета. Их много, этих людей, делами своими вписавших новые страницы в историю старой Троицкой улицы, носящей имя Ленина.

Теперь нет Барской горы. На ее месте вырыли огромную яму, в которой разместили овощехранилище. Не течет больше речка под горой, ее засыпали песком и щебнем, а поверх поставили гаражи. Давно уже снесен сургутский клуб, в котором еще в 1938 году впервые показали звуковое кино, разобрали кинотеатр «Октябрь», ушли под бульдозер да на костер все без исключения жилые дома.

Улица Ленина превратилась в проспект и пролегла теперь совсем в другом месте, прихватив солидный участок Оленьего болота, перерезав старые сургутские дороги и тропы, ведущие к речке Черной, где в изобилии были ягоды и грибы, кедровые орехи и боровая дичь, рыба и пушные звери.

На старой улице Ленина остался лишь мемориал солдатской славы и памяти павших наших защитников. Там горит Вечный огонь. Пусть он никогда не гаснет.

ПО УЛИЦЕ СОВЕТСКОЙ

Люблю бродить по землям старого Сургута. Деревянных домов там теперь почти не осталось, а сохранившие свои очертания проулки, палисадники, огороды давно уже зарос-

ли лебедой, чертополохом и разной сорной травой. Но все равно каждый раз, когда бываю на бывшей улице Советской, память воскрешает молодость и события давно минувших дней.

Вот стоим мы с Борисом Андреевичем Проводниковым у развалин здания бывшего народного суда. От двухэтажной постройки осталось лишь несколько нижних венцов. Огромные кучи мусора, а у бывших резных ворот и расписной калитки чудом сохранился куст калины. Красные ягоды, как капельки крови погибшего друга, застыли на холодном ветру.

Рядом с нами парткабинет, напротив — красная школа. Теперь оба здания — это наш музей. В одном — экспонаты, а в другом — запасник, несколько комнат в нем занимает администрация очень уважаемого нами учреждения.

Когда-то в глубокой давности дома эти принадлежали купцам Клепиковым. Пять братьев их было — Галактион, Павел, Алек-

Белая школа

сей, Александр и Иван. У каждого свой двор и дом. И почти все они стояли на одной улице. Но со временем одни сгорели, другие разрушились. А эти два дома стоят и поныне, хотя и в них не раз бушевали пожары. Но сургутяне всегда отстаивали свои архитектурные реликвии.

Рядом с красной была белая школа. Дом другого сургутского купца — Ивана Ивановича Тетюцкого, простоял под кронами берез и огромных тополей 100 лет. Он мог бы и теперь служить городу верой и правдой, но сожгли его злые люди ночью 6 мая 1990 года. Это был страшный пожар. Пламя бушевало при северном ветре, огонь плавил оконные стекла, рвал железную кровлю, ломал стропила, в мгновение ока узорчатые карнизы и наличники обугливались и превращались в пепел. Мало что удалось спасти. Теперь лишь отдельные детали красивейшего здания изредка можно встретить в отделке дачных домиков предпринимчивых сургутян.

Улица Советская пересекала весь городской полуостров с юго-запада на северо-восток. А начиналась она хорошими магазинами от берега Бардоковки и заканчивалась жилыми домами у самой кромки Саймы. Любили сургутяне эту улицу. В погожие дни и вечера близ речек всегда гуляли влюбленные парочки, ранней весной на Бардоковке шел активный подледный промысел рыбы, сетями ловили мохтиков и сорог. Позднее, когда лед исчезал под лучами весеннего солнышка, к берегу причаливали пароходы и катера. Одно время на естественной набережной в начале улицы располагался веселый сургутский рынок. А в магазинах полки помиллись от осетров, муксунов, нельм, щук и другой сибирской рыбы, по два рубля за килограмм продавали говядину и свинину. В избытке были водка, вино, разные закуски...

Больше пятидесяти добротных домов стояли на улице Советской. У каждого — палисадник с черемухой, рябиной и цветами, у каждого — огород с картошкой-морковкой, огурцами и помидорами. На задах многих усадеб — стайки с коровами, баньки побелому, амбары и сараи с солидными запасами продуктов и топлива, где хранились также рыболовные, охотничьи снасти и припасы.

В начале улицы в добротном двухэтажном доме располагалась контора колхоза «Красный северянин». Рядом стояли скотные дворы и хозяйственные постройки. Судьбы многих людей накрепко связаны с первым сургутским коллективным хозяй-

ством, созданным в начале тридцатых годов. Председателем колхоза много лет работал Георгий Гаврилович Кушников, награжденный впоследствии орденом Ленина и удостоенный звания Почетный гражданин города Сургута.

На этой же улице работала вневедомственная охрана, которую возглавлял майор милиции Николай Андреевич Проводников. Отсюда начала свой путь городская служба газового хозяйства — наш знаменитый Горгаз.

Дом под номером 22 мы называли райкомовским. Это была большая крестьянская изба-пятистенка, а жили в нем секретари райкома партии со своими семьями: Виктор Гаврилович Бахмат, позднее Василий Васильевич Бахиллов, а в последнее время Петр Александрович Мунарев. При доме был конный двор, в котором хозяйничал конюх с многолетним стажем Иван Васильевич Богданов, а одно стойло занимал рыжий иноходец со звездочкой на лбу — высокий и стройный Загар. Он возил своих хозяев в служебные командировки, вплоть до Покура и Сытомино.

Этот дом дорог каждому сургутянину. Здесь работал райком партии, здесь разрабатывали план освоения района, принимали решения, сыгравшие важную роль в жизни Сургута. В этом доме начиналась новая история города

Советская, как и все улицы Сургута, славилась своим населением. Здесь жили и работали хорошие люди. Все знали друг друга в лицо, по имени и отчеству. Жили открыто, не таились и не стыдились своих деяний и поступков. С нескрываемым уважением относились соседи к семьям Дмитрия Степановича Черемных, Николая Александровича Малюгина, Юрия Алексеевича Плетенева, Александра Григорьевича Тутова и многих других.

Улица, о которой мы сегодня вспоминаем, была проложена в сосновом лесу очень давно, никто теперь не скажет, когда — два или три столетия назад. Естественно, на ней проживало много коренных жителей Сургута. Кондаковы, Кайдаловы, Щепеткины, Тверетины — такие фамилии носили казаки, основавшие наш город четыреста лет назад. Потомки их и поныне живут и работают среди нас. Изредка они собираются вместе в обществе старожилых Сургута. Из окон комнаты, где до недавнего времени работало это общество, просматривается небольшой кусочек улицы Советской, единственный жилой дом остался теперь на ней — дом № 6. Рядом с ним — развалины бывшего народного суда, где мы с Борисом Андреевичем Проводниковым вспоминали минувшие дела и свою молодость.

УЛИЦА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Самой большой по протяженности в Сургуте считалась улица Просвещения (прежнее название — Казачья). Она начиналась от картофельного поля на северо-западе и заканчивалась на юго-востоке у берега Саймы, в том самом месте, где в давние годы стояли казенные хлебные амбары. К ним каждую весну причаливали пароходы с продовольствием на следующую зиму.

Много событий поистине исторического значения связано с этой улицей. Здесь, в народном доме, 16 апреля 1918 года была провозглашена советская власть, которая успешно работала в нашем городе почти 75 лет. Правда, в этом периоде был непродолжительный, но очень кровавый перерыв, когда в Западной Сибири, и Сургуте в том числе, свирепствовал кулацко-эсеровский мятеж. Советская власть оставила после себя великие свершения и глубокий след в сознании и сердцах людей.

Теперь Советы постоянно критикуют все, кому хочется это де-

лать. И чем злее и лживее звучит этот крик политической моды, тем «почетнее» становится очередной приспособленец, которого почему-то называют демократом. Ему советская власть совершенно бескорыстно дала образование, хорошую работу, известность, авторитет, и в обмен на все это из уст демагога льется сплошная грязь на родной край, на его историю, на своих родителей и дедов, так здорово поработавших в годы своей молодости и оставивших на память людям целые города.

Теперь нет советской власти. В столице ее расстреляли из танковых пушек, а в Сургуте тихонько распустили. Давно нет и того дома, где она была когда-то провозглашена. Лишь белые березы, посаженные много лет назад, напоминали о том памятном событии. Но теперь и их выкорчевали, построив на их месте гаражи.

На улице Просвещения много лет работал райком партии, а рядом, в двухэтажном доме, построенном в начале 30-х годов леспромхозом, размещался исполком районного Совета депутатов трудящихся. В памяти остался труд председателя райисполкома Леонида Ивановича Михайлова, Виктора Захаровича Хуланхова и незабвенной Антонины Георгиевны Григорьевой. Многие сургутяне знают этих людей и хорошо о них отзываются.

У райисполкомовского дома в дни наших революционных праздников — 1 Мая, 7 ноября — проходили митинги и общенародные сборы. С балкона второго этажа выступали ораторы, приветствуя своих земляков. Самым многолюдным был, конечно, митинг 9 мая 1945 года в день Победы советского народа в Великой Отечественной войне. На него пришли все от мала до велика. Выступали фронтовики, вернувшиеся с полей сражений, матери погибших, молодые ребята, собирающиеся на военную службу. Запомнился также траурный митинг сургутян 9 марта 1953 года в день похорон И.В. Сталина. Это было поистине великое прощание с человеком, стоявшим во главе партии и государства больше 30 лет. И каких лет!

Улица Просвещения так названа не случайно. На ней работали отделы народного образования, культуры, здравоохранения, социального обеспечения, а также райком комсомола, редакция районной газеты, типография, детские учреждения. Да и белая и красная школы стояли на углу улиц Советской и Просвещения. Так что в домах этой улицы зрели добрые семена, которые потом дали прекрасные и яркие всходы. Среди выпускников сургутских школ — ученые, инженеры, художники, известные в России люди.

Целое землячество бывших сургутских школьников работает в Санкт-Петербурге. В юбилейный для Сургута год 400-летия доктор биологических наук Юрий Конев напечатал в районной газете «Вестник» свои интересные воспоминания, а почетный полярник Геннадий Бардин подарил нам хорошую книгу «От Чукотки до Антарктиды». В ней много теплых слов сказано о нашем городе.

Любили сургутяне свое село, улицы, дома. Улица Просвещения, как и все другие, радовала глаз в любое время года. Почти у каждого дома росли деревья, кустарники. Весной расцветала черемуха, распускал свои яркие лепестки шиповник. Летом ковром ромашек и травушки-муравушки покрывалось все пространство между домами, осенью тяжелые гроздья спелых ягод опускались над палисадниками.

А зимой. Резные наличники, ограды, деревья — все в серебре. Но пролетит по улице ветер, унесет игольчатый иней да снег, и вновь предстают взору нарядные дома, украшенные трудом талантливых хозяев. Трещат морозы, бушуют бураны, короткие дни оттепелей вновь сменяются слепыми метелями, оставляющими огромные сугробы. Но в любую погоду, в любое время года жили и работали сургутяне с улицы Просвещения, каждый занимался своим делом.

УЛИЦА РЕСПУБЛИКИ

На улице Республики, в прошлом Николаевской, было свито немало родовых гнезд старых сургутских жителей. Добротные дома имели семьи Проводниковых, Туполевых, Щепеткиных, Клепиковых, Кайдаловых, Непомнящих, Буканиных, братьев Кузнецовых, Федуловых и многих, многих других. На этой же улице располагались целые купеческие имения. В одном из них — Баскинском — в 1928 году сургутяне открыли свое первое промышленное предприятие — консервную фабрику, на которой выпускали не только рыбные консервы из осетра, муксуна, нельмы, но и закатывали в баночки мясо рябчиков, глухарей, косачей, диких гусей. Вкусная была еда.

Навсегда останется в памяти дом купца Силина — красивейшее здание с резными наличниками, карнизами, стальными кружевами над парадным входом и под железной крышей. В конце

20-х и в начале 30-х годов в доме находился Совет рабочих и крестьянских депутатов, а потом многие десятилетия в нем работала районная амбулатория. Развитие сургутского здравоохранения накрепко связано с тем силинским домом. Множество добрых, заботливых врачей, фельдшеров, медицинских сестер работало на ниве охраны народного здоровья, и многие люди спасены ими и возвращены к труду. Местные жители никогда не забудут своих докторов.

В центре улицы располагалось здание государственного правления — управа, а в советское время — сельский Совет. Рядом — пожарная каланча. О местном самоуправлении мы еще поговорим, а о каланче скажем, что на ней многие годы бдительно несли дежурство члены пожарной команды сургутских казаков. День и ночь в любое время года зоркий глаз наблюдателя следил за родным селом. Случись беда, и частые удары колокола соберут народ на защиту своих жилищ от огня, наводнения или других стихийных бедствий. Сургутяне жили дружно, они всегда готовы были прийти на помощь друг другу. В помещении под каланчой всегда находилась готовая к работе ручная пожарная машина, рядом, на санях или телегах, стояли бочки с водой, в стойлах — сытые боевые лошади.

Но как бы ни были бдительны и дружны горожане, огонь все-

Дом купца Силина. В 20-е годы в нем работал Совет депутатов, а затем многие годы размещалась амбулатория

гда приносил селу много бед и несчастий. Страшный пожар на улице Республики случился в ночь на 6 апреля 1953 года — дотла сгорела средняя школа. С великим трудом удалось отстоять дома Владимира Степановича Кочеткова, Михаила Филипповича Хозяинова, другие постройки, в том числе сельский Совет и саму пожарную каланчу. Сильнейший северо-западный ветер нес горящие головни до самого моста через Сайму, по дороге на Черный Мыс. Загорания были отмечены на улицах Советской, Красноармейской, Февральской, других местах верхней части села.

На том страшном пожаре, спасая школьное имущество, погиб в огне ученик 9 класса Толя Тверетин. Хоронили его всем селом. Первое время после трагедии сургутяне высоко чтили подвиг юного земляка. Толиным именем называлась вновь отстроенная школа, пионерская дружина. Потом все забыли.

В конце 30-х годов на улице Республики велось большое строительство. Именно тогда были построены аптека, сберкасса, универмаг, ряд других зданий, верно служивших местным жителям многие годы.

В конце улицы стоял еще один памятный для многих, в том числе и для автора этих строк, дом. Это контора машинно-тракторной станции.

Сельское хозяйство до наступления нефтяной эры было одним из главных занятий населения. Посевная площадь в районе превышала 1000 гектаров. На полях колхозов выращивали картофель, овощи, зерновые культуры. МТС, имевшая в своем распоряжении тракторы, прицепные орудия, кормозаготовительную технику, активно помогала колхозам получать высокие урожаи. В середине 50-х годов мне довелось работать в МТС. Интересное было занятие: всегда с хорошими людьми на полях и фермах.

Надо сказать, что улица Республики до последнего времени оставалась самой оживленной улицей села. На ней работали магазины, столовая, швейная мастерская, парикмахерская со своими знаменитыми мастерами Николаем Андреевичем и Анной Константиновной Тетюцкими, фотография Василия Григорьевича Филистовича, инспекция рыбоохраны и общество охотников во главе с Иваном Осиповичем Rogozкиным, другие учреждения.

Почти напротив конного двора райрыболовпотребсоюза, в небольшом старом домике, много лет находилось главное

наше кредитное учреждение — Госбанк. Одно время его возглавлял Илья Александрович Бумелис — энергичный человек и мечтатель. Ростом он был невелик — не выше 160 см, а дела делал большие. Основные кредиты направлялись в то время на развитие сельского хозяйства. Управляющий горячо любил нашу природу, страстно увлекался полеводством, животноводством. Дошло до того, что Илья Александрович оставил банковское дело и перешел на работу в Банновский колхоз. Мечтал построить на нашей земле целые агрогорода.

На протяжении всей своей трудовой жизни в нашем отделении Госбанка работала Ольга Ефимовна Черемных. Начинала уборщицей, а ушла на пенсию с должности главного бухгалтера. До сих пор в ЦКБ добрым словом вспоминают труженицу, приглашают ее в гости и на праздники. Немалый вклад в развитие кредитного дела внесли Людмила Петровна Зырянова, Владимир Георгиевич Ленде.

Хороший коллектив работает и сейчас в Центральном коммерческом банке, которым руководит душевный человек — Николай Иванович Беляцкий. Вместе с ним трудятся ветераны кредитного дела — Любовь Викторовна Мирошниченко, Зоя Павловна Прибыткова, Татьяна Тихоновна Лазарева. Они хорошо помнят свой старый банк на улице Республики, стоявший под зелеными кронами берез и тополей, и продолжают его славные традиции.

На углу улиц Республики и Красных партизан работало еще одно учреждение, хорошо характеризующее экономику района тех лет — это контора Омпушнины, впоследствии Заготживсырьё. А напротив конторы стоял склад. Каких только богатств там не было: шкурки соболей, белок, горностаев, ондатры, песцов, норки, красных и черно-бурых лисиц. Из урманов охотники привозили шкуры медведей, выдры, лосей, барсуков, оленей, других диких животных, обитающих в сургутской тайге. На склад Заготживсырьё поступала также боровая дичь: глухари, косачи, рябчики. Все это можно было свободно и дешево купить в магазинах.

На этой же улице стояло наше увеселительное учреждение — районный клуб, которым долго руководил веселый человек, остро слов и заводила добрых дел Иван Андреевич Кайдалов. По вечерам в клубе устраивались танцы под гармошку, баян или

струнный оркестр. В том клубе зародился и наш духовой оркестр, главным дирижёром которого выступал Петр Иванович Лежнев, а впоследствии Виктор Максимович Вьюшков.

На сцене клуба показывали пьесы А.Н. Островского, А.П. Чехова, Д.И. Фонвизина, других русских и советских драматургов. В почете было хоровое пение, выступали также солисты, дуэты, квартеты. Умели сургутяне хорошо отдыхать после тяжелой работы. Знали толк в искусстве, любили русские раздольные, удалые песни, песни советских авторов, наполненные любовью к Родине, прославляющие труд, подвиг и чистые человеческие отношения.

Улица Республики... Родная и бесконечно дорогая для многих сургутских семей, память о ней сохранится в душах людей. Еще не раз мы сходим по старым сургутским улицам в свою молодость, вспомним старых и добрых друзей.

НАША САЙМА — ОЖЕРЕЛЬЕ ГОРОДА

С балкона седьмого этажа Сургутского университета открывается вид на заснеженную Сайму. Самой речки не видать, да и нет ее в эту зимнюю пору. Давно перестали бить ключи самой чистой в Сибири воды. Только в конце весны да в начале лета низовья наших городских водоемов подпирают своей могучей силой Черная да Обь. Потом реки входят в свои берега, и саймы превращаются в самые грязные в Сибири канавы, в которые город сбрасывает свои отходы.

Но давайте спустимся с седьмого этажа на землю, пороемся в памяти, приоткроем завесу времени и посмотрим на наши саймы глазами дедов, когда они были еще совсем молодыми. Давно это было. И если бы кто-то из предков сургутских казаков мог вернуться в наше время, он, конечно, не узнал бы родных мест.

Слово «сайма» в переводе с языка аборигенов означает большой ручей. По Югану подобные водоемы называют урьи, по Агану и Тром-Агану — просто еганы. А у нас вот — саймы. И берут они свое начало из близлежащих болот, подпитываясь по пути многочисленными родниками. Правый берег кривой вершины Саймы (той самой, которая просматривается с балкона седьмо-

го этажа), в прошлом заросший густым лесом, надежно прикрывал Сургут от холодных северных ветров.

В былые времена по весне на живописные берега речки приплывали на лодках сургутские девушки-красавицы, завивали на березках свои веночки. А потом, в начале лета, обычно в Троицу, вновь наведывались к своим заветным деревьям. Распустился веночек — значит выйти замуж, нет — еще целый год оставаться в девках. А когда очень хочется испытать семейное счастье — ждать целый год мучительно долго. Вот и переживали да плакали девушки над своими засохшими венками.

На так называемой городской стороне Саймы, примерно там, где теперь перекинут пешеходный мостик в микрорайон строителей, располагались Манежная площадь и Стрелецкий бугор. Именно там тренировались в ловкости и сноровке молодые казаки. Они изучали оружие, учились метко стрелять, объезжали молодых коней. В погожие весенние и летние дни на Манежной площади собиралось множество людей. Все любовались красотами родной природы, силой и разумом своих детей. Здесь же молодые люди играли в бабки, городки, в лапту, девушки водили хороводы, распевали любимые песни.

Там же, на высоком берегу, глубоко в земле, под надежной крышей находились пороховые погреба Сургута, а при них и караульное помещение. Однако старики утверждают, что большую часть времени караулка была закрыта на засов, и там никто не дежурил. Но все знали о строгом запрете на развлечения и игры вблизи опасного места.

Недалеко от саймовского берега городскими властями была отведена приличная территория для сургутской «мангазеи» — ярмарки. Зимой в определенное время, обычно с конца декабря и до половины января, сюда на оленях съезжалось множество людей из тайги и тундры. Приезжали промысловики из Березовского и Туруханского уездов. Охотники — остяки и самоеды — привозили дорогие меха, мороженую рыбу, другие бесценные сокровища сибирского края. Вся ярмарочная площадь и прилегающие к ней улицы заполнялись оленьими нартами с богатой поклажей. В городе становилось тесно и шумно.

Обывательский люд только приценивался да созерцал навезенные богатства, а все основные торговые сделки совершались в купеческих домах, за высокими заборами, под покровом быстро надвигающихся сумерек. В обмен на охотничьи припасы, соль,

чай, брезент, сукно, бисер шли шкурки соболей, белок, песцов, чернобурок.

В самый разгар торговых сделок обычно появлялась «огненная вода» — спирт, водка или совсем дешевая самогонка. И тогда самые дорогие меха, самая ценная рыба, боровая дичь, мясо диких оленей и лосей за бесценок уходили в купеческие амбары.

О сургутских ярмарках написано много. Все авторы делают один вывод: местное купечество и торговцы нещадно обворовывали великих и вечных тружеников тайги и тундры.

Однако вернемся с ярмарки на берег нашей Саймы. Примерно от того места, где теперь стоит 9-этажный дом мостостроительного треста, начинались загороди и огороды местных жителей. В загородах хранили сено, другой корм для скота, а ранней весной в них же выгуливали коров и телят.

С прошлого века сургутяне выращивали в своих огородах картофель, репу, морковь, редьку, свеклу, капусту. Особенно богатыми урожаями славилась мироновский, кайдаловский огороды. Есаул казачьего батальона Василий Невзоров еще в 50-х годах прошлого столетия проводил в нашем городе опыты по выращиванию зерновых культур, которые давали высокие результаты. За усердие и старание Невзорова наградили большой серебряной медалью и грамотой императорского вольно-экономического общества. Его зерновые полянки также находились недалеко от Саймы.

Там, где теперь автобусная остановка «Военкомат», раньше проходила улица Кладбищенская, а от этой улицы в сторону Саймы располагалось и само кладбище. На нем хоронили усопших больше двухсот лет. Там же стояла деревянная церковь, в которой отпевали покойных и совершали обряды прощания с дорогими людьми. Это кладбище закрыли в начале нашего столетия, а позднее, в результате неосторожного обращения с огнем, сгорела кладбищенская церковь.

Жаль, конечно, что ничего не сохранилось, даже фотографии того кладбища нигде не видел. Старожилы же утверждают, что многие могильные памятники можно было смело отнести к произведениям искусства. Некоторые богатые семьи делали надгробия из дорогого камня, завозимого с Урала.

С Саймой и связан ряд драматических событий первых лет советской власти. В июле 1918 года Сургут заняли колчаковцы. Они схватили и замучили активистов местного Совета, отобрали

у населения весь скот. В то время на берегу Саймы, недалеко от Манежной площади, была устроена бойня. Для прокорма белого отряда, который свирепствовал здесь до декабря 1919 года, забивали всех коров, быков, телят и часть лошадей.

В марте 1921 года в одной из загородей на берегу Саймы бандиты кулацко-эсеровского мятежа расстреляли Анну Ульянову Казарцеву, мать молодых коммунистов Германа и Иосифа. 53-летнюю женщину убили только за то, что она не отреклась от своих детей, не прокляла их принародно и не подписала воззвание против советской власти.

Да, много разных событий связано с нашими саймами. Но всегда, во все времена, они служили голубым ожерельем для сибирского города, освежали его воздух, омывали его берега. Плохо, что мы не сумели сохранить в чистоте этот бесценный дар природы.

ПО ТУ СТОРОНУ САЙМЫ

С городским берегом Саймы мы уже познакомились. Вспомнили Манежную и Ярмарочную площади, Стрелецкий бугор и другие достопримечательности старого Сургута. А теперь давайте на часок-другой сходим за речку; заглянем, насколько это в наших силах, в прошлое, потолкуем о настоящем.

Когда-то там рос густой сосновый лес, а в лесу том водились и грибы, и ягоды, боровая дичь и зверье разное — от белок и бурундуков до медведей и рысей. Испокон веков за Саймой, подалее от левого берега, люди заготавливали дрова, строевой лес. Рассказывают, что лет сто назад сургутяне построили там гончарную мастерскую: горшки обжигали, корчаги да крынки делали. Говорят, кое-что получалось.

Первые постройки за Саймой появились еще до войны. Быстрое строительство жилья началось в конце сороковых, в первой половине пятидесятих годов. Уже тогда, наряду с индивидуальными застройщиками, туда пришли леспромхозовские рабочие. Они ставили двух-, трехквартирные дома. А вскоре на самом берегу сургутяне всем миром поставили электростанцию, которая давала свет Сургуту до начала 1964 года. Здесь же был зимний гараж для первого пассажирского автобуса.

К тому времени на саймовском мысу было уже до десятка небольших улиц и переулков, а на них — около сотни домов крестьянского типа с огородами, хлевами, дровяниками, сараями, банями. Открылся здесь и магазин. А первым продавцом в нем работал Иван Антонович Панфилов, старый сургутский житель, весельчак, знавший пользу безобидной шутки, ценивший юмор.

Однажды утром в магазин приходит юноша лет семнадцати. Продавец, стоя на корточках, возится у печки, спиной к двери. Поставя минут пять, паренек обращается к Панфилову с просьбой:

— Дядя Ваня, продайте мне, пожалуйста, килограмм сахара.

— Не торопись, встань в очередь.

— Так никого же нет.

— А ты подожди, придут люди, ты займешь очередь за ними, подойдет твое время, и ты получишь свой сахар.

Давно нет Ивана Антоновича в Сургуте. Но и после его отъезда тот магазин еще долго называли Панфиловский.

За Саймой обосновался и лесхоз. Организация очень авторитетная, уважаемая местным населением. Лесники отводили участки для заготовки леса, строевой древесины, они же следили за порядком в делянках. Если заготовитель не сжег вовремя сучья, другие порубочные остатки, не убрал кору или оставил слишком высокие пни — жди неприятности от лесника.

Работники лесхоза сами показывали пример заботливого отношения к нашим массивам. Каждое срубленное дерево непременно шло в дело. Пилили тес и плахи, гнули дуги, полозья для саней, делали лодки, лопаты, черенки для метел. Эту и другую мелочь, необходимую для домашнего хозяйства, можно было за небольшие деньги приобрести в лесхозе. Организаторы лесного хозяйства выступали инициаторами озеленения Сургута. По их почину каждую весну проводились декаднижки посадки деревьев. А территория самого лесхоза со временем превратилась в настоящий сад. Рядом с рябинами росла акация, и каких только цветов там не было! Значительный вклад в развитие лесного хозяйства внесли Павел Павлович Тверенин, Геннадий Павлович Хомяков, Сергей Петрович Курылев и другие ветераны лесного хозяйства.

В давно минувшие времена население, проживающее за Саймой, испытывало немалые трудности. Весной, когда разливалась Обь, переполнялась и Сайма. Многие огороды по Речному переулку, по улицам Болотной, Песчаной оказывались под водой, ко

многим домам приходилось подбираться на лодках и обласах. Особенно много неприятностей доставили наводнения 1966, 1979 годов.

Когда большая вода — взрослым всегда беспокойство: и в огороде ничего не посадишь, и без картошки на зиму останешься, и избу придется ремонтировать. Зато мальчишкам и девчонкам тогда раздолье. Все превращались в капитанов. Целые флотилии плотов плавали по сельским улицам.

Моста через речку тогда не было. И, чтобы попасть в Сургут, надо было прибегать к услугам перевозчиков-паромщиков. Обязанности их с удовольствием выполняли все те же мальчишки. Плати десять копеек — и ты на другом берегу.

Круто изменилась жизнь за Саймой, начиная с 1965 года, когда там обосновались строители нового города. Быстро начали вырубать лес, ставить вначале одноэтажные бараки, потом двухэтажные дома на восемь и шестнадцать квартир. Возник самостоятельный поселок, который теперь называют микрорайон строителей.

Рос он вместе с городом. Новоселы быстро сообразили котельную, которую поставили в самом начале жилого поселка. По улице Северной построили клуб «Космос». Почти напротив него заложили первый крупнопанельный двухэтажный дом. Стоял он рядом с баней, лет 5–6 назад его снесли. А бывшая баня теперь стала красивым малиновым домом, где работает редакция газеты «Новый город».

Значительным событием для всех засаймовских жителей было открытие магазина «Обь». В шестидесятых годах он считался одним из самых больших в городе. Магазин построили из плит местного производства по проекту начальника СУ-22 треста Сургутгазстрой Владимира Павловича Пересыпкина. Из таких же плит сделали Дворец культуры «Строитель». А стеновые панели делали тогда на местном заводе «Арболит».

Первый крупнопанельный дом в пять этажей на 75 квартир по улице 30 лет Победы заселили зимой 1970 года. Панели для него завезли с Урала. Несмотря на очень малые кухни, узкие коридоры, тогда этот первый крупнопанельный дом часто называли дворцом. Со временем появились другие дома, целые кварталы, улицы, а на них — школы, детские учреждения, библиотеки и многое другое, все, что необходимо для большого города.

Трудом и разумом тысяч людей создавался микрорайон стро-

ителей за Саймой. А первой подрядной организацией выступал там старейший городской трест Сургутгазстрой. Давайте вспомним первых строителей и организаторов большого дела. Это Алексей Сергеевич Барсуков, Михаил Владимирович Чижевский, Николай Васильевич Юрковский, Илья Павлович Варшавский, Лидия Ивановна Фролова, Юрий Петрович Кропачев, Александр Леонидович Сидоров, Николай Иванович Подзоров, Иван Гаврилович Стефанов, Василий Никифорович Гришков, Николай Николаевич Шеденко. Здесь студентами начинали свою сургутскую трудовую биографию Леонид Юлианович Рокецкий и Семен Владимирович Билецкий. Спасибо всем им за их честный труд, и дай бог, чтобы как можно дольше служила людям сделанная ими работа.

Между тем у микрорайона теперь масса проблем. Стареет и ветшает то, что было сделано много лет назад. В разряд аварийных перешли почти все деревянные дома, их жильцы испытывают массу трудностей и лишений. Да и первые крупнопанельные теперь нуждаются в капитальном ремонте.

Большой ущерб жилому району наносит варварское отношение к природе. Все три рукава Саймы основательно загажены и производят удручающее впечатление. Берега, на которых когда-то отдыхала сургутская молодежь, превращены в свалки мусора и разного хлама. Подобное же творится и в присаймовских лесах. Летний пляж, стихийно возникший в излучине двух вершин, буквально усеян битым стеклом и железом. Босиком по такому пляжу не пройдешь.

Проблем — огромное множество. Но будем надеяться, что планы города осуществляются, и микрорайон строителей будет всегда чистым, опрятным, благоустроенным.

ЗДОРОВЬЕ ИЗ ПАРКА

Наш старый сургутский парк. Величавое место, неповторимая красота. Не хватит в лексиконе слов, чтобы описать все его прелести. Ну подумайте сами: вековые сосны, стройные и высокие, как корабельные мачты, или такие приземистые, с причудливыми стволами и размашистой густой кроной. Встанешь под дерево, как под огромный зонт, и неба не видно. Росли там и кедры,

ронявшие по осени свои огромные плоды — шишки — прямо под ноги. Встречались также белоствольные березы, черемуха, обретавшая весной наряд невесты и запах лучших в мире духов.

Прямо «на полу» росли брусника, голубика, грибы, а высоко, на самых верхушках древесных стволов, отдыхали глухари, косачи, рябчики. Там куковали кукушки, стучали дятлы, надолго селились и выводили свое потомство разные лесные птицы. Красота. Рядом текла Боровушка, такая глубокая, чистая, с холодной родниковой водой. В речке плавали язи и щуки, разная мелочь.

Нет-нет, в старину это место парком не называли. В начале века это была просто западная окраина Сургута, а парк с прилагательным «больничной» появился в 30-е годы. По-моему, никто и никогда не узаконивал этого названия, просто оно прижилось в народе, хранилось в его памяти, передавалось из уст в уста. Из этого красивейшего парка и взяло свое начало сургутское здравоохранение.

Ровно 69 лет назад, в 1929 году, местные мастера построили там типовую больницу на 25 коек. Прекрасное здание по тем временам: просторное, светлое, чистое. Вскоре рядом появились жилой дом для врачей, кухня, водоканал, конный двор, разные подсобные помещения. Все было сделано добротнo, на долгое время.

В те же 20-е и 30-е годы стационарные лечебные учреждения открылись в Угуте, Локосово, Сытомино, Югане. Медицинские работники стали регулярно бывать в самых отдаленных стойбищах оленеводов, охотников и рыбаков. Тогда и началась организованная и постоянная борьба с такими страшными болезнями, как оспа, тиф, туберкулез, парша, и другими, которые на протяжении столетий нещадно губили местное население.

Сейчас трудно сказать, когда в Сургуте была сделана первая операция. Скорее всего, это произошло задолго до войны. Потому что уже тогда здесь работали хорошие специалисты. Старожилы их помнят и отзываются о них только по-доброму. Врачи П.К. Кригер, Л.Я. Мерц, З.Ф. Навродская исполкомом райсовета отмечались как очень авторитетные люди села, способные оказать квалифицированную помощь больному.

Война, конечно же, задержала развитие здравоохранения в глубоком тылу. Многие специалисты ушли на фронт, в военные госпитали. В больницах не хватало белья, перевязочных матери-

алов, лекарств. Но, несмотря на все трудности и лишения, работа продолжалась. В годы войны и в первое послевоенное время у нас трудился замечательный хирург — Владимир Петрович Пантеровский. Скольким людям он спас жизнь!

Владимир Петрович делал самые сложные по тем временам операции. И в каких условиях — при свете керосиновых ламп. Ему приходилось экономить обыкновенную марлю, салфетки, вату. Бинты никогда не выбрасывались после первого применения. Специально обработанные, они вновь шли в дело. Гипс заменяли деревянными шинами, грелки — бутылками с горячей водой.

Надежным помощником Пантеровского на протяжении многих лет была операционная сестра Мария Александровна Кошкарлова. Всю свою жизнь она посвятила нашей районной больнице. А жена Владимира Петровича, Зинаида Дмитриевна Голубкова, официально считалась терапевтом, но она также успешно выполняла обязанности и невропатолога, и педиатра, лечила туберкулез, инфекционные болезни. Надо сказать, что в то время наши медицинские специалисты были врачами самого широкого профиля. К ним шли со всеми болезнями, что бы ни случилось.

То же самое можно сказать и о сельских фельдшерах. В деревне он — единственный медик. И в силу обстоятельств должен быть универсальным специалистом. Сельский фельдшер принимал роды, лечил раны, переломы, простуду, кишечные заболевания, исцелял детей и взрослых. Одновременно выступал и пропагандистом санитарных знаний. В каждом доме он был желанным гостем. Его звали на помощь в любое время суток. Он не имел права на отпуск и выходные дни.

Давайте вспомним хотя бы немногих сельских фельдшеров, отдавших охране здоровья народа долгие годы своей жизни. Это Клеоник Петрович Мезенцев, Петр Евдокимович Костюченко, Ивайло Ефимович Медведев, Степан Кузьмич Сулимов, Галина Александровна Москаленко, Полина Афанасьевна Кубасова, Иван Александрович Щепеткин, Екатерина Маркеловна Желанова и многие, многие другие. Каждый читатель этого сборника может пополнить этот почетный список сельских медиков.

Или вот, к примеру, фельдшер Сургута Мария Александровна Тверетина. Она в одиночку выполняла обязанности всей станции «Скорой помощи». Никаких машин тогда, конечно, не было,

о телефонах и не мечтали. Вызовы же случались, и нередкие: то ребенок захворает, то неожиданный сердечный приступ случился. Да мало ли что может произойти в семье — все бегут к Марии Александровне.

Жила она почти в центре села, в небольшом домике с низкими окнами. К одному окошку, что ближе к улице, протоптана тропинка. Прибежит посыльный от больного и барабанит в оконное стекло, на помощь зовет. В стужу или дождь, днем или ночью идет фельдшер со своим чемоданчиком к больному человеку. И так многие годы.

Особый след в здравоохранении Сургута оставили 50-е годы. Именно тогда у нас стала развиваться специализированная помощь населению. На смену Пантеровскому приехала молодая врач-хирург Людмила Андреевна Груздова, ставшая впоследствии Менщиковой. И ей приходилось оперировать при свете керосиновой лампы, и при ней инструмент и материалы стерилизовали в автоклавах, которые «работали» на сосновых да березовых чурочках. Позже, когда приехали геологи, в операционную поставили аккумуляторы, от которых во время операции зажигали 12-вольтовые лампочки.

Менщикова-Груздова была главным врачом больницы, депутатом райсовета, членом исполкома, заслуженным врачом республики, почетным гражданином города Сургута. Такой она осталась в нашей памяти навсегда.

Много лет работала в районной больнице Августа Ивановна Зар. Она лечила и лекарствами, и добрым словом. Как бы тяжело ни было — уйдешь от нее с надеждой на выздоровление. Верили ей больные. А вера врачу — это ведь великое дело.

Стоматологическую службу создавала Аида Ивановна Оробец, теперь она Зырянова. Первым врачом санитарно-эпидемиологической станции стала Нина Васильевна Ментюгова, в замужестве Тверетина, первый акушер-гинеколог — Зинаида Васильевна Александрова, первый врач-рентгенолог — Александр Иванович Палилов. Службу «Скорой помощи» организовывал Михаил Михайлович Григорьев, физиотерапевтическую — Валентина Петровна Захарова и Сергей Александрович Митрофанов, лабораторные исследования начала проводить Александра Петровна Панкина. А кто не знает первого зубного техника, Валентину Ивановну Шиндареву, сейчас она Сорокина. В аптеках много лет трудились Алла Константиновна Мясникова, Анфуза Петровна Бубновская.

Ветеранами Сургутской районной больницы стали Алевтина Александровна Хлебникова, Мария Романовна Жеравина, Алексей Игнатьевич Бородин, Виталий Константинович Жеравин, Александр Иванович Вялков, Николай Васильевич Иванов, Фарид Султанович Кагармнов, Василий Александрович Тропин. Многие из названных здесь товарищей прошли Великую Отечественную войну, часть из них и поныне успешно трудится на поприще народного здравоохранения Сургута. Десятилетиями работали в районной больнице санитарки, нянечки.

Надо сказать, что большой текучести медицинских кадров у нас никогда не было. Многие сотрудники начинали здесь работать сразу же после окончания учебного заведения и трудились вплоть до ухода на пенсию.

Медики 50-х годов. Им, как и организаторам здравоохранения в 20-е годы, приходилось нелегко. Амбулатория размещалась в приспособленном доме с печным отоплением. По служебным делам врачи ездили по веревочке, на оленях, на попутных катерах, а то и в лодках. Но несмотря ни на что, в нашем районе после 1921 года не было эпидемий. Именно в 50-е годы в северном крае были ликвидированы многие «старинные» болезни.

Посмотрите книги предложений больных за давно минувшие годы. В них сердечная благодарность врачам за спасенные жизни, за сбереженное здоровье. Такие записи делали больные, побывавшие в стационаре или посетившие амбулаторию. В особо трудных случаях на помощь сургутским медикам приходили врачи окружной больницы. Часто приезжали к ним Михаил Антонович Федоров, Павел Михайлович Иванов, Елена Михайловна Сагандукова, Валентина Михайловна Соколова, Павел Андреевич Ширококов.

Поредел теперь старый больничный парк. Деревьев осталось совсем немного, не видел ни одного кедра. Перевелись березы и черемухи. На территории бывшего парка построен большой жилой дом, магазин со странным названием «Ярославна», проложена широкая дорога, ведущая неизвестно куда.

Но стоит в старом парке та, самая первая сургутская больница, построенная в 1929 году. Был там недавно. Все те же высокие стены, светлые окна, искусно сделанные двери, а за ними — все те же палаты, операционная, физиокабинет, ординаторская, кабинет главного врача. Только ничего этого нет в старом доме. Районная больница давно уже переехала в новое 9-этажное зда-

ние на берегу Саймы. А в старом расположилось лечебно-диагностическое отделение Сургутского противотуберкулезного диспансера. Так и хочется добавить: имени Зои Николаевны Самоновой. Она, наша Зоя Николаевна, первая организовала и наладила противотуберкулезную службу в Сургуте и в районе. объездила почти все села, деревни, стойбища оленеводов и рыбаков. При ее активном участии и при поддержке советской власти в самом начале 50-х годов открылось первое стационарное противотуберкулезное отделение. Долгое время она была главным фтизиатром района.

Сейчас поликлиническое отделение диспансера возглавляет лучшая ученица Зои Николаевны — Маргарита Романовна Пухленкина.

СУРГУТСКИЕ БАНИ

Давайте отдохнем. И после трудов праведных отправимся в старую сургутскую баньку. Можно выбрать любую. Народ здесь жил чистоплотный, и парных да моечных было немало. Почти при каждом доме на задах усадьбы стояло такое заведение.

Нехитрая эта постройка — сургутская баня. Несколько венцов сосновых бревен, срубленных в угол, приземистый потолок, подслеповатое оконце, невысокая дверь — вот и все. Хозяева побогаче пристраивали предбанок, где раздевались и держали всякую утварь. Внутри — важнейшая часть всего сооружения: калильная печь или каменка с булыжником, битым чугуном, другими железяками, которые могут долго держать жар. Полوک со ступеньками, на котором парятся, у стен — лавки, где моются, кадки с горячей и холодной водой, шайки, вехотки и, конечно, березовый веник — все это неотъемлемые банные принадлежности.

Топили их обычно по субботам. С утра пораньше готовили дрова, припасали воду, носили ее в ведрах из Бардоковки или Саймы. Нелегкая эта работа. Надо сходить к речке и обратно с тяжелой ношей 15 или 20 раз. Смотря какая семья.

Ближе к вечеру баня готова. Первыми туда шли мужики. Парились они отчаянно. Многие, чтобы уберечь от ожогов уши и руки, надевали шапку-ушанку, варежки и нещадно хлестали себя березовым веником. Наиболее закоренелые парильщики, до пре-

дела разгорячив свое тело, бросались в снег, а если баня стояла рядом с речкой, то в холодную воду. Потом снова на полок и — опять за веник.

После мужиков мылись бабы с ребятами. А последними грели свои кости старики и старухи. Поздним вечером семейный туалет обычно заканчивался стиркой белья. А за ужином, после баньки, любитель всегда мог пропустить хорошую стопку вина или самогонки. Грех не выпить после доброй распарки тела и души.

Огромное удовольствие и наслаждение получали сургутяне от хорошей бани. Но разве не приятно ямщику, вернувшемуся домой после дальней дороги; рыбаку, проведшему весь день на морозе; охотнику, прошедшему по следу соболя не одну версту, под вечер оказаться в сухом тепле с горячим паром. Такие процедуры напрочь снимали усталость, молодили душу и сердце.

В бане не только мылись и парились, но и лечились. Веником да горячим духом выгоняли простуду, надоедливый кашель, лomotную боль и надсаду. Там же вправляли разные вывихи, правили поясницу. Банным лечением обычно занимались известные всему городу бабки. Но частенько случалось, когда хорошо снимали недуг совсем даже не старые женщины. Многие «больные» годами помнили горячее касание к своему телу нежных рук молодой казачки.

Сургутские бани далекого прошлого овеяны легендами, суевериями, тайнами нечистой силы. По твердому убеждению сургутян, в них жили банные сусудки — существа злые, страшные, причинявшие людям много горя и бед. Поэтому местные жители ни за что не пойдут в баню ночью, а мылись они большей частью компаниями — по два-три человека.

О проделках банной сусудки писал в своем очерке «Поверия и обычаи Сургутского края» И.Я. Неклепаев.

В селе Локосово нечистая сила чуть не лишила жизни тамошнего попа. Спас батюшку сургутский казак, который оказался рядом. А в одной из низовских деревень сусудка нанесла смертельные ожоги женщине, бросив жертву на раскаленную каменку. Подобное случалось и в Сургуте. К женщине, мывшейся в бане, таинственное существо явилось в образе ее матери и начало обливать моющуюся кипятком. Бедняжка чудом спаслась, выбежав голой на улицу и позвав на помощь.

Разные ужасы и чертовщину рассказывали про баню. Но не-

смотря ни на что, она пользовалась в Сургуте огромной популярностью. Там мылись, лечились, а в зимние дни, от Рождества до Крещения, сургутские девки проводили там свои «страшные» святочные гадания, пытаясь заглянуть в свое будущее.

С начала 30-х годов количество усадебных бань стало постепенно сокращаться. На берегу Саймы построили колхозную баню, позднее такое же сооружение сельского коммунального хозяйства поставили под Барской горой. Последняя старосургутская баня, сложенная из кирпича, была на улице Гагарина, недалеко от берега Бардоковки. До скончания дней она была полна людей.

Любят сургутяне хорошо помыться да попариться. Не зря же говорят, что баня, как родная мать — и парит, и правит, а веник в бане — всем начальник.

Вот мы и побывали в старой сургутской бане. Получилось, конечно, не очень жарко, но все равно: с легким паром вас, а после баньки не грех выпить стопку хорошего вина.

РЫБНОЕ МЕСТО

Знатoki топонимики утверждают: «сургут», в переводе с языка древнего народа земли югорской, означает рыбное место, рыбная пойма. С таким утверждением трудно не согласиться. Вокруг нашего города, и прежде всего с южной его стороны, огромное количество речек, проток, истоков. Рядом судоходная река Черная и Обь-матушка со своими старицами, заводами, заливами. Многокилометровая пойма с голубыми глазами озер изрезана ручьями и живунами. Словом, всюду вода и всюду рыба.

Сейчас зима, мороз крепко-накрепко сковал всю водную поверхность, понаделал мосты, припорошил все снегом, теперь всюду дороги. Сургутяне — любители подледного промысла, устремились на свои угодья. От устья Бардоковки до Колхозной ямы на Северном острове, от устья Утоплой и Остяцкого живца до той стороны Оби — всюду рыбаки, всюду удочки, сети, фитили, морды, другие хитроумные ловушки. В выходные, не очень морозные и не очень ветренные дни у крохотной рыбной ямки собирается множество людей, кучно сидящих у своих лунок. Посмотришь со стороны: ну прямо как императорские пингины с известных антарктических фотографий.

Многие облюбовали Тетюцкий исток — небольшой, но очень давний водоем. Старики рассказывают, что в прежние времена уголье принадлежало сургутскому купцу Ивану Тетюцкому. В честь его и названо. Недалеко от истока, по протоке Березовой, с правой стороны находилась Тетюцкая льва. Кормовое место для пернатых. Каждую весну там скапливалось огромное количество дичи: утки, гуси, лебеди; все вместе отдыхали, подкармливались вкусными водорослями да разными букашками.

Теперь львы не стало. А Тетюцкий исток сохранился. Раньше на его правом берегу было налажено кирпичное производство. Сырец делали для нужд села. Теперь там все заросло талом. Зато сам водоем стал глубокий, широкий, под стать настоящей речке. Все лето к «домашней» стороне причаливают небольшие теплоходы. Здесь же швартуются шлюпки хорошо оборудованного лодочного кооператива «Нептун», во главе которого стоит известный всем рыбакам Владимир Рыбкин.

Осенью прошлого года нам довелось наблюдать в Тетюцком истоке великое таинство природы — ледостав. Еще вечером мы плавали по истоку на лодке, и северо-западный ветерок свободно играл с водой. Ее отлогие и редкие волны накатывались на холодный бережной песок. Вода нам казалась густой, какой-то вязкой, а в лучах уходящего за горизонт солнца она обретала тяжелый свинцовый отблеск. Ночью все стихло. На небе зажглись звезды. Вечерний ветерок залег где-то далеко за городом. Покой бережно охранял холодный полумрак, а исток наш на фоне темных берегов обретал белесый оттенок. И чем ближе был рассвет, тем больше белизны становилось в том оттенке.

Утром все изменилось. Весь наш водоем покрылся льдом, на котором спокойно лежал молодой снежок. То тут, то там, нисколько не остерегаясь, по тонкому льду спокойно разгуливали тяжелые серые вороны. Птицы искали что-нибудь вкусное для своей утробы. Но тщетно. Лед был чист и свеж, как новая скатерть на большом столе.

Через сутки после ледостава начался и наш подледный промысел. В ловушки в основном попадаетея сорожняк, редко завернет окунь или колючий ерш, еще реже — щуренок. Уловы, конечно, не ахти какие богатые, но мы рады и этому. Главное удовольствие — сам процесс зимнего промысла. До чего же он красив. Ну и, конечно, скрывать не станем: добытая рыбешка — неплохая добавка к продовольственной корзине пенсионера.

Более состоятельные рыбаки-любители теперь уезжают за добрую сотню километров от города. Одни на Вынгу, другие — на Пимские притоки, третьи едут на безымянные таежные речки. Но сотни любителей проводят время на льду близлежащих водоемов.

Главное занятие старых сургутских жителей, конечно же — рыбная ловля. Вот и сейчас на обском льду, в устье протоки Свиной, речки Сургутки, на ямах Березовой и Полоя непременно встретишь старожила. Сидит у лунки-проруби, ловит ершей, а сам думает о весне: скорей бы на озеро за карасями. И в нашей небольшой рыбацкой компании такое же настроение. Во всю идет подготовка к весне. Старый добрый друг Борис Андреевич купил уже новый «Ветерок». Растает лед, и помчимся мы на новом моторе по Казенной да Сухому Агану на свою карасью вотчину. Всегда нас накормят хорошей ухой озера Одинокого Кедра, Высоких Кочек, Медвежьего острова. Есть у нас и озеро Ельцина — оно тоже с карасями, лежит себе в топком окружении за Берегом погибших осин. Красивые там места. Весной, когда цветет черемуха, не надышишься.

Да, очень это даже хорошо, что слово «сургут» означает рыбное место.

БЕЛОЯРСКАЯ ПРИСТАНЬ

Старый Сургут был с трех сторон окружен водой и стоял на довольно высоком полуострове. Однако пароходная пристань многие десятилетия располагалась на Белом Яру. Наши речки Бардоковка и Сайма считались несудоходными. И это правда. А Черного Мыса, где сейчас речной порт, в ту пору не существовало. Там рос густой хвойный лес.

Итак, Белый Яр. К началу нашего века там были купеческие и казенные торговые амбары и четыре постоянных жилых дома. В 1879 году открыли метеорологическую станцию третьего разряда, а в 1893 — водомерный пост. В 1900 году на пристань протянули семикилометровую телефонную линию. Это был первый сургутский телефон. Потому через два года мы имеем право отметить столетие телефонной связи в городе.

На пристань была проложена грунтовая дорога. Но ею мало кто пользовался. Далеко. Все предпочитали плавать на лодках, обласах или ходить пешком прямо по сору. Красивые там были

тропы, проложенные по черемуховым гривам, мелколесью, среди ароматных трав.

В летнее время на пристани собиралось довольно много людей. Иногда пассажирам, грузополучателям или отправителям, а также почтальонам приходилось ждать транспорта по неделе и более. А в июне 1904 года сургутский священник со своим семейством жил на пристани целых три недели.

В зимнее время Белый Яр замирал. Только изредка приезжали туда доверенные агенты сургутских купцов. Они принимали от местных жителей дрова, заготавливаемые для пароходов. Каждая сажень — а это больше двух кубометров — стоила 1 рубль 50 копеек. Судоходные компании эти же дрова покупали у купцов уже по три рубля за сажень. Вот так.

Во время навигации к пристани «Белый Яр» причаливали пароходы, курсирующие от Тюмени до Барнаула. Они привозили в Сургут и увозили отсюда различные грузы, почту, редких пассажиров и частых ссыльных. Здесь отбывали наказание декабристы, народники, демократы, разные социалисты, откровенно критиковавшие самодержавие, вступившие на путь открытой борьбы с существовавшим тогда режимом. Среди множества ссыльных в сургутской неволе жили С.П. Швецов и И.Я. Неклепаев. Они написали очерки о нашем городе и крае, которые и сейчас читаются с большим интересом.

Пароходами приезжали сюда ученые: этнографы, историки, экономисты из европейских стран и многих российских городов. Их заметки, статьи можно было встретить в журналах и газетах далекого прошлого.

20 июля 1891 года на Белоярской пристани побывал 23-летний Николай Романов, совершавший путешествие по Сибири и Дальнему Востоку. Был ли он в Сургуте — никто толком не знает. Одни рассказывают, что в тот день стояла пасмурная и безветренная погода, накрапывал мелкий дождик, свирепствовали комары и овод. Потому цесаревич не поехал в город. Кроме того, он был огорчен довольно равнодушной встречей местных жителей. Другие утверждают, что молодой Романов был в Сургуте, заходил в церковь, разговаривал с городским начальством.

По-разному говорят. Но так или иначе, на пристани тобольский губернатор представил наследнику трона шведского ученого, этнографа Фридерика Мартина, который почти месяц путешествовал и собирал материал для своих исследований по реке

Юган и вблизи Сургута. Между будущим российским императором и шведом состоялась непродолжительная беседа. Правда, говорил больше швед.

Недалеко от Белого Яра есть место, которое теперь известно далеко за пределами России. Это Барсово городище — древнейшее поселение первых людей Сибири.

В конце шестнадцатого века там правил князь по имени Барс (в Сургуте Бардок, а там Барс). При завоевании Сибири, когда после долгой осады крепость была взята казаками, Барс и его верные слуги бросились в реку. С тех пор небольшой приток Оби получил название Утопла (река утопленников).

Такая вот драматическая легенда передавалась от поколения к поколению на протяжении веков. В июле 1891 года она была рассказана гостю из Москвы.

А начиная с прошлого столетия, на Барсовом городище ведутся археологические раскопки. Большею частью незаконные. При молчаливом согласии местных властей потихоньку растаскивается, а то и просто разворовывается, материальная культура и история нашего края. Тот же Мартин отправил с Белоярской пристани в Стокгольм десять ящиков различных коллекций и экспонатов, которые теперь украшают лучшие музеи Европы.

Так что с Белоярской пристанью Сургут связан крепко-накрепко. Тот первый причал останется в памяти города навсегда. Он обогащал его и разорял одновременно.

Белоярская пристань перестала существовать в конце двадцатых годов нашего столетия. С тех пор большие пароходы пристают на Черном Мысу.

ВЕЧЕРКИ

Новогодний праздник — пожалуй, самый веселый из всех, которые отмечали сургутяне в давние времена.

Его всегда ждали и к нему тщательно готовились. Зима с ее длинными и холодными вечерами, морозами, буранами уже успевала наскучить людям, а тут предстояло сразу несколько дней веселья.

Особое нетерпение всегда проявляла молодежь. Девушки вынимали из своих сундуков самые нарядные платья, блузки, юбки, полшалки, шали. Да и парни старались не ударить в грязь лицом

*Войди в него — и парк,
и улочки,
Здесь все сияет чистотой,
Как будто личико ребенка
Умыла мама над рекой.*

*И где б судьба не разбросала нас,
Мы будем помнить о тебе,
Сибирский тихий, маленький
Городок в тайге.*

До появления здесь польки, кадрили на вечерках обычно танцевали все без исключения, никто не сидел на лавочке. Становились этаким кружком, ручейком или гуськом и под мелодию песни, гармошки или балалайки выводили разные па. Случалось, что молодежи соберется много, и тесно становится в избе. Но никто на это никогда не обижался. «Была бы музыка, плясать можно и на блюдечке».

Парные танцы в Сургуте далеко не все встретили одинаково. Без особого энтузиазма к ним отнеслись девушки. Как известно, на польку или кадрили приглашают парни, приглашают по своему выбору и вкусу. И некоторым девушкам приходилось ждать приглашения целый вечер, да так и не дожидаться его. Конечно, девушка на вечерке не сидела без дела, занималась рукоделием или прядла пряжу. И на следующий день подружки не без издевки спрашивали у обойденной: «Много ли вчера напярла или вышила». Но ведь вкусы и симпатии у парней иногда переменчивы, и на другой вечерке любая другая девушка может все время просидеть за прялкой. Вот почему новые танцы пришлись по вкусу не всем.

Но вернемся к встрече Нового года. Непременный атрибут — ряжение. Молодые люди собирались в один из домов и одевались кто во что горазд. Вывернутые шубы, кумыши, малицы — все шло в новогодний наряд. Одевались охотниками, рыбаками, старухами, стариками, цыганками. Придельывали себе усы, бороды, горбы. Лицо закрывали маской или салфеткой. И в таком виде с балалайками да гармошками ходили по домам, веселили людей и веселились сами. С плясками и песнями шли по заснеженным улицам Сургута от избы к избе. Конечно, в кумыше или малице да в натопленной горнице танцевать непросто, не раз потом обольешься, но молодежь не жалела себя, ведь такое случилось раз в году.

В новогодние дни веселье было и на улицах. Смех да песни не стихали до наступления темноты. Катались с горок на санках, на лыжах, а кто и просто на гладкой доске. В сумерках ребята с большим удовольствием катали своих возлюбленных вокруг Сургута на горячих лошадях.

В новогодние вечера часто гадали, увлекались этим в основном девушки и молодые женщины. Пытались заглянуть в завтрашний день — каким будет муж, не намаяться бы с пьяницей, много ли жизни отмерено. Брала «гадальщица» старый башмак и бросала его через ворота — куда носком ляжет, туда и замуж идти. Выдернет из поленицы полено: гладкое — бедный жених, но покладистый и чистый лицом; суковатое да неровное — богатый, но задиристый и сварливый. Надо сказать, что гадание сургутянками никогда всерьез не воспринималось, простое времяпрепровождение, и наутро о нем обычно забывали.

Конечно, со временем новогодние обряды менялись, одни отмирали, другие обогащались новым содержанием. Теперь каждая семья в честь новогоднего праздника ставит в своей квартире новогоднюю елку. В последние дни декабря вокруг Сургута вырубают тысячи деревьев, гибнут в основном молодые сосны, которые на несколько дней украшают яркими игрушками, а потом машинами вывозят на свалку.

Однако в этой небольшой заметке не будем говорить о грустном, массовое уничтожение леса накануне самого веселого праздника никак не увязывается с новогодним настроением. Скажем лишь, что в давние времена новогодние елки сургутяне почти не ставили, да и игрушек не было. Лесную красавицу, настоящую ель привозили в клуб, увешивали ее бумажными цепочками, лентами, хлопушками, разными другими поделками и около нее веселились до самого утра.

Давно нет ряженых. Но есть новогодние балы и маскарады с Дедом Морозом и Снегурочкой, веселыми плясками, задорными танцами. Теперь девушка не боится, что ее не пригласят в круг. Существует много танцев, когда дамы приглашают кавалеров, да и с подружками станцевать можно.

В лету канули гадания. Но остались на новогодних вечерах песни — широкие и такие же раздольные, как наш сибирский край. И в честь Нового года в семьях Менциковых, Щепеткиных, Проводниковых, Кайдаловых, Панкиных непременно споют «Занавесочку» — любимую песню старых сургутских вечеров. И в

каждой семье будут тосты, добрые пожелания друг другу. Пожелать счастья, здоровья, успехов во всем — это также давняя традиция сургутян.

ВЕРЕВОЧКА

Самое подходящее время рассказать о веревочке. Нет, не о той веревочке, которая сколько бы ни вилась, а конец обязательно будет, а о той, которая разбежалась когда-то по зимним дорогам во все концы нашего района. Перевозка пассажиров на лошадях и называлась в добрые старые времена веревочкой. Раньше так и говорили: «приехал по веревочке», «уехал по веревочке», а извозчик про себя обычно не без гордости заявлял: «Я вожу веревочку».

Зима у нас долгая, холодная. Это теперь она стала нас баловать, а лет 25—30 назад уже в конце октября основательно подмораживало, в ноябре замерзала Обь, ее притоки и озера. Бывало, после октябрьских праздников ударят морозы под 40—45 градусов и отпустят лишь в феврале, а то и в начале марта. В первые морозные дни и прокладывали дороги для веревочки от деревни к деревне, по сорам и гривам, по лесным островам и болотам, намораживали лед на водных преградах, ставили вежи на переправах и открытых местах.

Веревочкой занимались почти все колхозы, расположенные по берегам Оби, — от Покура и Ваты до Сытомино и Сахалей. По нашему району только по «прямой» зимняя дорога тянулась километров на четыреста. Кроме того, из Сытомино можно было уехать в Лемпино, из Покура — в Островное, Орехово, Пасол, из Сургута — до Югана и Угута.

Колхозы выделяли для перевозки пассажиров самых добрых лошадей, содержали возчиков. К зиме готовились тщательно. Подготавливали упряжь, пролетки, кошевки, для лошадей припасали лучший корм — сено позеленее, овса побольше.

Уехать по веревочке не составляло больших трудностей. Приходишь в колхоз, платишь за проезд по рублю за километр пути и можешь ехать. Конечно, для дальней зимней дороги надо было иметь теплую одежду, и прежде всего тулуп, топоры. Такая одежда имелаась и в гардеробах многих сургутян, и почти во всех учреждениях, чьи сотрудники по служебным делам ездили по рай-

ону. Однако не раз случалось, что и самая теплая одежда в лю- тую стужу не согревала. В таком случае лучший способ согреть- ся — это пробежаться за пролеткой. Побегаеть — быстро набе- решься тепла.

Колхозы же содержали постоянные дворы. В зимнее время на них всегда было, всегда топится железная печь. Приезжающий мог подкрепиться на постоялом дворе горячими пельменями, крепким чаем, для любителя всегда найдется патанка. Продава- ли и спирт. Выпьешь полстакана и никакого опьянения не чув- ствуешь, только тепло разливается по всему телу.

На постоянных дворах меняли лошадей, к работе приступал новый кучер, и дорога продолжалась. Дорога долгая, холодная. Только поскрипывают полозья о накатанный снег да ямщик ти- хонько поет свою любимую песню. Если конь бойкий, сильный, то 20—30 километров пути пролетят незаметно. Однако ближе к весне лошади обычно «приставали», и тогда версты казались не- померно длинными.

Овеянная романтикой, зимняя дорога, о которой сложено так много песен, таила в себе немало неожиданностей, и даже опасностей. Не раз случалось, что седоки обмораживали себе лицо, руки, ноги. А если в пути сломается оглобля, порвется завертка или застанет выюга — трудностей не миновать. Ох как трудно устранить «аварию» на сорокаградусном морозе, еще труднее одолеть пургу, когда на вытянутую руку ничего не вид- но. Не раз бывало, когда пассажир и кучер приходили на по- стоялый двор пешком, в поводу приводили лошадь, а то и во- обще не возвращались.

Но если едешь из Сургута в сторону Локосово с Кузьмой Васи- льевичем Трифоновым, можешь не беспокоиться — прокатит с ве- терком. Замечательный это был человек, труженик, большой лю- битель наших мест. Его образ — само физическое совершенство, его характер — это сама русская удаль, сноровка и, если хотите, мужество. Трифонов был знатный коневод. Он жил в деревне Ниж- не-Мысовой и всегда первый прокладывал зимнюю дорогу, по пер- вопутку ездил на паре, а то и на тройке гнедых лошадей.

Во многих районных организациях были и свои лошади, на которых ездили в командировки. Секретари райкома партии Вик- тор Гаврилович Бахмат, Василий Васильевич Бахиллов часто вы- езжали в колхозы на Загаре. Добрый был конь. Высокий, строй- ный, со звездочкой на лбу. Райкомовский конюх Иван Василье-

вич Богданов всегда содержал своего любимца отлично. Начальник первой в Сургуте нефтеразведки Фарман Курбанович Салманов имел в своем распоряжении иноходца по кличке Казбек. Запомнился банновский Улдар. Это был тяжеловоз, быстро он не бегал, но зато везти мог столько груза, сколько выдержат сани. Тонну рыбы до Сургута привозил без отдыха. Отличные рысаки орловской породы были в колхозах «Луч», «Парижская коммуна», «Верный путь». На таких рысаках можно было ехать сто километров без передышки.

Совершенно иными были разъезды в национальные поселки Аганского, Тром-Аганского, Пимского сельсоветов. Туда веревочка не ходила — слишком большие расстояния, да и сена на пути не было. Туда мы ездили только на оленях. По пути приходилось и ночевать. Спали обычно в снегу, в так называемом куропаткинском чуме. Оденешь поверх полушубка олений кумыш, на ноги кисы с чижками и топоры. Ходить в таком виде трудно, а спать можно.

Ранней осенью, поздней весной, когда еще не успевают проложить санный путь или он уже испортился под лучами солнца, в командировку обычно ходили пешком. С инженером леспромхоза Иваном Андреевичем Васеневым автору этих строк не раз приходилось хаживать по служебным делам из Сургута в Каркатеево, на Майский лесоучасток, из Покура — в Орехово, Островное, из Лемпина — в Мелясы. Расстояние здесь — от 50 до 100 километров. Много ходил по району мой хороший товарищ, тоже бывший инженер леспромхоза, Василий Матвеевич Рыткин. Тогда все мы были молодыми, нам было все нипочем, никакие расстояния нас не пугали.

Веревочка, веревочка! Без конца и края вилась она по дорогам нашего района. По веревочке можно было уехать в Тобольск, Тюмень, Томск. Под звон валдайских колокольчиков неслась по дорогам района почта. У связистов были свои конно-почтовые станции, на которых содержалось до тысячи хороших лошадей. За сутки с небольшим на почтовых лошадях можно было доехать до Ханты-Мансийска.

Давно не стало у нас веревочки. Теперь на «Волге» или в комфортабельном автобусе можно уехать почти в любой населенный пункт района. Но разве можно забыть веревочку? Она несла в самые отдаленные селенья культуру, знания. С веревочкой связано и начало геологических исследований района.

СЕВЕРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

СУРГУТУ 300-ТЫСЯЧНЫМ НЕ БЫТЬ?

Анализ данных о миграции населения в городе показывает: соотношение между прибывшими и убывшими в последние годы неуклонно сокращается.

Давайте сравним и как точку отсчета возьмем 1985 год. Тогда в наш город, не считая, разумеется, гостей, согласно прописке приехали почти двадцать две тысячи человек (в их числе и родившиеся), а уехали тринадцать с лишним (в их числе, простите за такое соседство, и умершие). Прирост подсчитать нетрудно. Чуть большим он оказался в следующем году и едва ли не в три раза уменьшился в 1987-м. А потом и вовсе стал падать. В 1990-м не составил и двух тысяч. Если вас интересуют общие цифры, то в городе проживало 258, а в районе — 78 тысяч человек.

Какие же причины движут людьми в их миграционных устремлениях? Во-первых, северная зарплата практически уравнилась с зарплатой на «большой земле», Да и там, как говорится, теплее, светлее и мухи, то бишь комары, не так кусают. При известной политике на сокращение вахтовиков, разработанной не один год назад, многие «иностранцы» активно стремились, заметим, небезуспешно, перейти именно на этот метод труда.

Дальше. Из-за нашумевших политических событий основная доля покинувших Сургут пришлось на киевлян и жителей Западной Украины. В большинстве своем это были представители интеллигенции. Они сочли своим долгом поддержать новые партийные течения и формирования. Желание, видимо, было столь велико, что мигранты даже квартиры в Сургуте бросали. А как же, иначе просто-напросто можно было оказаться у разделенного и уже съеденного пирога. В виде тех же квартир, например.

Был такой момент, когда из города уезжало много лиц азербайджанской и армянской национальностей. А через короткий срок они вернулись снова, оформив на себя участки: вышел закон о земельной собственности. И тут доходило до хитроумностей.

— Приходит как-то ко мне старичок, — рассказывает начальник паспортного стола УВД Галина Николаевна Ускова, — из Льво-

ва, кажется. Нельзя ли, говорит, выписаться временно? Съезжу на родину, возьму сотки — и обратно. Нет, — говорю.

Нет у нас временной выписки. Есть только в течение трех дней и окончательная. Исключения, за кем сохраняется жилплощадь, оговорены в шестидесятой статье Жилищного кодекса.

Оставим того старичка, он пенсионер, а пенсионеров от нас уезжает немало. В.И. Качанов, к примеру, из Тольятти. А вот Людмила Александровна Касимова не смогла найти работу по специальности. Михаил же Федорович Клименко, оператор нефтесборочной, подыскал ее в своем прежнем городе — Буда-Кошелево Гомельской области. Светлана Климова, закончив наше педучилище, тоже отправилась в родные места — в город Майкоп Краснодарского края...

Галина Ильинична Перчаткина, инспектор адресного бюро управления внутренних дел:

— Уезжают из-за призрачной перспективы на жилье, получения места в детском саду. Да что говорить, я сама с дочкой сидела четыре года.

...Цифры убывших и прибывших за шесть месяцев вообще ошарашивают — 119555 и 4564 соответственно. Новорожденных из них и двух тысяч не будет — так сообщили в городском бюро записей актов гражданского состояния. Словом, растет число не нашедших счастья в наших краях. Надо думать, остаются те, кто прижился в Сургуте и приживется. Сибиряки, в общем.

Иными словами, есть все предпосылки утверждать, что город наш почти остановился в своем количественном росте. Население, если и будет увеличиваться, то в основном за счет рождаемости. Хотя и тут есть проблемы: мам, прогуливающихся с малышами в детских колясках, все меньше. Мне лично понятно, почему: ведь их мужей уравнили с «большеземельцами». У самих-то взрослых остается мало уверенности в завтрашнем дне, а еще с детворой возись, пристраивай, одевай-обувай неизвестно во что. Ссылки на общую ситуацию в стране, думается, неуместны.

Рост ростом, а наличествует и такое понятие, как развитие. То есть я имею в виду качественно новый уровень жизни населения. Пока, однако, этот диалектический закон мы вынуждены рассматривать только теоретически. За подтверждением своих мыслей я и отправился в производственное объединение Сургутнефтегаз — самое крупное хозяйственное подразделение в районе. Иван Калистратович Диниченко, заместитель генерального ди-

ректора по кадрам, был откровенен: «Что я тут буду гнить?» — так или примерно так оправдывают отъезд многие нефтяники. Нужно срочно повышать зарплату — это самое первое. Всего девять процентов населения СССР живет и работает в районах Крайнего Севера и приравненных к нему территорий. Неужели страна не в силах обеспечить его достойное проживание? Север — это же нефтедоллары, и немалые, и не понимать этого, значит понести невосполнимые потери в недалеком будущем.

Алжир, мы знаем, — одна из стран-экспортеров нефти. Так вот там рабочий, выезжающий к продуктивной скважине в пустыню Сахару, получает в шесть раз больше, чем тот, кто остается «дома». И это в государстве так называемого третьего мира.

Мне вспомнилась конференция трудового коллектива сургутских нефтяников, на которой генеральный директор объединения доложил, что из 72 тысяч квадратных метров жилья, запланированного к вводу за прошлый год, от предприятий Миннефтегазстроя получено только 20 тысяч. С учетом прошлого, опять будет ощутимое недовыполнение. А Наиль Шакирзянов, оператор Федоровского НГДУ, предложил потребовать от Верховного Совета республики принять закон, который бы защищал нефтяников от инфляционных процессов, позволяя производить корректировку денежных доходов.

Двадцать пять лет в системе МНП Анатолий Бешапошников, слесарь КИПиА из первого управления буровых работ. Без обиняков говорит: ему стыдно перед женой — она на станции перееливания крови 350 рублей получает, а он на буровой и пятисот не имеет. «Докатались...»

Как бы то ни было, а факт остается фактом: ни бартерная колбаса, ни прочие заграничные вещи не влекут уже к нефтяникам. К тому же в объединении, очевидно, неизбежны сокращения. Разработку Тяновской группы месторождений ему «зарубили». Но, насколько я понимаю, еще теплится надежда на лучшее, на то, что «ключ» оттуда получают. Тогда смогут занять не одну тысячу людей. А если нет? Мнение В. Богданова по этому поводу: «Высвободившихся направим на производство товаров народного потребления, оказание услуг населению. Не обойтись, конечно, без переобучения, переквалификации».

И это, скорее всего, коснется, да уже касается, не только нефтяников, что, наверное, и будет влиять на качественное развитие города. Одной из его составляющих — точно. Но граней со-

циальной справедливости множество, и утвердить ее в нашем городе собственными силами непросто, если возможно вообще... Город наш, нам в нем жить. И желательно по-человечески. Неважно — в условиях рынка или еще в каких-то других. Я к уравниловке не призываю, сейчас ее просто не может быть. Но есть круг тех самых граней справедливости, который определяет смысл существования. И сургутянин не должен быть обделенным и чувствовать себя ущербным.

Н. Козлов

СУРГУТ ПОЭТИЧЕСКИЙ

Неправда, что литература может рождаться и развиваться лишь в больших, преимущественно столичных городах, старых культурных центрах. Ростки ее живо пробиваются и в провинциальных городах, тем более в таких, как наш Сургут, где однажды собрались (и продолжают собираться) представители разных культур из различных регионов.

Я приехал в Сургут в 1984 году. К тому времени здесь давно существовало городское литературное объединение «Северный огонек», один из участников которого — Николай Шамсутдинов — уже стал членом Союза писателей. Несколько позже в Союз приняли и Петра Суханова. Многих из тех, кто стоял у истоков «Северного огонька», я там уже не застал — они оставили это увлечение и ушли в журналистику или нашли другие точки приложения своих творческих сил. Мне пришлось общаться с самыми упорными в увлечении литературой, не покидавшими литобъединение до последних дней его существования и кое-чего достигшими в своем творчестве.

Это было замечательное время. Я и раньше писал стихи и пробовал публиковаться, но по-настоящему увлекся литературным творчеством лишь в Сургуте. Чаще всего приходилось общаться с Сергеем Сметаниным, Николаем Шакуркой, Вячеславом Шляховым, Ольгой Южаковой, Олегом Рихтером. Руководил «Северным огоньком» в то время автор нескольких поэтических сборников Николай Шамсутдинов (ныне секретарь правления областного отделения Союза российских писателей), добивавшийся от авторов серьезной работы над каждым стихотворением. В основном в объе-

динении были поэты. В прозе в то время пробовали себя лишь Олег Рихтер, Римма Горская, Галина Веч и Александр Шпак.

«Северный огонек» давал нам необходимое творческое общение, когда избавляешься от субъективной, чаще всего завышенной, самооценки, познаешь критерии, по которым оцениваются литературные произведения, учишься быть самому себе строгим цензором. Всего этого, к сожалению, недостает многим самодеятельным поэтам, предлагающим редакциям сырые, а часто и безграмотно написанные стихотворения.

Собирались мы в основном по субботам, и, думаю, эти литературные субботы навсегда останутся одним из лучших воспоминаний наших завсегдатаев. Мы откровенно высказывали друг другу мнения о тех или иных литературных пробах, бывало, беззлобно смеялись над каким-нибудь откровенным ляпсусом (и никто не обижался), радовались чьей-то удаче, интересной творческой находке. А они были, эти удачные строки, многие из которых я помню и сейчас. Сядешь, бывало, в самолет и перед взлетом нет-нет, да и всплывет в памяти из Вячеслава Шляхова:

*От напряженья вздрагивает лайнер.
Незримо тень разлуки пролегла.
В оцепененье мир как будто замер
И с ревом оторвался от крыла.*

Периодически на заседаниях появлялись новые люди. Многие после первых критических замечаний исчезали бесследно, и больше мы не слыхали ни об их произведениях, ни о них самих. Стать в позу непризнанного гения куда проще, чем по-настоящему, порой до боли в висках, работать над каждой строчкой. Но были и другие. Как-то пришел к нам крепкий рабочий парень, тракторист по профессии и лирик по сути, принес длинное стихотворение (почти поэму) об охотнике и медведе. Не помню уже кто кого убил — охотник медведя или медведь охотника, но стихотворение было очень грустное и сырое, недоработанное. Все долго и терпеливо слушали. Было жаль и медведя, и охотника, а пуще всего — автора. Раскритиковали, конечно, и думали, он больше не придет. Но автор был не лыком шит. На следующее заседание он пришел с улучшенным вариантом. Снова всех внимательно выслушал и снова обработал стих. Правда, та его литературная проба, на мой взгляд, была изначально обречена на неудачу. Но появились другие стихи, порядком выше. Некоторые из них впоследствии опубликова-

лись в местной прессе, в нашей коллективной подборке в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент», в первом коллективном сборнике группы местных поэтов «Мы работаем на крыше». Автором этим был Сергей Пивоваров, который потом написал также серию неплохих стихов для детей.

Нашим литературным полигоном, где проходили испытание публикацией пробы местных авторов, была единственная тогда в Сургуте и районе газета «К победе коммунизма». Там периодически выходили рубрики «Северный огонек» и «Новые времена» (где все мы однажды первый раз появлялись со своими стихами или рассказами). Вел ее ответственный секретарь газеты Валерий Матвеев, который часто появлялся на заседаниях объединения и сам увлекался литературным творчеством.

Желания писать и кое-какого опыта добавляли нам литературные семинары, которые организовало областное отделение Союза писателей СССР. Там, кстати, сургутяне всегда были на хорошем счету. Помню (кажется, это было в восемьдесят восьмом году), из восьми участников семинара, отобранных для записи на областном телевидении, трое были из Сургута. Мы читали свои стихи студентам Тюменского сельскохозяйственного института. Никаких местных телекомпаний в то время еще не было, и редко кто из наших горожан видел когда-либо себя по телевизору. Каково потом было смотреть, как давно знакомая нам, эффектная и романтическая Ольга Южакова хорошо поставленным голосом читала с телеэкрана:

*Упаду в осоку у реки,
Наревусь по-бабьи, до икоты,
Пригрожу в пространство:
Душешоты!
Чтоб вам пусто было, мужики!*

Ах, как это по-женски! А некоторые утверждают, что поэзия не делится на женскую и мужскую. В вышедшем вскоре после семинара номере газеты «Тюмень литературная» (тогда она только начала издаваться) опубликовали поэтическую подборку, из восьми авторов которой четверо были сургутянами: Сергей Сметанин, Ольга Южакова, Никон Сочихин и я. Вскоре появился и «Литературный Сургут», основанный Олегом Рихтером и Петром Сухановым. Выходит он, правда, изредка, но все же существует.

Вообще, в творчестве должен быть выход на зрителя, слушате-

ля, читателя. Работать в стол — занятие мрачное. Но публиковаться было непросто. В какой-то момент публикации в местной прессе стали обыденностью, в области не было ни одного литературного издания, а попасть в центральные журналы и издания других регионов нашим авторам удавалось нечасто. Поэтому хороший стимул нам давали выступления на публике. Выступали группами и поодиночке. Однажды мне с Николаем Шамсутдиновым и Вячеславом Шляховым пришлось съ выступать в Тюмени, Салехарде, Надыме по путевкам областной писательской организации. Запомнилось: трескучий мороз Салехарда и выступление перед работниками местного речпорта, перешедшее в долгую интересную беседу, запись на окружном Ямало-Ненецком радио; метели в Надыме, где у нас, кроме выступлений, была встреча с местным, кстати, тоже довольно сильным, литературным объединением.

Так или иначе, а в Сургуте, помимо других творческих начинаний, есть и литературные. Существует уже множество опубликованных стихов, посвященных нашему городу. Вряд ли этим может похвалиться каждый город. Открываю первое, что оказывается под рукой, — сборник Петра Суханова:

*В Сургуте — дождь...
Вода... Вода...
Шестые сутки — непогода!
Но наши чувства и года
Не канут в воду!*

У Сергея Сметанина читаю:

*Бабьим летом в Сургуте, в субботу,
Над домами, рекой и тайгой,
Мне такого не помнится что-то,
Удивительный льется покой.*

И это навевает мне мое:

*Весна в Сургуте — северный каприз,
В ней, как всегда, весеннего немного,
Ты кофе пьешь, отчитываешь Бога
И сквозь двойные стекла смотришь*

вниз...

Каждый из нас, конечно же, мечтал о своей книжке, хотя бы к концу жизни. Даже члены Союза писателей не так часто могли

попасть в планы издательств, а если попадали, ждали своих книг по три-пять лет. Начинаящим литераторам было еще труднее. Поняв тщетность таких ожиданий, начал издавать книги за свой счет (благо, появилась такая возможность) сургутский нефтяник и поэт Никон Сочихин. Но это было дорого, а потому далеко не каждому по карману.

Прорыв в плане изданий местных авторов произошел с появлением издательского концерна «Северный дом», возглавляемого Лилией Цареградской, которая когда-то тоже была членом литобъединения и хорошо знает проблемы провинциальных литераторов. Появились, наконец, сборник Сергея Сметанина «Созвездия фар», книжка с моими фантастическими рассказами «Ложная дверь», коллективный сборник сургутских поэтов и работ местных фотомастеров «Сургут поэтический». Вот-вот должен выйти коллективный «Праздник первого снега», готовятся другие книги. Интерес к сургутским литераторам стала проявлять межокружная Угро-Ямальская писательская организация, с помощью которой вышли еще одна книжка Сергея Сметанина, сборник Ольги Южаковой, вскоре появится поэтический сборник Леонида Сидорова, готовится мой. Собственными силами издал свою прозу Александр Шпак.

Для кого-то его книга останется памятным сувениром, для кого-то станет ступенькой на пути к большой литературе. Главное, что появилась возможность себя реализовать. А издавший несколько сборников Сергей Сметанин в 1995 году был принят в Союз писателей России.

Нечасто я теперь вижу своих коллег по «Северному огоньку». Так и не издав своего сборника, уехал из города Николай Шакура, которого я вспоминаю читающим отрывисто, с четкими расстановками:

*А что нам дается задаром?
И что нам дается за так?*

Отошел от литературного творчества и исчез из поля зрения Вячеслав Шляхов, почти забылся весьма своеобразный поэт Валерий Ширкин, не видно последнее время Сергея Пивоварова, безвременно ушел из жизни ранимый и импульсивный Александр Южаков, писавший хорошие лирические стихи:

*Стою один в толпе вокзальной,
Не различая лиц и слов,*

*Перед глазами жест прощальный
И грустный взгляд. Прощай, любовь!*

Уехал из Сургута и руководитель объединения Николай Шамсутдинов. «Северный огонек» прекратил существование. Хотел написать «к сожалению», но вдруг подумал, что всему, наверное, свое время. Литобъединение сыграло свою роль, а новое время, видимо, предполагает и новые формы литературного общения авторов между собой, с издателями и читателями. И эти формы уже просматриваются.

*Д. Сергеев,
1995 г.*

СЕРГЕЙ ПИВОВАРОВ

Сургуту посвящается

*Белые лебеди взмыли над падью.
Люди, выдавшие «АНЫ» и «Ту»,
Замерли вдруг,
И, как по команде,
Головы кверху,
 глаза — в высоту.
Птах этих белых —
 два маленьких чуда —
В лоно свое приняла высота.
И загалдели суровые люди:
«Это же надо! Живет красота!»
Только один мял багровую шею,
Потный и рыхлый,
Срывался на крик:
«Вот ведь! Всегда не везет ротозею!
Надо ж — забыл прихватить дробовик».*

* * *

*Кружат голуби соседа,
А соседу тридцать лет.
Он веселый непоседа
И отъявленный поэт.
Утром рано он — на крыше,
Поздно вечером — на ней.
Гонит кепкою повыше,*

*В поднебесье сизарей.
Эскадрилья живая
И подвижна, и легка.
Ветер вольный обгоняя,
Мчится дерзко в облака.
То рассыплется на части,
То сойдется в новый строй,
А хозяин пьян от счастья,
И танцует, как хмельной.
Славный малый — добрый «дизель».
Ну чудесник! Ах танцор!
Шел я скучный, все увидел —
Не скучаю до сих пор.*

* * *

*Если чувствую локоть я друга,
В этой жизни не будет мне туго.*

*Если женщина ждет меня верная,
Значит, жизнь не такая уж скверная.*

*Если слово мое помогает,
Значит, жизнь не напрасно сгорает.*

*А уж Русь по-отечески верит,
Кто и как мое счастье измерит?*

* * *

*Мне казалось, я сердцем остыл
И поэтому вышел из строя.
Но явилась негаданно ты,
Посмотрела, лишила покоя.
Будто вынула ты из груди
Холодок. Ледяной и унылый.
И опять я на шатком пути,
И веселый такой, и счастливый.*

* * *

*Желтый лист березы за моим окном
Маленькою птицей бьется на ветру,*

Я окно открою, путь влетает он,
Может, с нужной вестью, а еще — к добру.
Для меня зимою солнечным лучом
Он однажды вспыхнет среди бетонных плит.
И своим сияньем, хрупким и простым,
Душу мне согреет. Радость возвратит.

* * *

Стоит, от непогод черна,
Кривая старая сосна.

Она на радость детворе
Частица леса во дворе.
И в злую стужу декабря
Она — приют для снегиря.

А первой вестью о весне
Поет скворец на той сосне.

И хорошо, что до сих пор
Ее не погубил топор.

И так отраднa мне она —
Кривая старая сосна!

* * *

Пройдет и эта тягостная боль.
Все в этом мире так недолговечно.
Исчезнет боль! И молвит рок: «Изволь,
Живи, ликуй и пой беспечно».
И снова будто крылья обретешь.
И снова будто ветер вешний дунул.
И с гордой головою вновь пройдешь
Ты мимо тех, кто боль твою придумал.

* * *

За деревней на заре
Ходят кони по горе.
Как из доброй сказки,
Сивки да Савраски.

Завтракают плотно
Травкою охотно.
Бродят полуночники,
Верные помощники.
Фыркают, вздыхают,
Жаль, не понимают,
Что копыта сильные
Васильки мнут синие.

* * *

Цветок на окне.
А за ним, в глубине,
Девушка весело
Улыбается мне.
Я знаю, что вечером
Выйдет краса,
Цветком тем украсит
Свои волоса.

И парни привстанут,
И этот, и тот.
А девушка, знаю,
Со мною пойдет.

У нас есть заветный
Один уголок.
Там станет моим
Этот алый цветок.

* * *

Не споткнуться бы. Не упасть.
Поделиться бы. Не украсть.
Не солгать бы. Правду нести.
Не утратить бы. Обрести.
Не сражаться бы. А творить.
Не расстаться бы. А любить.
Не замкнуться бы. А гореть.
Не рыдать бы. А песни петь.
Не ударить бы. Пожалеть.
Не казнить бы. Понять суметь.

*Не пропасть бы. Пропасть — беда...
Остальное все — ерунда.*

* * *

*Я думал — забуду, лишь тронется поезд,
Пространство напором могучим рубя.
Я думал — забуду и успокоюсь.
Но нет мне покоя, я помню тебя.*

*Я думал — забуду, лишь время промчится.
Я думал — другая, всем сердцем любя,
Любовью своею поможет забыться.
Но нет мне покоя, я помню тебя.*

*Я помню тебя, я твой пленник печальный,
Живущий надеждой однажды опять
Тебя на дороге, быть может, случайной,
Средь тысячи тысяч людей повстречать.*

* * *

*Там, за рамою оконной,
Кто-то бродит средь аллей.
То ли с дамою червонной,
То ли с дамою пикей.*

*И сквозь лунное пространство,
Незамеченный никем,
Я люблюсь постоянством,
Первою средь главных тем.*

*Поцелуи, руки, взоры...
Вот сплелись они в одно.
Как волшебные узоры,
Я и зимнее окно.*

* * *

*На берег вечернего моря
Не фея ль пришла молодая?
В ситцевом платье нарядном,
Глаза голубее мая.*

Кого-то она ожидала.
Ходила у кромки воды.
Мелодия сказочной флейты
С лазурной лилась высоты.

Вот к берегу лодка пристала.
Взбив прядь непокорных волос,
И, выбросив сильные руки,
К любимой рванулся матрос.

Вот встретились. Вот засмеялись...
Но грустный подумал поэт:
«И эти мечтают о счастье.
О счастье, которого нет».

* * *

...Скрипит крыльцо. И видеть непривычно
Красивый снег. Пушистый первый снег!
Но мир банальный выглядит отлично,
Как после бани всякий человек.

Не тороплюсь. Иду напропалую
И сосны снежные встречаю на пути,
И ели белые, как свечки вкруговую,
И белые березки впереди.

* * *

Вот и снова весна.
Удивительный миг.
Воробьи у окна:
«Чик-чирик! Чик-чирик!»

И в урмане весна,
Хороши деревья.
Посветлела сосна.
На березе — листва.

И на небе весна.
Беспредельная синь.

*И уже прощена
Всеми зимняя стынь.*

*И на сердце весна.
И я полон весной.
И смеется она —
Ангел мой...*

Про медведя

*Притопал медведь из урмана.
Прошелся вокруг буровой
И против рабочего стана
Прилег на песок золотой.
Искрилась роскошная шуба.
Одежда — министру под стать!
Медведь вытер лапою губы
И после стал лапу лизать.
И мы закричали: «Лохматый!
Быть может, в бригаду пойдешь?
Под стать твою выстроим хату,
Ты, как человек, заживешь.
На кой тебе нужно, Мишутка,
По лесу без дела бродить».
И тут повариха не в шутку
Топтыгина стала бранить.
Кричит: «Он разбойник отпетый!
Обжора! Он сын варнака!
Ребята, он слопал котлеты
И выдул ведро молока!»*

ТЕПЛО ЛЯМИНСКОЙ ШКОЛЫ ГРЕЕТ ПАМЯТЬ И СЕГОДНЯ

В Лямино проходила модная по нынешним временам презентация только что сданной в строй новой средней школы в капитальном исполнении. Строилась она, конечно, не один год, и не один прораб-строитель тут руку приложил. Однако в третьей четверти ученики начали обживать новое двухэтажное панельное здание, где классы высоки и просторны, есть буфет и столовая, учительская и приличный кабинет директора. Правда, забыли при строительстве о спортзале. Но тут уж ничего не поделаешь, пришлось выслушать обещания главных строителей районной администрации, что в скором будущем этот пробел будет ликвидирован: спортзал будет сооружен из арок.

На моей памяти за последнюю четверть столетия эта ляминская школа — третья. Первая — на четыре класса — размещалась в начале семидесятых в двух квартирах деревянного двухэтажного дома. Отапливалась она печами. Занимались ребята в две смены.

Сюда в те годы и получила я назначение, обозначенное короткой строкой приказа по району: «назначить директором ляминской начальной школы». Одновременно я вела первый класс.

Рядом тогда, как, впрочем, и сейчас, стояла санаторно-лесная школа для детей-ханты с ослабленным здоровьем. В ней было восемь классов, но дети деревенских жителей, закончившие начальный курс, в ней не могли учиться, а ездили за пять километров в поселок Песчаный, где стояла такая же восьмилетняя школа.

Передавая дела, бывший директор Надежда Ганиева, уезжавшая насовсем из этих мест, как бы мимоходом заметила, мол, дров для школы не заготовлено, но есть договоренность с песчановским райпромкомбинатом, который будет подвозить срезку (тоненькие рейки-обрезки от теса).

Уже в первые осенние морозцы и педагоги, и дети на себе почувствовали, что значит топить срезкой. Пыхнет она, как лучина, прогорит, а тепла от печек как не было, так и нет.

А рядом, чуть в отдалении, на пригорке пустовало совершенно новое здание школы. Подключенные к котельной классы,

спортивный зал, коридор были, что называется, настоящим Ташкентом. Но, как сказали родители, школа не принята на баланс районо, и разрешение на ее заселение надо испрашивать у администрации ремонтно-эксплуатационной базы флота геологов, которые и считались хозяевами поселка.

Однако, как говорят, мороз шутить не любит, и он-то заставил искать оптимальный вариант, тем более что руководство РЭБ не возражало против нашего переезда. И вот, собравшись с родительским комитетом в осенние каникулы, мы решили объявить субботник по переезду. Пришли почти все родители, подогнали сани и начали грузить столы, парты и весь немудрящий скарб нашей начальной школы. За один день управились и расселились в одном крыле г-образного здания.

Но какое это было крыло! Все четыре класса имели свои аудитории, учителя обзавелись учительской. Пионерская комната получила постоянную прописку. И главное, в нашем крыле был отличный спортивный зал с огромными зарешеченными окнами, спортивным инвентарем. Неудивительно, что ребята с нетерпением ждали уроков физкультуры, которые вели сами учителя, — какая в начальной школе специализация.

Вторую четверть, таким образом, мы начали в новом здании, за что услышали грозный окрик из районо: мол, что там они, ляминские учителя, самоуправствуют, выговор захотелось. Но мы-то обезопасили себя решением родительского комитета и, что называется, все нам сошло с рук.

В нашем маленьком педагогическом коллективе я была самым молодым учителем, притом только что вернулась из Ленинграда, где проходила годичный курс повышения квалификации учителей начальных классов, работающих с народностями Севера. Это обстоятельство в какой-то степени придавало весомости. И родители первоклашек, можно сказать, были довольны, что отдали их под мое начало.

Во всей школе в ту пору насчитывалось около 60 человек, и царствовали мы в просторных хоромах. Что, впрочем, не учитывалось в штатном расписании: как была утверждена одна ставка уборщицы, так и оставалась одна она на все эти классы, спортзал и коридор. Немаловажно при этом было подобрать подходящую кандидатуру. Такой человек отыскался не сразу.

Когда пришла наниматься Мария Ивановна Петро, очень уж сомнительным показался мне такой вариант: женщина почтен-

ного возраста, к тому же плохо говорила по-русски. Но контракт заключили. И потом в школе нарадоваться не могли: Мария Ивановна стала в ней настоящей хозяйкой.

Нередко взрослые заглядывали в нашу библиотеку, приходили за интересной книгой на дом. Помню, таким образом «увели» три тома Есенина из пятитомного собрания. Очень легко собирались капитаны, механики, матросы на репетицию в клуб, на вечерние сеансы кино. А какие праздники проходили в школе!

Как-то на 8 Марта мои первоклашки во время урока, смущаясь, начали поздравительную речь и на память подарили сиреневый газовый платочек. Такой нежный, красивый, я долго хранила и носила его. Ну отдали девочки подарок. А Саша Каманев, смотрю, тянет руку и говорит: «Тот платок, что девочки вам сейчас подарили, моя мама послала».

Его мама до сих пор живет в Сургуте. А Саша уехал в Киев, закончил институт и там остался работать. Институт закончила Вера Побединская, но в школе проработала недолго, ушла на службу в органы внутренних дел. Андрей Пьянков живет в Нефтеюганске, закончил институт, работает на промысле.

Из бывших моих учеников-первоклашек почти никого в Лямино не осталось. Разве только Вова Желнин, отслуживший в Афганистане, да Боря Панов. Но из учащихся тех классов кое-кто вернулся в Лямино специалистами. Среди них педагоги Галя Попова, Александра Наргина. Они теперь работают в новой, недавно открытой школе. Но начинали в той, старой, в которую мы, что называется, влезли нахалом.

В те годы Лямино входило составной частью в Тундринский Совет, и все справки, акты оформлялись там. Той зимой мы ездили в Тундрину с бубенцами, играли деревенскую свадьбу выпускницы Тобольского пединститута и местного киномеханика. На лошадях двинулся наш свадебный кортеж, направо-налево мы платили там выкуп. Но при возвращении в Лямино нас подкараулил Леонид Волохов и намертво загородил дорогу. Коль скоро спиртного у нас не хватало, мы откупились деньгами.

Потом Тундрину начало разоряться, сельский Совет переехал на Высокий Мыс. РЭБ флота тоже передислоцировалась, хозяйном стала группа партий, теперь нет и ее. Основной рынок труда опять переместился в Песчаный, а в Лямино образовался сельсовет, недавно преобразованный в администрацию.

В те годы в новой школе открылась восьмилетка, и теперь

уже песчановские дети начали ездить в Лямино. Открывал восьмилетку бывший директор угутской школы-интерната Анатолий Степанович Кошелев. Он же провел презентацию и нового здания. В своей приветственной речи он выразил надежду, что в деревне будут созданы рабочие места. Однако пока развивается только песчановское производство.

ЖИЛА ДЕРЕВНЯ КИРЬЯС

От административного центра Покур Нижневартовского района вверх по Оби, на притоке, именуемой Кирьяс, стояла крошечная деревня о трех домах с тем же названием.

Стояли дома у подножья вечнозеленой горы, где до сих пор можно встретить гигантские папоротники, один лист которого вполне может заменить зонтик. На горе стояла топографическая вышка, а на взлобке колхозники распахивали пашню и по весне сеяли рожь, овес, пшеницу на зеленку.

С одной стороны гора окаймлялась полноводным и глубоководным Кирьясом, с другой стороны, куда ни кинь взор, расстилалась гладь озера. Во множестве водилась дичь, никем не пуганая, ибо местные жители не стреляли живность напрасно и без разбору. Разве только себе на пропитание, да и то в определенное время. Никто не трогал беспомощных утят, линялую утку. Даже на медведя, хозяина здешних мест, ходили уж тогда, когда он начинал безудержно драть скот.

Мишка был частым гостем в Кирьясе, поэтому жители приспособились пугать его, нанося удары по подвешенной рельсе. Но зверь все же иногда, преодолевая страх, навещал стайки, задирали ягнят, телят, а случалось и — коров. Но бывало это редко, потому что хозяева строго охраняли домашнюю живность.

По весне все жители, а их насчитывалось в деревне десять человек, ходили вырубать молодую поросль тала, чтобы комарья было поменьше. С берега хорошо были видны проходящие суда. Весной Кирьяс затоплял низкие предгорья, образуя перед домами огромное озеро, где пацаны любили купаться, нырять, кувыркаться, потом вода уходила, оставляя вязкий песок, который к середине лета каменел, как асфальт.

У каждого дома был разработан и удобрен огород с землей,

словно пух, богатой черноземом, что и неудивительно — ведь в каждом подворье водилось немало скота. Всякий овощ, не говоря о картошке, родился на славу. Самое любимое кушанье в деревенском доме той поры — окрошка с огуречным цветком, зеленым луком, квасом и сметаной, в которой стоит ложка.

Деревенскую идиллию портило, однако, обилие комарья и овода. В доме ли, на улице без курева обойтись было невозможно (курево представляло собой трухлявые пни, собранные в ведро или чугунок, обильно выделяющие дым). Особенно доставалось скоту: коровы, как правило, в эту пору резко сбавляли удои. Они тоже бились у курева, специально разожженного для них, или заходили, что называется, по самую макушку в воду.

Жители Кирьяса были колхозниками рыбартели имени Якова Свердлова, центральная усадьба которой стояла на расстоянии трех километров. Занимались, как во всех деревнях района, попеременно сельхозработами и рыбной ловлей. По весне в Кирьяс приезжали колхозные бригады с лошадьми, плугами, семенами. Перевозили лошадей, людей и технику и возделывали пашню. Потом ехали ловить рыбу. Одно звено управлялось на полях.

В Кирьясе жили всего два работника — Дмитрий Тальнишных да Гаврила Захаров. Их жены находились дома: у одной было много детей, другая серьезно болела. В третьем доме жили старики, однако хозяин и рыбачил, и охотился, но в основном для себя. В бане и предбаннике у него постоянно висели шкурки рыжей лисы, песка, часто невостребованные, немодные.

В магазин из Кирьяса ездили нечасто: за мукой, сахаром, конфетами, иногда крупой. Деликатесом была манка, но продавали ее редко. Баночек с компотами, вареньями, соленьями не завозили, считали, что не окупится, поскольку жители заготавливали разнообразные ягоды, которых в лесах росло видимо-невидимо.

Исчезла деревня, когда начали укрупнять колхозы. Даже малые дети смотрели на тех, кто увозит косилки, грабли, как на врагов, ругались потихоньку на приехавших. Всех переводили на центральную усадьбу, однако не в Вахлово, а на Вату. И люди разъехались кто куда. Две семьи подались в Покур, третья вообще перебралась на родину, в Уватский район.

После передачи Покура Нижневартовскому району на этом месте обосновался заказник. Еще бы, в устье Кулу-Егана можно было ловить стерлядей, в устье Кирьяса водились нельма, мук-

сун и осетр, а в нехоженной тайге гуляла дичь, почти ручная. В заказник, как водится, наезжали чиновники, так сказать, на заимку — отдохнуть от трудов праведных. И домик возвели, и баньку, как же без нее! Небольшой пахотный клин занимала картошка. Но со временем дичь повыбили, рыбу выловили, тайгу-красавицу на горе сожгли, разломали постройки.

Не стало Кирьяса, ушли в небытие и его жители. И стоит теперь Лысая гора. И лишь одинокие могильные кресты напоминают, что жили здесь когда-то люди.

**ИНТЕРНАТ
В УГУТЕ**

Знакомство состоялось так: получив направление в Угутский интернат, иду на берег, недалеко от теперешнего железобетонного моста, соединяющего старый Сургут с Черным Мысом. Мне надо найти водомет — речное судно, которое может увезти в Угут. В те, 60-е годы, река была единственной магистралью, связывающей Сургут с Угутом.

Вышедший на зов капитан отвечает, что судно принадлежит Тауровскому ПОХу (промыслово-охотничьему хозяйству) и, видя на лице разочарование, спрашивает, куда надо ехать? Тут же разъясняет, что это и есть Угут. Долго потом еще именовалось Угутское отделение Сургутского коопзверопромхоза Тауровским.

Три дня продолжался путь. Ночью водомет вставал на прикол: осенью ни зги не видно, к тому же песчаные косы-отмели подстерегали. По поводу длительных остановок у ханты было при словье: трубку курим, мало-мало спим, потом дома будем.

В кубрике водомета, вопреки судовым правилам, нас было порядком: начальник метеостанции М.И. Фатеев, председатель сельсовета В.Л. Усков, возвращавшийся из больницы ханты В.И. Кымычев, я с маленьким сыном и капитан А.М. Статевский. На всех было два сиденья-кровати, на которой едва мог поместиться один человек. Но, как говорится, ехали!

Дело, которым мне предстояло заняться, а именно: заведовать интернатом, было незнакомым. Положилась на решение районо, которое распределяло кадры педагогов.

И вот Угут — таежное селение в необычайно красивой вековой тайге, на крутом обрывистом берегу; две улицы, одна из которых застроена подслеповатыми избушками для ханты. Была в те годы такая программа, предусматривающая сселение кочующих аборигенных семей, привитие им цивилизации. И, романтически настроенная, я с жаром принялась за дело сселения детей ханты в интернат для получения всеобщего обязательного среднего образования.

Интернат в ту пору располагался в двухэтажном деревянном доме, перевезенном с Югана и построенном купцом Тетюцким.

Он стоит до сих пор, превращенный в коммунальное жилье. Внутри интерьер его был до обыденности прост: железные кровати, по-солдатски заправлявшиеся на день, несколько стульев и тумбочка для двоих. Гардеробы-шкафы появились немного позже.

Вырванных из привычной среды обитания детей с 7 до 17—20-летнего возраста мы селили в эти комнаты, куда не разрешалось заходить без надобности, садиться на кровать. При появлении старшего воспитателя, педагогов предписывалось непременно вставать. Неудивительно, что ехали дети из юрт очень неохотно. При сборе они старались бежать в лес, чтобы их не нашли.

Мне самой не однажды приходилось ездить по юртам. Вниз по Югану через определенное количество песков (ханты и до сих пор измеряют реку не километрами, а песками) можно было встретить жилые юрты Бисаркины, Еутские, Кымычевы.

Поздней осенью путь наш с Матвеем Михайловичем Рыскиным лежал в Еутские, где, по нашим сведениям, не отдавали в интернат, а значит и в школу, девочку Нину. Плыли мы в самодельной лодке на тихоходном моторе. К вечеру были на Еутских, где нас встретили очень радушно. Толмач Матвей объяснил цель приезда. Хозяйка Нюгломкины, оказалось, хорошо говорили и понимали по-русски.

Я, в ту пору очень юная особа, и двух слов на их языке не смогла связать. Замечу, что тогда и мысли не возникало выучить язык ханты. Да и сами они как-то стеснялись изъясняться на своем языке и больше молчали, а если говорили, то только по-русски.

Нюгломкины не выдали своих чувств, но в глубине-то души, теперь я понимаю, негодовали. Ровным голосом сказали, что Нина с утра ушла в лес и где ее теперь искать, они не знают. Хозяйка засуетилась, готовя угощение — уху из свежей рыбы. Подала чашки, ложки, усадила нас за чисто вымытый стол. Про себя я тогда отметила, что живут эти ханты по-русски, в отличие от Бисаркины, где видела чисто национальный интерьер: широченные нары, чувал в углу и отверстие для дыма вверх вместо трубы.

Нину в тот день мы так и не дождались. Полагаю, что нарочно упрятали ее родители. Правда, потом она временами появлялась, «выкуривали» из юрты, как говорится, но положенного образования она так и не получила, в отличие от брата Владимира, который регулярно осенью приезжал в интернат и был неизменным старостой, а фактически — неофициальным воспитателем. Хотя к его помощи я прибегала редко, зная, что крут на расправу Во-

лодя Ньюгломкин. Он был как вождь, каждое слово которого воспитанники исполняли беспрекословно.

Трагической стороны повернулась впоследствии к нему судьба. В летнюю пору причалила к их берегу самоходка. Владимир вышел с ружьем, полный готовности не пускать чужих на свою территорию. Прибывшие ослушались, и один получил смертельную пулю. Так оказался Владимир в заключении, и пошла его этапная жизнь.

На ночь в интернате, как, впрочем, и доньше, заступала на вахту ночная няня, призванная вести догляд за интернатской республикой. Чтобы спали, чтобы, не дай бог, не ложились вдвоем. Но ребячья население неугомонное, и кое-кто засиживался до полночи.

Однажды баба Фина Федулова, ночная няня, специально осталась в интернате до моего прихода и начала рассказывать о том, что Павел Каюков часто ложится на скамейку, говоря, что вот такой гроб ему будет нужен

— Неладное что-то с ним творится, — говорила она. — Как бы не было беды.

Долго мы потом беседовали с Павлом, договорились, что он может возвратиться в тайгу. Вопреки всем правилам и законам, на свой страх и риск приняла я такое решение. Про себя же думала, что никакое образование, сселение местных жителей не заменит им привычной жизни. Тем более что Павел слыл среди воспитанников и воспитателей человеком ответственным.

Помню, как рвались дети-старшеклассники из Каюковых домов. И как ходили пешком 40 километров туда и сорок обратно, а там еще в свои стойбища на лыжах или на собаках. Павел был у них вожаком, ему оказывали особое доверие. Я отпускала их в эти походы, правда, по ночам почему-то мучилась бессонницей и вздрагивала от любого стука.

Однажды в воскресенье начал крепчать мороз, к вечеру столбик термометра опустился за сорокаградусную отметку. Целую ночь не удалось мне сомкнуть глаз, ибо утром на занятиях открылось бы мое самовольство, и прощай тогда детская вольница. О себе-то не думалось.

Но утром, к завтраку, из мглисто-морозной тьмы вынырнула ребячья стайка, и Павел, весь в инее, взхлеб рассказывал, как на жестокосердном утреннем рассвете они одолели сорок километров обратного пути, но на занятия не опоздали.

Павел остался в тайге, но слышала я, что во время споров с соседями, стойбища которых были потеснены цивилизацией, он крепко ранил сородича и, как говорится, загредел «под фанфары».

Вообще, перебирая в памяти тех детей, воспитанников интерната, то и дело натыкаешься на трагедию в судьбе. Маша Бисаркина умерла при родах от желудочного кровотечения. Данил Сурломкин порешил жену Наташу и себя. Данил Каймысов утонул. Его брат Яков, инвалид по туберкулезному заболеванию, тоже уже на том свете. Володя, Валентин, Николай, Нина, Татьяна Кельмины из многочисленных потомков трех братьев Степановичей: Дениса, Устина, Василия (около трех десятков детей было у них) — тоже приказали долго жить.

Пожалуй, только Яков Караев да Егор Кельмин приобщились к цивилизации. Яков долгое время был молчаливым членом парткома нефтяников, Егор возглавлял ассоциацию «Спасение Югры». А ведь в те годы в интернате, да еще в тех подслеповатых избушках, было более сотни учащихся — детей ханты.

Потом интернат закрыли, рядом построили типовой школьный городок со спальными корпусами. Избушки у ханты в Угуте перекупили, видя, что живут они в них наездами. А как бы еще они жили, промышляя в тайге? Теперь и эти корпуса пришли в негодность, уступив место пластиковым зданиям, изготовленным за рубежом и обозначенным аббревиатурой «УНИМО». Они хоть и уютны, но очень звукопроницаемы. И интерьер в корпусах стал другим — более нарядным, и сидеть теперь на кроватях разрешают.

Но нет уже тех ребят, тех цельных, мужественных и сильных натур, что встретились мне в Угуте в середине шестидесятых годов.

ИНТЕРНАТ В АГАНЕ

В поселке Аган, на берегу, в середине 70-х годов стоял школьный корпус, рядом с ним — интернат на 60 человек. Коек, правда, в нем насчитывалось меньше, и извечной проблемой любых педагогических конференций было обеспечение каждого воспитанника спальным местом.

А они, дети интерната, ежевечерне спрашивали разрешения лечь вместе с подругой или с другом. Получив добро, они зати-

хали и лишь шепотом переговаривались друг с другом до полуночи.

В аганском интернате вместе с детьми из юрт жили учащиеся Чистоборска — лесозаготовительного участка, расположенного как раз посередине между Аганом и Новоаганском. И если таежных ребятишек мы собирали на шлюпке, чистоборские приезжали сами.

Все интернатские кормились и одевались бесплатно, но все равно ханты неохотно отправляли своих детей, особенно малышей. Только никто и тогда с родительскими чувствами аборигенов не считался. Нам тогда казалось, что вырываем мы потомков рыбаков и охотников из невежества и тьмы.

Бывало, что мне приходилось прятать детей от родителей в собственном доме. Особенно запомнился случай с Яшей Покачевым, братом Мары Покачевой, сыном Спиридона и Елизаветы. Яшу увезли из юрт тайком, и я спрятала его в своем доме. Следом, словно разъяренная львица, приехала мать. Не найдя в интернате сына, она бросилась за мной, держа в руках длинную жердь с торчащим на конце гвоздем. Благо, кто-то увидел и крикнул мне — удар цели не достиг, Елизавета промахнулась. В великой обиде я отдала сына, которого мать тут же увезла домой и потом еще долгое время не отпускала от себя.

При интернате была небольшая библиотека, книги из которой весь год ходили по рукам. А вот Вася Тылчин каждый год брал одну и ту же тоненькую книжицу Виктора Драгунского «Он живой и светится». Бывало, роется-роется в литературе, другие книжки посмотрит, а выберет эту.

Любимым его занятием была игра в олений, он и рога из сухих сучьев мастерил, и вожжи прилаживал. Теперь уже, став взрослым, Василий Антонович хранит обычаи и традиции своего народа, и к нему как к толмачу, экскурсоводу, знатоку ездят ученые делегации из зарубежных стран.

Самовольные уходы из интерната хоть редко, но случались. Так, в один из очень морозных дней на вечерней проверке недовосчитались Яши Лейкова. В ночь же снарядили мы повозку и помчались с возницей в трескучую стужу. Проехав около двадцати километров, остановились в чуме, где у очага, мирно беседуя с хозяином, восседал Яша Лейков, прихлебывая горячий чай. Тогда я не удержалась, отхлопала его по щекам. Он только покраснел и виновато, но укоризненно, смотрел на меня.

Настоящей радостью для всех стало крепнущее материальное благосостояние интерната. Как мы мечтали о гигиенических (так их и называли) пластиковых столах, заменивших деревянные, с перекладной-подставкой для ног и вечно закатывающейся клеенкой. Привезти их было целым делом. Однако уже на второй год моей работы в столовой стояли эти новехонькие голубые и зеленые столы с легкими стульями, отчего в зале стало и уютно, и просторно.

В интернате была своя прачечная, котельная. После приезда из леса несколько дней топили баню, выкуривая из волос, одежды детей насекомых. Причем старшим строго-настрого наказывали мыть малышей. Однако для пущего догляда я нередко без разрешения заходила в мойку, не глядя, кто там мылся — девочки или мальчики. Последние, чтобы не срамиться, кричали, что малышей они моют. В баню ходили охотно, девочки нередко и среди недели. Мыли голову, стирали кое-что по мелочам.

Любимыми днями аганской детворы были выходные, так как почти каждую неделю проводили вечера и непременно — день именинника. Готовясь к годовщине образования СССР, два года дети «жили» в различных республиках, имели свою атрибутику, праздники, традиции, флаги, форму и т.д. Республиканцы периодически готовили свою программу.

В субботу все ужинали, а потом вместе собирались в зале. Вечер затягивался до полуночи. После его окончания дети еще долго не могли успокоиться. Конечно, хлопот с ними в такие дни было немало, как, впрочем, и в обычные. Никак не получалось заставить их добраться до подушки и уснуть, что, конечно, выводило из себя ночных нянь.

Особенно озоровали они во время смены тети Лизы Тарасовой, женщины добросердечной, но ворчливой. Ее-то и доводили ребятишки своим хождением, она и жаловалась часто. В конце концов мы с ней договорились, что она будет подавать мне сигнал, трижды выключая и включая свет. Но номер этот, как говорится, не прошел: дети быстро сообразили, и, как только тетя Лиза подходила к выключателю, чтобы устроить «мигалку», они мгновенно «засыпали».

Осталась в памяти Зоя Покачеваа, которую, как и многих с ослабленным здоровьем, отправили в санаторно-лесную школу в Лямино. Причем делалось это без ведома родителей. Приедут отец с матерью из урмана, а чада их нет. Многие с этим покорно

мирились. Но когда Антон, отец Зои, не нашел ее в Лямино, тут уж терпению его пришел конец, и он приступил с допросами к нам. А мы, откровенно говоря, и сами не знали о ее судьбе. Лишь месяца через три стало известно, что Зою отправили в Ленинград для лечения.

Бывшие интернатовские воспитанники из Агана, теперь отрезанного от нашего района, в большинстве своем приспособились к жизни. Да и куда им деться, коль скоро на угодьях, где жили Спиридон, Геннадий, Марк, Кузьма Покачевы, Семен, Яков Терлины, Толя Епаркин, теперь добывают нефть, построили города Покачи, Лангепас, Радужный.

Но некоторых уже нет в живых: туберкулез свалил Толю Епаркина, утонул Яков Тырлин, кочует по тюрьмам Яша Лейков.

И все же, если сравнить с угутскими воспитанниками, аганские оказались более приспособленными к новым условиям. Может, потому что в тех краях нет такого таежного пространства, как в южной части нашего района — Угуге, и его населенных пунктах Какюково, Турово, Тайлаково.

*Подборку подготовила
Г. Кондрякова,
1995 г.*

РОДНОЕ СЕЛО МОЕ

В пору моей, теперь уже далекой юности родное мое село Локосово было совсем не таким, как сейчас. Это был затерявшийся на берегу Обской протоки населенный пункт с тремя десятками домишек, разбросанных в кедровом бору. Только три пятистенки и было в нем. В одной — школа, в другой — правление артели, в третьей — лавка.

Домишки стояли одиноко, без каких-либо надворных построек, без заборов и ворот. Точно тебе хантыйские юрты, которых в округности на 20—30 километрах стояло немало. В разгар лета село утопало в зелени, да так, что не просматривалось ни одного дома. Дороги — сплошной зеленый ковер, по которому ходили чаще босиком. Телег, и тех никто не имел, а на лошадях работали только зимой.

И все же это было село, в котором действовал сельский Совет, работали лекарь, учитель, имелась своя пристань. Была небольшая церквушка, но за ненадобностью ее закрыли, и она стояла с заколоченной дверью. На красивом, высоком месте возвышался памятник борцам, погибшим за установление советской власти в нашем северном крае.

Народ в селе жил дружно, порядочно. Вот какая деталь: о замках и понятия не имели. Если все уходило из избы, входную дверь обычно подпирали лопатой или обыкновенной палкой. Остерегались, чтобы ветер ее не раскрыл, да теленок или овечка в избу не забрались. Промысловый инвентарь — сети, невода, а также ружья, капканы, всегда держали в амбарах, зимой там хранили мясо, рыбу. Дверь в такие хранилища, в лучшем случае, привязывали веревкой.

Постоянное единоборство с суровой природой Севера сказывалось на характере людей. Ребята росли сильными, ловкими. Единственным видом промыслового транспорта летом был облас — маленькая верткая лодчонка. Молодой рыбак обычно плывал на ней и при зеркальной глади реки, и при крутой обской волне.

Грамотных в селе почти не было, с тремя классами сельской

школы человек считался уже довольно образованным. Однако это обстоятельство не мешало нам принять близко к сердцу советскую власть. Ее мероприятия воспринимались как общее дело, само собой разумеющееся. Народ переходил на коллективный труд, брался за книгу, садился за парту.

Заводилой молодежи, ее вожаком был Миша Балувев. Потомок политссыльного, он стал первым комсомольцем Локосово. Его острый ум, высокая идейная убежденность всегда подкупали нашего брата, сплачивали людей. Миша был маленького роста, потому ему не пришлось служить действительную службу, но на работе он всегда славился трудолюбием и настойчивостью. Был хорошим рыбаком, охотником, метко стрелял. В погоне за песцом не уступал первому следопыту села В.П. Кушникову, у которого рост был 180 сантиметров.

Проводником политики советской власти была и комсомолка Анна Николаевна Силина. Многие годы она — бессменный председатель сельского Совета, а Балувев работал счетоводом в рыбартели. Они стали и первыми коммунистами села. Много сделали эти люди для развития экономики и культуры Локосово. По их инициативе, например, был создан клуб, который стал местом просвещения и отдыха не только молодежи. В клуб шли всегда, там были газеты и книги, звучали песни и музыка. Патефон и баян братьев Тверетиных хорошо послужил людям.

С открытием школы-семилетки отряд молодежи пополнился учителями. Культурно-просветительная работа поднялась на новую ступень. Стали организовывать спектакли и концерты.

Комсомольская жизнь тридцатых годов была живой, плодотворной. Когда начиналась путина, Балувев складывал папки бумаг на этажерку и помогал председателю артели пополнять промысловые бригады молодежью, сам первым отправлялся на лов. Примерными рыбаками и активными комсомольцами проявили себя Вася и Лена Кузнецовы, Паша, Варя и Саша Кондаковы, Ваня Куйвышев. Ребята с огоньком трудились в колхозе, а когда пришла пора, с почетом ушли на службу в армию.

Колхозные дела не сходили с повестки дня комсомольской организации. Период роста общественного производства проходил не гладко. Слишком слабой оставалась материальная база колхоза, разваливались скотные дворы, не хватало инвентаря.

Частая смена руководителей хозяйства ни к чему хорошему не приводила.

Наконец председателем колхоза избрали местного человека — Михаила Павловича Тверетина. Выходец из средней крестьянской семьи, он обладал немалым опытом. Плотного телосложения, косая сажень в плечах, волевое лицо, твердый характер — вот его отличительные черты. Михаил Павлович был бессменным председателем колхоза более двух десятилетий.

В те годы в колхозе держали крупный рогатый скот, овец и лошадей. Основной доход давала молочная ферма, но немало денег получали и от зимнего извоза. На полях получали хороший урожай картофеля и корнеплодов.

Колхоз наш креп. Из года в год выполнял и перевыполнял он государственный план, славился высоким трудоднем, стал заводить племенной скот. Незадолго до войны закупили телок холмогорской и овец романовской породы. Наша ферма стала племенной, лучшей в районе.

В 1940 году колхоз не только выполнил план заготовки сена, но и создал страховой фонд. Это явилось решающим фактором спасения скота в роковой 1941 год, когда был необычайно высок подъем обской воды и началась война.

Как и для всего советского народа, для жителей Локосово она принесла тяжелейшие испытания. Грудью встали на защиту Родины кадровые красноармейцы Василий Александрович Кузнецов, Павел Егорович и Александр Иванович Кондаковы. В первые дни войны ушел на фронт и наш любимец Михаил Васильевич Балуев. Все ребята смертью храбрых пали на полях сражений.

Вернулся после тяжелого ранения только Иван Куйвышев. Он возглавил молодежную бригаду по добыче рыбы. В нее входили учителя, счетоводы, продавцы — все девчата. Была среди них и Елена Александровна Скутина, отдавшая родному колхозу лучшие годы — девять лет самоотверженного труда.

Всем, чем мог, помогал колхоз фронту. Бойцам посылали мясо, рыбу, масло, теплую одежду, обувь, кисеты, носовые платки. В армию отправляли и лучших лошадей, а с ними и колхозных наездников: Илью Баталина, Петра Кондакова. Они погибли.

Когда началось освобождение временно оккупированных районов нашей страны от фашистских захватчиков, труженики села

помогали Запорожской области восстанавливать разрушенное хозяйство. Колхозники Локосово выделили десять коров, пять овец, три свиноматки, тонну картофеля, два комплекта сбруи. Рабочие Локосовского рыбоучастка собрали 16 тысяч рублей, учителя школы перевели в Запорожье свой десятидневный заработок.

Активная помощь фронту была высоко оценена. В 1945 году в адрес школы пришла телеграмма Председателя Государственного Комитета Обороны Сталина.

Он поблагодарил ребят за помощь Красной армии и пожелал им здоровья, успехов в учебе и общественной работе.

В 1943 году в Локосово приехал инвалид войны, молодой учитель Зиновий Трофимович Скутин, способный педагог. Он заочно закончил институт и возглавил школу. Продолжительное время был секретарем партийной организации, депутатом и председателем сельского Совета. Сейчас Зиновий Трофимович живет в Сургуте, он член городского совета ветеранов. А две его дочери по-прежнему трудятся в родном селе. Лариса Зиновьевна — секретарь сельского Совета, а Нина Зиновьевна — товаровед.

Родное мое село готовится к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В каждой семье сейчас живут воспоминаниями. Да, никогда не померкнет память о тех, кто отдал жизнь за наш сегодняшний прекрасный день, за наше счастье. Готовясь к празднику, вношу предложение в исполком сельского Совета: назвать одну из улиц села именем первого комсомольца Локосово Михаила Балуева, павшего смертью храбрых в борьбе за свободу и независимость нашей Родины.

А. Осипов

В Локосово теперь есть улица имени Михаила Балуева.

При подготовке материала использована брошюра «Сургут в годы Великой Отечественной войны».

Коротко об авторе. Алексей Федорович Осипов в начале тридцатых годов прибыл в Локосово, работал ветеринаром на животноводческой ферме колхоза. Он многое сделал для развития сельского хозяйства, и особенно животноводства в Локосовском, Покурском сельских Советах, по организации ветеринарной службы в Сургуте. Неоднократно избирался депу-

татом сельских Советов, членом Сургутского райкома партии, секретарем колхозных партийных организаций. Его жена, Татьяна Петровна Алферьева, — учительница, несколько лет была заведующей отделом пропаганды и агитации Сургутского райкома КПСС.

Алексей Федорович — участник Великой Отечественной войны. Сейчас живет в городе Тобольске.

И. Захаров

СУРГУТСКИЕ МОГИКАНЕ

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ СИБИРЦЕВ

Андрей Николаевич Сибирцев, учитель по специальности, активный и неугомонный по натуре, в наши края прибыл еще в 1938 году 14-летним ребенком вместе с родителями. Работал кормилицей на Самаровском консервном комбинате, пять лет служил в армии, в том числе короткое время участвовал в боевых действиях в самом конце войны. Закончил педучилище, годичную школу партактива в армии, Свердловский пединститут.

После демобилизации вернулся в Ханты-Мансийск, работал в комсомоле, в окрисполкоме. В 1948 году его избирают первым секретарем Сургутского райкома ВЛКСМ, а затем возвращают в окружной исполком. Второй раз в Сургут А.Н. Сибирцев возвращается в 1953 году в качестве директора Тром-Аганской семилетней школы. В 1986 году уходит на пенсию из органов народного образования, где он был на должностях директора школы и школы-интерната, заведующим горно.

На пенсии пробыл недолго, активно включился в ветеранское движение, где в третий раз его избрали председателем городского совета ветеранов.

И сейчас, как любит говорить Сибирцев, живет он, не зная ни минуты покоя. Слава о действенной работе совета ветеранов гремит далеко за пределами города. В качестве положительного примера ее упоминают на совещаниях и конференциях, обобщают опыт работы.

Жизнь, замечает Андрей Николаевич, это не те годы, что прожил, а те, что запомнились. Эти запоминающиеся годы — вся его трудовая биография.

После окончания педагогического училища он приехал в Тром-Аган. Иван Кечимов, хорошо знавший свой народ, так как сам родился и вырос в юрте, пришел к новому директору попить чайку. Щуря темные, как таежные озера, глаза, с наслаждением отпивал обжигающий ароматный напиток. Говорил с мягким акцентом: «С родителей, Андрейка, мал-мал начинай. Душу им затронь добрым словом. Ханты — народ простой, поймет тебя».

Прямо на улице провел новый директор собрание.

— Ребятишки в школе промысел забудут, охотиться кто их научит? — шумели ханты. — От тайги уйдут, кто зверя промышлять будет?

Это волновало Сибирцева, поэтому он специально пригласил охотоведа промыслово-охотничьего хозяйства.

— Вот этот человек, — говорил он, — научит ваших детей ставить капканы, различать следы зверя, ловить рыбу.

После собрания всех накормили вкусным обедом и отвели отдыхать в приготовленное помещение.

— Для ханты это была целая революция, — вспоминает Андрей Николаевич. — Но однажды поверив, они уже с охотой отдавали своих детей, часто приезжали посмотреть на их жизнь и учебу.

В работе «Об организации ученического самоуправления» Сибирцев записывает: «Без настоящего ученического самоуправления и труда не создать школы радости». Он везде и всегда был с детьми, с родителями. Повел, пожалуй, впервые в районе на первомайскую демонстрацию, организовал поход на лыжах в Сургут. При нем же Тром-Аган получил надежную, по тем временам, связь с миром.

По его инициативе началось строительство новой школы и вообще строительство, что называется, объектов народного об-

Передача городскому музею реликвий 1995 г.

разования. Этим характерно его правление у руля отдела народного образования.

В начале 60-х годов А.Н. Сибирцев стал директором первой средней школы. Той, что сейчас остается одним из немногих деревянных зданий, которыми был славен Сургут. Разросшаяся рядом роща — это дело рук нового директора и его учеников. Они высадили пять тысяч берез, кустов смородины. Построили мастерскую, гараж, корт, теплицу. В два дня лопатами вырыли траншею длиной около 20 и глубиной до двух метров для водопровода. Один из классов-выпускников в полном составе пошел на работу в совхоз на целый год.

Только педколлективу не под силу бы сдвинуть такой груз, не будь самоуправления и ориентации на трудовое воспитание. В первой школе, по праву первой, заложены и поддерживаются традиции встречи выпускников. Ее же воспитанники разработали и утвердили значок класса В.В. Бауэра, которым учитель очень гордился. Пели и играли, вместе превращали пришкольный участок на зиму в снежный городок из ледяных скульптур. И все это за просто так.

В 1970 году в микрорайоне энергетиков, возникшем на бывшем колхозном поле, ввели в строй новую школу № 8. Первым директором ее стал Сибирцев, продолжавший и там нововведения. Парты в классах покрасили в светлые тона, ввели единую школьную форму. Опять сделали корт, и впервые по предложению директора для его покрытия применили дерн, который привезли с поймы. Теперь одерновка стала делом привычным и ежегодным. Вскоре школу № 8 приводили в пример, как образец, эталон общеобразовательного учреждения.

Довелось Сибирцеву открывать и третью школу, которая через два года лидировала по всем показателям, и занимала второе место в округе по техническому оснащению учебных кабинетов, оборудованных учащимися и их родителями. Кабинеты экспонировали на третьем съезде учителей области, а руководитель коллектива А.Н. Сибирцев находился в президиуме съезда.

Он первым из учителей был занесен на городскую Доску Почета в 1977—1978 годах.

В 1979 году на объединенном пленуме районо и горono избирается первым освобожденным председателем райгорпрофсоюза работников образования. В те годы он и выдвинул идею создания совета ветеранов педагогического труда, отметившего недавно пятидесятилетие.

№1. Неслучайно, что вскоре после ухода на пенсию его избирают председателем городского Совета ветеранов. Тогда отмечалось 45-летие Победы, и Сибирцев заказал юбилейные знаки небольшой группе ветеранов войны. Продолжал создание первичных ветеранских организаций, инициировал образование «Старожилы Сургута».

№2. Поэтому, когда шла подготовка к пятидесятилетнему юбилею Победы, по настоянию членов президиума Г.И. Кравченко, С.Д. Малюгина Сибирцева избрали председателем во второй раз и переизбрали на третий срок. Причем единогласно.

№3. Ныне городская ветеранская организация многолика и многочисленна. Достаточно сказать, что в последние годы объединились работники лесной промышленности, потребительской кооперации, медицины. Создано самое крупное общество неработающих пенсионеров у нефтяников, составной частью в которое влились фронтовики.

№4. Активно совет занимается издательской деятельностью: инициировал выход книги «Дорогами войны», юбилейных буклетов, выступил с идеей издания сборников «Сургут и сургутяне», «Незнакомый город». Второй год издает ветеранскую газету, заметки о ветеранском движении, и сюжеты нередко появляются в средствах массовой информации и на телеэкране города, района, округа.

№5. Особая страница в жизни ветеранов — юбилей Победы. Тогда празднично-юбилейными мероприятиями были охвачены не только участники войны, но и труженики тыла. Медали, подарки, сувениры получили по заслугам. В совете ныне создан комитет ветеранов войны, оживилась работа по ведению Книги почета, Книги чести и милосердия, организован фонд Победы.

№6. День создания совета, 21 марта, стал общегородским праздником.

№7. В составе нынешнего президиума и небольшого аппарата появились новые люди. Но Сибирцев умеет с ними ладить и работает, по его замечанию, с теми, кто есть.

№8. За свой благородный труд учитель и руководитель А.Н. Сибирцев не единожды награжден и отмечен. Он — отличник народного просвещения, имеет медаль «За победу над Японией», «За трудовое отличие», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и около четырех десятков грамот, а также поздравлений, писем, которые до сих пор шлют выпускники к юбилейным датам его рождения.

«Примите, Андрей Николаевич, наши поздравления и наши восхищения вами», — пишут выпускники 1972, 1967 годов, коллеги Ю. Плеханова, Л. Силина, А. Куйвашева, А. Неуймина, В. Бауэр, Н. Ларломкина. Немало памятных адресов из первичных ветеранских организаций, городского и окружного военкоматов направлено в его адрес.

Всего 45 поощрений и наград было у ветерана в 1985 году. Но и в последующие годы А.Н. Сибирцеву вручены девять почетных грамот в честь 60-летия округа, 45-й годовщины Победы от областного, окружного и городского Советов народных депутатов, ветеранских организаций.

Передо мной личный листок по учету кадров на А.Н. Сибирцева, 1924 года рождения, 29 октября, заполненный в 1955 году. Там есть такие графы: состоял ли в других партиях, участвовал ли в антипартийных группировках (когда, каких) и имел ли колебания в проведении линии партии. Участвовал ли в революционном движении, подвергался ли репрессиям, участвовал ли в партизанском движении, гражданской и Великой Отечественной войне? Находился ли на оккупированной территории, боролся ли против СССР? Судьба просеивалась в этом жестоком сите, где в выше обозначенных графах Сибирцев писал «нет», за исключением одной — участвовал в войне 1941—1945 гг.

Не все было безоблачно в его жизни, но трудности и препятствия закаляли, давали и дают силы идти вперед.

ЮРИЙ ЕФИМОВИЧ КОНЕВ

Совсем недавно встретилась я с Анфузой Галактионовной Неуйминой, ветераном сургутской школы, которая поведала о выпуске и встрече выпускников, что состоялась по ее инициативе в 1989 году, 1 июня. Ровно 40 лет назад в этот день им вручали аттестаты.

И все на этой встрече было как положено: званые гости пришли — Ю.А. Плетенев, И.П. Захаров; и ребята, которые учились с выпускниками до седьмого класса: И.Г. Киргинцева, В.Е. Король, В.Ф. Щепеткин. И четыре лучших дня они провели вместе. Посетили тогдашнего главу администрации, в то время он именовался председателем исполкома горсовета Л.Ю. Рокецкого, посетовали

на то, что не осталось ни одного здания от старого города. А как же праздновать 40-летие, если лицо города стерли с лица земли? Попросили оставить хотя бы здание школы, а это тогда была музыкальная школа № 1. Ну да о том здании пожар позаботился.

Какими же активными личностями оказались эти люди: ведь и встретились они по своей инициативе, и энергично приняли участие в реконструкции своего родного города, увидев, как безжалостно обошлись с ним, принялись отстаивать, что осталось. Какие поразительные люди — люди того поколения! Они не такие как мы, они действеннее. И действеннее не для себя, а для всех нас, без пафоса, просто по велению долга и сердца, просто по потребности души.

Ну а после визита к Рокецкому отправились по гостям, как говорится, делу время — потехе час. А их и вправду ждала Киргинцева, на столе — муксун, патонка, и морошка. Это в июне-то! А в последний вечер посетили «генерала» (так они его кличут) С.Д. Малюгина. Встретил он их радушно, приветливо, как и полагается однокашнику. Поиграл на гармошке, а наутро все разъехались, разлетелись кто куда, в разные стороны.

Интересно то, что спонсировал (как это теперь принято называть) мероприятие Дом пионеров, была там такая отзывчивая, инициативная женщина Светлана Валентиновна Островская, она-то и выдавала им деньги на конфеты да на сувениры, один из них и сейчас хранится у Неуйминой — большой мишка из оленьей шкуры.

«Да, радостно было сознать и видеть, когда все приехали на эту встречу, кроме двух человек», — продолжает Анфуза Галактионовна. И встреча была счастливой — ведь столько лет не виделись, и каждый мог многое рассказать. В числе их блестящего выпуска есть несколько человек, занимающихся научной работой и добившихся на этом поприще больших успехов: С. Замятин и А. Клочкин — кандидаты наук, Ю. Туринцев — доцент, декан факультета маркшейдеров, занимающийся изучением горных пластов земли, Ю.Е. Конев — доктор, микробиолог.

И вот о нем хотелось бы написать отдельно. Человек непростой судьбы, с редкостной целеустремленностью, отличающим его желанием заниматься любимым делом и знать о нем все.

Юрий Ефимович — теперь житель Санкт-Петербурга. Работает он в химико-технологическом институте, а еще готовит аспирантов. Но сначала... Сначала он жил в Сургуте. И еще в детстве получил травму позвоночника и увечье на всю жизнь. Пятый,

шестой и седьмой классы он пролежал, прикованный болезнью к постели. И его сверстники носили ему школьные задания, и учился он, переходя из класса в класс, лежа на кровати. В свободное от занятий время занимался вышиванием, писал картины, выкладывал мозаику, а его друзья В. Бауэр и А. Распопов тащили ему — кто битое стекло, кто посуду, а он с увлечением творил. И еще рассказывал своему другу Витьке Королю сказки собственного и несобственного сочинения.

Но прошло время, и Юрий Ефимович выздоровел, получил аттестат и решил во что бы то ни стало учиться в медицинском институте. Поехал в то время еще в Ленинград, а там нигде его не принимали, так как документы были отправлены почтой и не успели дойти. А без документов даже в мультфильмах посылки не выдают, а здесь... институт. Но в последнем ему все-таки повезло. Потому что в приемной комиссии сидел студент, и по всей видимости, человек с демократическим началом, не боящийся ответственности. Принял абитуриента без бумаг, сказав: «Если закончил школу, если знаешь, что учил, — сдашь!». Вот ведь какое дело! Выдержал Ю.Е. Конев экзамены. Сдал на две четверки и две пятерки. Зачислили его кандидатом, но все последующие годы учился он только на отличню и был сталинским стипендиатом. С отличием закончил институт и остался в аспирантуре.

Юрий Ефимович напрямую был связан с научно-исследовательским институтом, с лабораторией по изготовлению лекарств, там он и повстречался с женщиной-фронтовичкой, которая стала его женой. Посмотрела, посмотрела она на мужа, да и тоже пошла учиться. Даже стала врачом широкого профиля. Вот какая семья получилась — докторская.

А Конев тем временем сложил руки не сидел. Занялся он как человек увлеченный изучением микробов. И вылилось это занятие в 30 лет длиной, а уж слава этой лаборатории микробов и до границы дошла. И ею заинтересовались американские ученые. Вот как! Международные связи стали возникать, хотя они и без того были — ведь Юрий Ефимович часто ездит на симпозиумы в разные страны.

Но про своих земляков он не забывает. Кто в лечении нуждается, или в диагностике какой, их Анфуза Галатионовна на правах сестры направляет к нему в Санкт-Петербург. И никого не обидел, не оставил без внимания Конев. Всех пристроил и определил куда надо. Да еще в довершение всего создал в Санкт-Петербурге об-

щество сургутян. Они раз или два встречаются там. Как приятно сибиряка, близкого человека, встретить. Ведь старожилы все знакомы и, встречаясь, обо всем делятся, поддерживают друг друга.

Как поражает такой сильный дух в человеке, его неумная жажда жизни и деятельности, его стремление к творчеству и познанию! Можно подумать — это судьба. Но ведь судьба не держит человека в жестком направлении, она дает ему возможность выбора. Вот тут-то многое зависит от человека. Ведь вполне могли опуститься руки у него, и кто знает, может быть, пошел бы он на улицу просить подаю. Ан, нет. Пошел он другой дорогой и добился больших высот.

И. Кондрякова

ПОМНИМ ВСЕГДА

Об учительской профессии часто говорят, что она почетная, но трудная. Да, большинство учительских династий горда подчеркивают эти качества своего труда. И надо добавить, что требует она от наставника молодежи еще и самоотверженности, можно сказать, даже самоотреченности от многого во имя будущего наших детей.

В городе есть семейные династии учителей. Правда, их не так много, обычно они обрываются на втором поколении. И здесь играет роль специфика этой профессии. Не каждому она по плечу. Ведь учитель должен быть добрым по отношению к детям, любить их по-отечески, как своих собственных детей. Должен быть всегда подтянутым, жизнерадостным, справедливым, много знать.

Учитель в классе — как артист на сцене. Он не может показывать свои личные переживания, если они и не радостны, своего плохого настроения. И только дети учителей, беспредельно влюбленных в свою профессию, становятся настоящими наставниками подрастающего поколения.

Много представителей учительских династий в средней школе № 4. У Г.М. Иониной не только отец и мать проработали в школе до пенсионного возраста, но и ее дед всю свою сознательную жизнь отдал школе, детям. «Возраст» этой династии — более ста лет. А в выборе профессии Галины Михайловны большую роль сыграл отец, о котором дочь говорит: «Это удивитель-

но добрый, умный человек. И я считаю: учитель никогда не должен забывать, что и он был когда-то первоклассником, пятиклассником, десятиклассником. Он должен всегда понять душу своего воспитанника», — считает Г.М. Ионина.

А учительница русского языка этой же школы А.Я. Слыш говорит так: «Я выбрала эту профессию, наверное, потому, что с детства видела нелегкую, но интересную работу своей матери Валентины Ивановны Хижняковой. Мама мне помогает и сейчас. Я уже 14 лет работаю с ней рядом, но совет и помощь старшего в нашей профессии нужны постоянно».

В далекие 30-е годы, когда в нашем районе грамотных можно было пересчитать по пальцам, начинали свою педагогическую деятельность родители Веры Александровны Бессоновой, которая вот уже и сама более 20 лет работает в школах города. В национальных поселках района трудились ее родители Силины. В эти же годы начиналась трудовая деятельность учительницы Ф.Г. Полярковой, дочь которой В.И. Трифонова пошла по пути матери.

Отец и мать Л.Ф. Рыбальченко и сейчас учительствуют в Алтайском крае, а Людмила Федоровна говорит: «С детства я вращалась в учительской среде, вот поэтому и избрала эту нелегкую профессию. Если у молодых людей есть любовь к детям, надо идти в школу».

Есть представители учительских династий и в средней школе № 9. Директор ее В.Г. Малиновская сумела передать любовь и к профессии, и к своему предмету дочери, которая, окончив девятую школу и пединститут, вернулась в Сургут. А завуч этой школы Н.В. Миронова является одной из пяти сестер-учителей. Пять сестер, пять учителей — такое бывает нечасто.

Трудолюбие, любовь к детям, хорошее знание своего предмета, педагогический такт — все, что присуще хорошему учителю, характерно для Е.В. Шастуновой, и она прошла профессиональную ориентацию в своей семье.

Здесь же трудится С.К. Замятина — представительница славной горголы тундринских учителей Замятиных, известных всему району. Супруги Савины — представители династии тобольских учителей, А.Е. Аристова — также выходец из учительской среды.

В школе № 10 трудятся сестры Коневы — Наталья Михайловна и Людмила Михайловна, родители которых начинали свою педагогическую деятельность в 50-е годы в школах округа. Мать, Анастасия Федоровна, до ухода на заслуженный отдых труди-

лась в восьмой школе. А отец, Михаил Михайлович, после педагогической деятельности работал в комсомольских, партийных, хозяйственных органах.

Мне довелось работать в одной школе с М.И. Сухаревой и Л.В. Волгиной, отличниками народного просвещения. В 30-е годы, во время учебы в Ханты-Мансийском педагогическом училище, я проходил практику у матери Волгиной, которая тогда учительствовала в базовой школе педучилища. Волгина ушла на заслуженный отдых, М.И. Сухарева преподает математику в нефтяном техникуме, а уже ее дочь, Н.П. Постолова, — учитель математики в шестой школе.

Сколько их еще работает в Сургуте — представителей учительских династий, чьи отцы и матери привили им любовь к педагогической деятельности, благословили их на этот нелегкий путь! И что характерно, из учительских династий вышли хорошие специалисты. Все они пользуются уважением учащихся и их родителей. Да и не мудрено, ведь для них главным институтом была своя родная семья.

Вадим Кожевников писал: «когда мы встречаемся со школьными товарищами, мы больше всего говорим не о том, как нам помогли в дальнейшей жизни знания, приобретенные на уроке того или иного учителя. Мы говорим о том, какими они были, наши учителя».

Да, это так. Вспоминая учителей Тундринской школы тридцатых городов: В.М. Попкова, Г.М. Пиотровских, А.Д. Ельпина, А.П. Сабурову, В.И. Жуйкова, — я тоже больше всего благодарю их за доброту, человечность, умение понять нас, учеников тех далеких лет. И в те годы учителя много работали над собой, несли большие общественные нагрузки, вместе с нами работали в колхозе.

Времена меняются, а учитель для ученика и в те годы, и сейчас остается тем же, кем был Ментор для Телемаха более двух тысяч лет назад. Учителя не забываются. И в глубокой старости мы их всех помним поименно.

М. Малышкин

ЗОЯ ХАРИТОНОВНА ТРОФИМОВА

Родилась я в семье рабочих. Отец и мать занимались кирпичным производством. Сначала в Ялуторовске, затем в Упорово. В 1948 году закончила 10 классов Упоровской средней школы.

За время учебы в школе избиралась секретарем комсомольской организации, пела в хоре. Играла в струнном оркестре, руководила кружком бального танца, занимала первые места в соревнованиях по лыжам. Во время войны 1941—1945 гг. в каникулы работала в колхозе: убирала урожай зерновых, косила траву, копала картофель, доила коров.

Школу закончили 17 моих друзей-одноклассников, которые стали настоящими, честными людьми, замечательными специалистами, с которыми я до сих пор переписываюсь: Валентин Трубачев — капитан дальнего плавания, Федор Пьяников — летчик-испытатель, Галина Золотухина — учитель средней школы, Полина Угренинова, Клара Коган — детские врачи, Валентин Золотухин — профессор, Владимир Тютрин — директор школы, Степан Муравьев — инженер.

В Тюменском государственном педагогическом институте, в котором училась с 1948 по 1952 год, приобретала не только знания, но и занималась общественной работой. Была председателем профсоюзного комитета курса, членом президиума профсоюзного комитета института, пела в академическом хоре, принимала участие в лыжных соревнованиях, занимая призовые места. Награждалась грамотами, туристическими путевками в Москву и другие города страны.

В 1952 году была направлена на работу в среднюю школу № 1 Сургута учителем русского языка и литературы, которым я стала неслучайно. В школе увлекалась писателями-декабристами, Лермонтовым, Пушкиным, любила Островского, Шолохова, Фадеева, в спектаклях играла Ульяну Громову из «Молодой гвардии», картины из «Грозы», собирала домашнюю библиотеку. Теперь она у меня насчитывает несколько тысяч экземпляров.

З.Х. Трофимова

Примером для меня были Павка Корчагин, Зоя Космодемьянская, молодогвардейцы, их мужество и героизм, любовь к людям и к родине, чуткость и человечность. Я люблю людей смелых, мужественных, преданных. Что касается педагогического поприща, то моими наставниками были О.А. Захарова, О.Н. Пачганова, А.С. Знаменский, у которых я часто бывала на уроках, училась педагогическому мастерству.

Первый год моей педагогической деятельности совпал с огромной бедой — сгорела средняя школа № 1, погиб ученик девятого класса Толя Тверетин. Он выносил из физкабинета приборы, таблицы, и на него упала горящая балка. Этот случай запомнился на всю жизнь. Родители, учителя, учащиеся школы плакали у обгоревших головешек. Но школьная жизнь продолжалась, занятия проводились в приспособленном помещении.

Я была избрана секретарем комсомольской организации (учительской и ученической объединенной), руководила хором старшеклассников, занимала первое место в соревнованиях по лыжам среди женщин поселка, принимала участие в художественной самодеятельности клуба, которым руководил Иван Андреевич Кайдалов. Ставились пьесы Чехова, Гоголя, Островского. В спектаклях играли учителя, медики, работники милиции. С концертами мы выезжали в поселки Сургутского района: Черный Мыс, Белый Яр, Банное, Тундрино и др.

Вскоре меня назначают завучем школы № 1, затем директором вечерней школы рабочей молодежи, заведующей горно. Я работала директором средней школы № 5, завучем, директором школы № 6. Административная деятельность продолжалась 28 лет из 33 проработанных в школах города. Коллектив учителей ШРМ № 1, в частности, А.Ф. Торопчинова, Л.Т. Дорошенко, А.М. Федорова — работала в контакте с организациями и общежитиями поселка, поэтому ни один ученик не покинул школу, а закончил ее. Даже 46 человек, условно освобожденных, получили документ об окончании среднего образования.

Когда Сургут получил статус города в 1965 году, меня назначают первой заведующей городским отделом народного образования. Пришлось создавать новый отдел, подбирать кадры. В этом период в городе насчитывалось пять средних школ, восьмилетняя, две начальные, одна вечерняя. Директорами школ работали прекрасные образованные люди: А.Ф. Шандыров, В.Н. Пономарева, Л.А. Кондакова (школы №№ 2, 4, 7). Сургутский горно счи-

тался одним из лучших в округе и в области. Звание Заслуженный учитель было присвоено М.А. Кайдаловой (ныне покойной), Н.П. Маковецкой, А.Г. Тельновой. Одним из лучших инспекторов городского отдела народного образования была Л.А. Смирнова.

Большую помощь в организации городского отдела народного образования оказывали заведующий районо Л.Р. Триннель и инспектор районо В.В. Кушников. Мы также старались отвечать взаимностью. Я, например, ездила проверять работу Сытоминской, Угутской и других школ района. Часто приходилось бывать в Ханты-Мансийске, в окружном отделе народного образования, которым руководил А.Ф. Филиппович, его заместителем был Григораш. В сельские школы района ездила на лошадях и оленях, а в Ханты-Мансийск — на парохде. Окружной отдел народного образования был для меня как родной дом, там царили ум, творчество и доброта.

В 1968 году мужа избрали секретарем парткома НГДУ «Сургутнефть». Мы переехали жить в поселок нефтяников. Здание, в котором находилось горно, располагалось в другом конце города. Я не могла оставлять трех своих маленьких детей на целый день, поэтому попросила работу в поселке НГДУ. Так я стала сначала директором средней школы № 5, а затем завучем, директором школы № 6, в которой я проработала 15 лет — почти половину срока моей педагогической деятельности.

Здание школы было только что построено, поэтому пришлось вложить много труда, чтобы превратить его в учебный центр: оформить и оборудовать кабинеты, пионерскую комнату, физкультурный зал, коридоры, оснастить кабинеты техническими средствами. За эти годы был создан стабильный, сильный педагогический коллектив, поэтому школа занимала I—III места в соревнованиях среди школ города, а учащиеся — призовые места в городских, окружных, областных олимпиадах по предметам, в смотрах художественной самодеятельности, по техническому творчеству. Школа бы не имела таких успехов, если бы ей не оказывали помощь шефствующие предприятия: УБР-1 (начальник Ю.А. Цареградский), объединение «Сургутнефтегаз» (генеральный директор А.В. Усольцев) и др.

С глубоким уважением вспоминаю о таких учителях, мастерах своего дела, как Р.А. Азизова, З.С. Зерова, С.В. Астафьева, Л.И. Гордиевская, Е.Л. Симяхина, М.П. Сипайлова, А.А. Куйвашева, М.И. Сухарева, Л.С. Семененко, В.И. Провкина и др.

В контакте я работала и с заведующим горно В.И. Николаен-

ко, умным и энергичным человеком. Он организовывал для директоров, завучей, учителей семинары, научно-практические конференции, педагогические чтения, курсы, занятия по обмену опытом. В каждой школе были оформлены и оборудованы методические кабинеты вместо методических уголков. Появился городской методический кабинет.

Учебке кадров придавалось огромное значение. Большое внимание уделялось молодым учителям, к которым прикреплялись опытные учителя-наставники. Для молодых педагогов создавались методические объединения «Молодой учитель». Мне часто приходилось выступать на городских, окружных, областных семинарах по различным вопросам педагогической практики: «Планирование работы в школе», «Роль кабинетной системы в учебно-воспитательном процессе» и др.

В 1959 году горком КПСС принял меня в члены партии, и вот уже 37 лет я в ней состою. Избиралась неоднократно депутатом городского Совета народных депутатов, председателем городского общества «Знание», заведующей внештатного школьного отдела горкома КПСС, секретарем партийной организации, народным заседателем горсуда, принимала участие в деятельности академического хора ДК «Нефтяник», за что получила медаль лауреата.

За долгодетный и добросовестный труд, большую общественную работу я награждена медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда», юбилейной медалью в честь 50-летия Победы, тремя нагрудными знаками «Победитель социалистического соревнования», почетной грамотой Министерства просвещения, пятьюдесятью почетными грамотами партийных и советских органов, органов народного образования, знаком «Отличник народного образования».

В 1985 году я ушла на заслуженный отдых. Но привычка быть среди людей, помогать им вынудила меня окунуться в общественную работу: меня избрали членом комиссии по работе с учащимися школ города, членом совета профкома учителей, членом совета микрорайона нефтяников, членом президиума городского Совета ветеранов ВОВ и труда, председателем городского совета ветеранов педагогического труда, членом ревизионной комиссии окружного совета ветеранов ВОВ и труда.

Будучи членом горкома профсоюза, занималась проверкой выполнения в школах законов трудового законодательства, на заседаниях профкома, городских профсоюзных собраниях защищала

интересы ветеранов труда, добилась для них ежемесячной доплаты к пенсии, выделения санаторно-курортных путевок, земельных участков и т.д. Будучи членом совета микрорайона нефтяников посещала квартиры неблагополучных семей. А как член окружной ревизионной комиссии, вместе с А.Ф. Кугаевским, председателем окружного Совета ветеранов, ездила в командировки в Нефтеюганск, Когалым для проверки работы советов ветеранов данных городов. Как председатель совета ветеранов педагогического труда, создавала советы ветеранов и ветеранские группы в школах, проводила беседы с учащимися и учителями, организовывала праздничные вечера для учителей, выставки изделий кружка «Умелые руки», который функционировал при городском совете ветеранов педагогического труда (руководитель А.Н. Зайцева), оформила историю создания совета ветеранов педагогического труда, которому в 1995 году исполнилось 15 лет. Будучи членом президиума городского Совета ветеранов ВОВ и труда, создала советы в нефтепроводном управлении города и в городской администрации.

Приняла участие в создании городской территориально-социальной службы сначала как общественница, а затем как работник данного управления, в котором проработала 4 года, занимаясь в основном регистрацией льготных категорий и оформлением документов на оплату льготного проезда. Через мой кабинет прошли все пожилые люди Сургута. Я хорошо знаю их нужды и чаяния.

Большинство ветеранов труда, моих сограждан (в Сургуте я живу уже 44 года, здесь родились и живут трое моих детей), не потеряли человеческого достоинства, живут с честью, ведут общественную работу, помогая престарелым людям.

ЗИНАИДА МАКАРОВНА ЗЫРЯНОВА

С 1942 по 1945 год на территории Сургута и района было три детских дома: в Песчаном, Ямском и Сургуте. Жили в них эвакуированные ленинградские дети. О работе одного из них, в Песчаном, и говорили мы с бывшей пионерской вожатой, а ныне ветераном педагогического труда Зинаидой Макаровной Зыряновой.

Работала вначале в Доме пионеров, потом перешла на метеостанцию, потому что там давали военный паек. Но обморозила

руки. Да так, что с посторонней помощью едва их впихивала в рукава. О возвращении назад после болезни и речи не было. Как-то встретила секретаря комитета комсомола и завела речь о работе. Катерина Бронникова охотно предложила ей место пионервожатой в новом детском доме, расквартированном в Песчаном.

И почтовой веревочкой с колокольцами, как говорится, на перекладных уехала Зинаида в Песчаный.

Это было не типовое обустроенное здание, а приспособленные под корпуса сельский клуб и колхозная контора. В клубе жили старшие, в конторе — младшие. Учились все — и местные, и детдомовские, и ляминские прихожалые — в сельской школе. В детском доме жили 100 человек, вместе с ними приехали директор Нина Павловна Бономорская и завуч Анатолий Николаевич Котляренко. Прибыл детдом последним пароходом, который привез исхудавших и больных детей. Их надо было накормить, а в ту пору и в нашем крае было не очень сытно. Жиры и масло, хлеб и мясо отпускались по норме, да еще и наряд выдавался на их получение.

Вот и выпало Зинаиде Макаровне как самой молодой жительнице этих мест поехать в Ханты-Мансийск за пионерской атрибутикой, за вещами и документами. Пара лошадок везла молодую девушку, будто бы затерявшуюся в жидкой лунности, по торной прямоезжей дорожке (провешенной на всем пути) вешки из мохнатых сосновых лап ставились на недалеком друг от друга расстоянии и указывали вознице правильный путь.

Рассказывает, что на одном отрезке навстречу ей летел экипаж, и возница громко орал встречному, чтобы сворачивал с дороги. Зинаида не управилась, и седок буквально загнал ее упряжку в снег, да так, что вылетела оглобля. Уж и помучилась девчонка, прилаживая завертку. Хорошо что с другой стороны упряжка уцелела, а то ковать бы ей во чистом поле!

В Ханты-Мансийске Зинаида получила ткань на галстуки, флажки, горн, барабан, документы, кое-что из вещей. Таким же образом потом на двух лошадях ездила в Сургут, когда пришла американская помощь. Получила шоколад, тушенку, платье, костюмы, обувь. Два навьюченных воза везла в детский дом.

Собиралась пионерская дружина детского дома не так уж долго, потому что принимали детей в пионеры группами. Они-то и шили пионерские галстуки, флажки. Они мастерили игрушки на новогоднюю елку, они выступали с концертами, готовили кульки-подарки.

— Мы и потом с некоторыми ребятами переписывались, — вспоминает Зинаида Макаровна. — Они писали, как живут, учатся, кто нашел родителей, а кто остался в детском доме.

Поселили молодую пионервожатую на квартиру Марфы Яковлевны Новопашиной, муж которой был на фронте. Она поставила для жилички кровать, и зажили они одной семьей. А когда вернулся муж Марфы Яковлевны, девчонку взяла другая сельчанка — тетя Фрося. Питались педагоги и воспитатели, в том числе и она, пионерская вожатая, в столовой детского дома, который за довольствие вычитывал деньги из зарплаты. Но Зинаида, по ее признанию, все масло не ела, а перетапливала и сливала в бутылки. Накопила две. И взяла их с собой, когда поехала на экзамены в Тобольск. Одну, говорит, съела, а другую продала и туфли купила. Из-за трудностей с питанием, одеждой, которые требовали немало денег, Зинаиде Макаровне удалось закончить педучилище лишь в 1951 году, сдав экзамены экстерном. Пыталась она начать учебу в учительском институте, но тоже не закончила.

Не роскошно жили и детдомовцы, с радостью предвкушая нечастые праздничные обеды, когда можно было поесть хоть не досыта, но все же. Не хватало буквально всего: мебели, мыла, обуви, одежды.

В следующем году детдомовцы зажили уже лучше, дары леса помогали, речные богатства. Одежду получше справили благодаря американским посылкам. Дружнее и веселее жить стали, и война пошла на убыль. Так что, когда уезжал детдом, расставались с сожалением. Зинаида Макаровна заметила, что Екатерине Ивановне Антоновой и Анатолию Николаевичу Котляренко вернуться не разрешили, и они продолжали трудиться здесь. Екатерина Ивановна работала в детском доме, а Анатолий Николаевич был инспектором району. Они уехали в Питер, но намного позднее.

Зинаида Макаровна так и осталась на всю жизнь учителем-воспитателем. После Песчаного ее направили в сургутский детдом, потом была заведующей Пимским, Лемпинским интернатами, воспитателем Ляминского. И только с выходом на пенсию она перешла переводом в распоряжение Сургутской ГРЭС-1, где, как говорится, заработала себе квартиру. Но с советом ветеранов педагогического труда не порывает до сих пор, посильно участвуя в его делах. По осени, несмотря на хвори-немощи, непременно ходит, ездит в лес, запасая для себя ягоды.

Не очень счастливой оказалась ее личная жизнь: в молодости похоронила сына, утонувшего в проруби в пятилетнем возрасте. Трагично, нелепо: скатился пацан с горки, угодил головой в прорубь, так и окончил. Пережила разрыв с первым мужем, не все гладко было и со вторым. Но, может, компенсацией стали дети. Все трое не сбились с пути, теперь у нее пять внуков и одна внучка. Сын и дочь живут в Сургуте, Валерий давно обосновался в Ангарске.

Как-то Зинаида Макаровна писала в Ленинград, адресуя послание любой школе, с просьбой разыскать воспитанников детского дома № 80, в 1942—1954 годах живших в Песчаном, но ответ так и не получила. Слишком велик временной отрезок от войны до наших дней.

Зинаида Макаровна имеет медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», ее знают многие горожане, деревенские жители и лесной народ, которым она несла свет жизни.

1995 г.

ВАЛЕНТИН ФЕДОРОВИЧ СОЛОХИН

В кабинете В.Ф. Солохина — карта области, прожилками ее пересекают вдоль и поперек реки. Берега многих сейчас одеты в бетон, дугой перекинута мосты. Много построено мостов Валентином Федоровичем. Вытянуть все в одну линию — в сотни километров не уместится. Но все это уже вчерашний день. Новые переходы встают через водные преграды. Пересечет он и Пур. Вторым будет по длине этот мост в области. Протянется на 1320 метров. Речь о строительстве железной дороги в восточном направлении в свое время вели неуверенно. Ни о конкретных сроках не говорили, ни о подготовке к штурму реки. И тем не менее обращались взоры туда все настойчивее. То ли дальновидностью Солохина, то ли случайностью можно объяснить тот факт, но один из мостоотрядов был высажен в шестистах метрах от Пура. И когда встал вопрос: готовы ли мостовики к выполнению нового задания, то ответ последовал утвердительный. Да, они готовы начать наступление на широкую сибирскую реку, и она покорится им. Но это уже будет завтрашний день Солохина, в который он старается заглянуть, стать очевидцем и участником событий. А сейчас разговор о дне сегодняшнем.

Мостостроительный трест № 11 переходит на новый метод хозяйствования — коллективный подряд. Его преимущество не вызывает сомнений. Накоплен опыт на передовых предприятиях, на него опираются последователи. «Чужой опыт, конечно, ценен, но не мешало бы и свой иметь», — считает Валентин Федорович. И два мостоотряда, самые сильные в тресте, переведены на работу по-новому.

— Сложностей встретим много, — говорит управляющий. — Особенно с ними столкнутся в отстающих подразделениях, где не опробован даже бригадный подряд. Вот почему мы, не дожидаясь толчка, решили действовать. Будем очень внимательно следить за результатами тех, кто является лидером в этом начинании, чтобы впоследствии избежать ошибок.

В тресте создали специальную комиссию, возглавил которую заместитель управляющего В.И. Ребриков. Активно взялась она за новое дело. Провели в мостоотрядах №№ 29 и 80 собрания, разъяснили людям, в чем суть коллективного подряда. Подготовку ведут и в других подразделениях, чтобы облегчить переход на прогрессивный метод хозяйствования, анализируют работу в прошлом году.

Трест растет постоянно. Ежегодно прибавка объемов строительного-монтажных работ составляет порядка восьми миллионов рублей. А вот в прошлом году этот рост был несколько приостановлен. И несмотря на то, что задание перекрыли, технико-экономических показателей достигли неплохих, Солохин считает прошедший год неудачным. Создать могучие силы и видеть, как они буксуют, нет ничего обиднее.

— Срывов в постановке оборудования, материалов, конструкций было больше, чем когда-либо, — говорит он. — Казалось бы, начавшаяся перестройка должна была изменить положение дел. Но этого пока не произошло. Поэтому сохранить набранный темп не удалось. С другой стороны, я понимаю, что бесконечно приращивать объемы невозможно. Сегодня, как никогда, встает вопрос качества. Надо признаться, что мы ослабили контроль. Произошло это еще и потому, что в последние годы много сил отнимало строительство завода железобетонных изделий нашего министерства. Последнюю очередь его сдали. Все внимание сейчас направим на улучшение качества, поправим положение дел. На это нацелены службы треста, подразделений.

Валентин Федорович берет листок, испещренный цифрами. Это

анализ работы треста. Каждая цифра — пища для размышлений. В колонках против 29-го и 15-го мостоотрядов, старейших в тресте, построивших обской переход-гигант, высокие показатели — свыше тринадцати миллионов рублей освоил каждый. А есть и «карлики», которые осилили чуть больше двух миллионов рублей. Это Октябрьский, Тобольский мостоотряды. Подтянуть их, вывести хотя бы на пятимиллионный рубеж — это значит построить и сдать десятки дополнительных мостов. Вот он, резерв, который надо приводить в действие. Можно взглянуть на эти цифры иначе.

✦ Если поделить объем работ, выполненный трестом за год, а он равняется почти 76 миллионам рублей, на все подразделения, то получится вовсе неплохой средний показатель — шесть миллионов. В Главмостострое, к которому принадлежит Сургутский трест, таких отрядов нет. Да и сам трест в главке идет вторым по тем же объемам выполняемых работ. Одним словом, можно по-разному оценивать одно и то же. И то, и другое будет правдиво. Но Валентин Федорович не хочет себя успокаивать: отстающие коллективы существуют, и закрывать глаза на это нельзя. А причину такого положения управляющий видит в кадровом просчете. Он не пытается переложить вину на других, берет ее на себя. Значит, что-то просмотрел, не предугадал, не смог предвидеть.

✦ Что произошло, к примеру, с Тобольским мостоотрядом, который так плохо как в прошлом году, еще не работал? Начальником его поставили Касаткина. До выдвижения он вроде бы зарекомендовал себя грамотным инженером. Включили его в резерв, но не торопились с назначением. А он прямо-таки рвался руководить. Решили доверить коллектив после неоднократных бесед. И условие поставил Солохин: через полгода подтянуть мостоотряд.

✦ — Мне и трех месяцев хватит, — горячится ретивый начальник.

✦ Не хватило ему и полугода, и девяти месяцев. Не поправил он дела, а окончательно развалил его. Жалобы пошли в трест на самоуправство, неправильные действия. Пришлось срочно издать приказ об освобождении самонадеянного руководителя. Промашка вышла с ним. Трудно, очень трудно подыскать хорошую кандидатуру начальника мостоотряда, главного инженера. Надо, чтобы и дело они знали, и любили его, чтобы подчиненных уважали, не отрывались от коллектива, жили его заботами.

Есть у Валентина Федоровича день, когда он ведет прием по личным вопросам. И если видит, что из какого-либо мостоотряда люди зачастили в его кабинет, значит, не все в порядке в том

подразделении, требуется оперативное вмешательство. Так было, кстати, и в истории с тобольским отрядом. Но не только ЧП срывают Солохина с места. Хозяйство у управляющего огромное, всюду надо побывать. И не заездами, не урывками, не для того, чтобы кого-то распекают, разбираться в конфликтных ситуациях, а знать, точно представлять обстановку на местах, вовремя подсказать решение проблемы, встретиться с людьми, с которыми связала кочевая жизнь мостостроителя.

Управляющий доверяет многим руководителям подразделений, требования к которым возросли, но и пристально следит за стилем их работы. Властью не каждый может пользоваться. В одном из мостоотрядов, например, появились энергичные руководители. План последних двух кварталов подразделение перекрыло. Все вроде бы ладится. Да вот участились жалобы. «Что за этим стоит?» — пытается разобратся Солохин. Ответ найден. Мостоотряд выполнял раньше меньшие объемы, чем родственные коллективы, однако зарплата у его тружеников была высокой. И такое положение всех устраивало. Но, как известно, зарплату надо заработать. Этого, по всей вероятности, не сумели объяснить подчиненным руководители, проявили излишнюю жестокость. И это обстоятельство тоже тревожит Солохина. Нет, он не ратует за то, чтобы угодить каждому. Такой метод тоже не годится, и не следует из одной крайности впадать в другую.

В пример Валентин Федорович ставит Л.И. Богомолова, начальника 80-го мостоотряда. Крутоват Леонид Иванович. Некоторые неуютно почувствовали себя в этом подразделении с приходом Богомолова, и жалобы тоже стали поступать оттуда, но управляющий, досконально разобравшись с ними, все-таки занял позицию Богомолова. Серьезное поручение выполнил этот коллектив в прошлом году: построил автодорожный мост через Тром-Еган. В канун октябрьского праздника проехал по нему первый автомобиль, а затем установилось регулярное движение. За 52 дня выполнен монтаж перехода. Такого рекордного срока в тресте еще не знали.

Радует управляющий успехам 29-го мостоотряда. Признанный лидер соревнования этот коллектив в тресте. До недавнего времени им руководил С.Н. Дядькин. Теперь он — главный инженер треста.

— Все объекты сдают они в срок, — дает оценку труженикам отряда Валентин Федорович. — А самое ценное, что коллектив

всерьез занялся социальной сферой. Детский сад построили в поселке Барсово. Снята проблема устройства поселковых ребятшек в дошкольное учреждение. Тепличка своя там появилась. Заложили большую столовую с кафе, а в Сургуте начато строительство 145-квартирного дома. В следующем году приступят к сооружению школы на 1176 учащихся.

Не скрывает своих симпатий Валентин Федорович и к другому начальнику мостоотряда № 93 В.А. Донадзе. В биографии Валерия Александровича для Солохина, кажется, нет «белых пятен», знает чуть ли не всю генеалогическую ветвь его семьи. И это не праздное любопытство. Управляющему важно знать не только своего подчиненного как производственника, но и как человека, которому доверена не одна сотня людей.

В старом Уренгое, где базируется этот мостоотряд, появился добротный поселок. Есть в нем и средняя школа, и спортивное сооружение, и книжный магазин, чего пока не увидишь в других городках мостостроителей. Первые огурцы в тресте тоже выращены там. Донадзе радовался этому урожаю, как мальчишка. Когда подоспело время сбора его, сам лично завел в теплицу детсадовских ребятшек, и те своими руками рвали зрелые плоды. Оставшимся Валерий Александрович заполнил сумку воспитателя: «Несите на кухню, пусть лакомятся малыши». А еще есть в поселке музыкальная школа, открыта спортивная секция дзюдоистов. Старается Донадзе устроить быт мостовиков. И Солохин выделяет особенность, которая ему импонирует в подчиненном: «Суров, но справедлив. Дисциплина в отряде на высоте».

Суров ли сам управляющий? Не знаю, не приходилось видеть его гневным, не в духе. Если и откажет во встрече, то обязательно толково объяснит причину. Если согласится встретиться, сопровождать на какой-то объект, то не станет украдкой посматривать на часы — не слишком ли много времени у него отняли. Не будет обходить острые углы в разговоре, показывать себя в выгодном свете... И слушать Валентина Федоровича можно часами, ибо память его хранит великое множество фактов, событий. А каждый мост, построенный в области, имеет свою биографию.

— Мы много работали в прошлом году на Ямбурге, в Уренгое, Медвежьем, в Среднем Приобье, — говорил Солохин. — В районе Рускинского месторождения построили мост, давший проезд автомобилям в сторону Когалыма, Ноябрьска. Через Хадутте, реку с кра-

сивыми берегами, тоже проложили мост. 21 мая проехали по нему. Теперь пересечем ее вторично — железнодорожный переход строим. Пятнадцатый отряд много ввел мостов. Большие дела развернулись по сооружению стальной магистрали Новый Уренгой — Надым. В феврале надо до Пангод ввести в эксплуатацию все переходы...

Да, строить придется много. И не только мостов. Специализированному тресту надо сдать еще и 24 тысячи квадратных метров жилья. Не всем такая программа по плечу. Мостостроители же берутся решить жилищную проблему самостоятельно, не полагаются на то, что все придет само по себе.

Эти хлопоты «нажил» себе Солохин сам, когда шесть лет назад напросился на прием к министру. В докладной записке он тогда написал, что мостостроители не получили ни одной квартиры в капитальных домах, что люди не видят перспективы. Трудно в таких условиях сохранить кадры. И предложил начать строительство собственными силами. Получив «добро», трест приступил к делу. Не так скоро оно продвигается, как того хотелось бы, но с мертвой точки вопрос сдвинут. В прошлом году мостостроители получили триста квартир. Нынче одновременно будет сооружаться восемь зданий в разных городах области. Часть из них вводные, другая перейдет на следующий год. Ускоряет сейчас себя управляющий: «Давно надо было заняться этой проблемой, с того самого дня, как образовали трест. А теперь приходится наверстывать упущенное».

— Мостоотряды вначале не хотели заниматься сооружением жилья, — рассказывает Валентин Федорович. — Считали это не своим делом. С большим желанием и рвением они бы взяли мост даже через Берингов пролив прокладывать. Пришлось психологию ломать. В корне поменялось отношение к проблеме. Не зря ведь говорится, что глаза боятся, а руки делают. Быстрее было бы панельные дома строить. Но опять же кирпичный можно лучше спланировать, хотя загвоздка в материалах серьезная. Упускать время нельзя. В перспективе в Сургуте появится завод крупнопанельного домостроения, видимо, вопрос будет решаться легче. Многие подразделения наметили для себя программу решения жилищной проблемы. Мостоотряд № 29 берется обеспечить всех нуждающихся квартирами в 1992 году — годом-двумя позже. Хотелось бы нынче решить другую проблему — обеспечение детскими дошкольными учреждениями. Она остро стоит только в одном мостоотряде, все другие сняли ее с повестки.

Кстати, Солохин и сам не так давно получил городскую про-

писку. Жил со всеми мостостроителями в Барсово. Предлагали Валентину Федоровичу перебраться в Сургут.

— Построим первый свой дом, тогда перееду, — отвечал он.

Так и поступил. В первую очередь в тресте обеспечили жильем всех ветеранов Великой Отечественной войны. Придет время — выделяют квартиры другим. Останавливаться, менять курс в наметенной социальной программе мостостроители не собираются, какие бы сложности ни встретились на пути.

З. Сенькина

АРКАДИЙ СТЕПАНОВИЧ ЗНАМЕНСКИЙ

Мы, ленинградцы, закончившие Сургутскую среднюю школу: Л.Е. Казенкова, братья В.Г. и О.Г. Самолововы, П.А. Грязневич и я, — узнали, что есть предложение об увековечении памяти хорошо известного всем нам учителя Аркадия Степановича Знаменского. Группа ветеранов партии, участников Великой Отечественной войны, внесла предложение присвоить имя А.С. Знаменского детской музыкальной школе № 1. Было предложено также назвать его именем одну из улиц или площадей города Сургута.

Все мы горячо поддерживаем эти предложения. Думаем, что это будет справедливая дань уважения учителю, по сути своей Народному Учителю.

Прошло много лет с тех пор, как мы учились физике и математике у Аркадия Степановича. Для многих из нас этот период равен более чем сорока годам. Но мы помним и никогда не забудем удивительный образ дорогого нашему сердцу человека — его стройную фигуру, богатую шевелюру, серьезное суховатое лицо со светлыми, иногда смеющимися глазами, руку в карандашом у губ, подсказывающих медлительному ученику основное слово правильного ответа.

Мы, его воспитанники, помним, как он проводил уроки: спокойно, интересно, часто с юмором. Аркадий Степанович, как никто другой, умел донести до нас трудные азы науки, подготовить к честному и порой нелегкому труду. Еще задолго до известных теперь многим, благодаря Центральному телевидению, учителей-новаторов В.Ф. Шаталова, Е.Н. Ильина, С.Н. Лысенковой и других он разработал и применил простые приемы усвоения слож-

ного материала, использовал индивидуальный подход к каждому ученику. Опубликован его метод решения алгебраических задач простым, графическим, геометрическим методом.

Многие пользовались его библиотекой, уникальной для Сургута тех лет. Кто-то помнит увлекательные походы с ним в далекие урманы сибирской тайги к старым стойбищам местного населения. Но мало кто знает, что Аркадий Степанович был и ученым-естествоиспытателем. Из образцов почвы, собранных им в Сургутском районе, выведен продуцент антибиотиков, подавляющий различные болезнетворные микробы и вирусы. Антибиотику присвоено название «сургумицин» (журнал «Антибиотики», 1974, № 1. С. 10—14). Таким естественным образом Аркадий Степанович увековечил название города в научной литературе.

*Ю. Конев,
доктор биологических наук*

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СМЕХОВ

А былое — вот оно. Сумрак... Вечер... Гонит холодный сентябрьский сиверко раскосмаченные тучи над Нялино. И мечется из конца в конец деревни заполошный бабий вой. Лютует-бунтует Гришка, пьянь несусветная, головушка забубенная да не раз судимая. Наповал уложил из дробовика соседа, что образумить его пытался. А теперь вот молоденькую врачиху поставил гад к стенке и целит ей в самое сердце. Рассыпным горохом — ребятня за изгоролями, тарашит оттуда испуганные глазенки. Мужиков в деревне по пальцам сосчитать. Стоит врачиха блее самой стены белой, и что у нее в мыслях, никому не ведомо. А налитые бешеной кровью пьяные глаза не видят уже и не замечают, как невесть откуда взявшийся широкоплечий высокий мужик заслонил собою недвижимую, будто каменную, врачиху, дышит запаленно раскрытым ртом... Выстрел...

Видно, и впрямь родился Василий Смехов в «рубашке», как долго судачили потом нялинские бабы. В левое плечо вместо сердца угодила пуля. А когда родные да знакомые спрашивали, как это он, директор Самаровского рыбозавода, отец шестерых детей, так вот, не раздумывая, себя под пули выставил, он лишь отмахивался: «Я — что, вот врачиха — одна ведь на столько деревень...».

В Нялино в тот вечер он только-только приехал по делам сельского рыбоучастка.

О, ЭТИ ПОЖЕЛТЕВШИЕ СТРАНИЦЫ!

У меня в руках удивительная папка. На вид обычная, из плотного шероховатого картона, не очень новая, без замков-молний и шнурков-завязок. А хранит уникальную человеческую судьбу. Попала она ко мне неожиданно, и к материалам, так бережно и любовно собранным в нее и хранимым, я отношение имею самое косвенное. Предназначена-то она была не мне. По крупицам собирали в нее сведения коммунисты Сургутского авиаотряда, чтобы потом преподнести в дар музею революционной, боевой и трудовой славы подшефной школы-интерната. А попала она все-таки предварительно ко мне. Да еще и с напутствием: «Понимаешь, надо обязательно написать о коммунисте Василии Смехове».

Вчитываюсь в первую, пожелтевшую от времени, с выцветшей печатью деловую справку-характеристику и ...не могу оторваться.

«...В.В. Смехов, член ВЛКСМ с 1923 года, по социальному происхождению — рабочий, работал в Тобольской райорганизации ВЛКСМ Уральской области. Вел работу инструктора среди молодежи в потребкооперации. Классово выдержан, в политических вопросах разбирается, в уклонах не замечен. Характеристика выдана на предмет поступления в военную школу».

Вот еще одна справка, не менее интересна, уже отпечатанная на машинке фиолетовыми буквами: «Дана настоящая В.В. Смехову в том, что он состоял членом Тобольского горсовета созыва 1930—1931 гг. Справка выдана на предмет предоставления в военкомат с целью поступления в военный вуз. Председатель горсовета Бычков, секретарь Скачков».

Среди многочисленных справок, характеристик, по которым можно целую книгу написать, есть выписка из приказа министра геологии от 16 июня 1952 года, которая удостоверяет, что В.В. Смехову, заместителю начальника буровой партии треста Запсибнефтегеология, присвоено персональное звание директора геологической административной службы третьего ранга на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Просматриваю мандаты, удостоверения, наградные листы и почетные грамоты области, округа, района и не перестаю удивляться, восхищаться, как много успел и как самозабвенно работал Василий Васильевич Смехов. Здесь же — первый комсомольский билет, простенький и невзрачный, и последний, в малиновом

коллекоре, с пятью орденами на первой странице, врученный Смехову как почетному комсомольцу Сургута на вечное хранение.

Вот небольшая темно-коричневая книжечка, документ, удостоверяющий право Василия Васильевича как персонального пенсионера на льготы, установленные инструкцией.

Трудовая книжка... Документ, выданный В.В. Смехову в 1936 году. К тому времени стаж его работы по найму составил уже 11 лет. Вот и запись самая первая об этом гласит. Прикидываю: родился в 1909 году. В 1923 пошел работать на распиловку и вырубку дров. Получается, в четырнадцать неполных ребячьих лет Василек Смехов сам себе кусок хлеба обеспечивал.

Немало документов рассказывает о стремлении Смехова к насыщенной учебе, самообразованию и использованию любой возможности пополнить знания. В свидетельстве об окончании десятимесячных курсов переподготовки партийных и советских работников при Тюменском обкоме ВКП(б) почти все оценки «отлично». А предметы, надо отметить, нелегкие для мужчины сорокалетнего возраста, большой семьей обремененного, каким был в тот год Василий Васильевич.

Сохранились в папке и некоторые отчеты и выступления самого Василия Васильевича на районных партийных конференциях. Поистине исторические документы!

А вот из представленной информации Смехова о работе комиссии по предварительному рассмотрению вопросов по приему в партию и персональным делам при Сургутском райкоме партии видно, что ее председателем Василий Васильевич был требовательным, взыскательным и принципиальным.

Конечно, папка — это не живой общительный собеседник, у которого можно что-то спросить, уточнить, по лицу которого можно уловить смену настроения, реакцию на услышанное и т.д.

И все-таки возникает теплое чувство благодарности к тем, кто смог собрать этот ставший уже историей материал.

КОММЕНТАРИИ К ВОСПОМИНАНИЯМ

Мария Ивановна Хмелева, ветеран труда, пенсионерка, бывшая учительница национальной школы: «Никогда не забуду, как внимателен был Василий Васильевич к людям. Первый секре-

тарь райкома партии, забот полно, хлопот, а всегда выкраивал время для нас, учителей. О здоровье расспросит, о работе, не преминет поинтересоваться делами домашними, бытом нашим. Как-то при случае пожаловалась я, что совсем плохо мне, врачи курорт рекомендуют настоятельно, да вот путевки нет. А через несколько дней он меня вызывает, путевку предлагает да быстрее ехать...».

А путевку-то он сам для себя впервые за всю жизнь получил. Операцию желудка перенес тяжелую, без санаторного лечения никак все поправиться не мог, помогли в обкоме профсоюзов путевку изыскать нужную. Да посчитал Василий Смехов, что Марии Ивановне она нужнее.

Виктор Федорович Редикульцев, первый секретарь Октябрьского райкома партии: «Я тогда комсомольцем совсем зеленым был. Доводилось много ездить с Василием Васильевичем по Сургутскому району. Тонули с ним не раз в полыньях. А все равно унылым или отчаявшимся я его никогда, ни разу не видел».

Тонули, замерзали, голодали, действительно, не раз. Обогрелись у костров да в хантыйских юртах Совкуниных, Ермаковых, Ларломкиных, известных и безвестных, по дальним урманам да урочищам затерянным. И не было, пожалуй, ни одного уважающего себя ханты-охотника или рыбака, кто не знал бы имени Смехова. «Большой хозяин», — так они его звали.

Андрей Николаевич Сибирцев, бывший первый секретарь Сургутского комитета ВЛКСМ: «Помогал Смехов молодежи буквально в любых начинаниях. Да ведь по духу Василий Васильевич сам же всегда комсомольцем был...»

На многочисленных фотографиях, что бережно хранятся как святые семейные реликвии у дочерей, В.В. Смехов всюду только среди молодежи. Вот он выступает на комсомольском слете, вот напутствует выпускников первой Сургутской средней школы, вот на молодежном вечере в числе приглашенных гостей. Ему, почетному комсомольцу Сургута, комсомольцу двадцатых годов, делегату первой районной партийной конференции, депутату районного и окружного Советов, было о чем сказать молодым. «Много испытаний выпало на долю наших парней и девчат, но несгибаема их воля. Они всегда побеждают. Вам, молодым, есть с кого брать пример, на чьих традициях учиться», — так напутствовал он комсомольцев, вручая им новенькие, еще пахнущие типографской краской билеты.

Людмила Васильевна Полянская, девять лет проработавшая заведующей школьным отделом РК ВЛКСМ, ныне начальник отдела кадров Сургутского УБР-2: «Для нас, детей, отец во всем был образцом. Какие бы посты и должности он ни занимал, всегда был предельно честным, скромным и требовательным к нам отцом. Но для людей он не жалел последнего, ни со временем не считался, ни со здоровьем своим...»

Все их многочисленное семейство жило на одну отцовскую зарплату. Мать, коренная сургутянка, обремененная бесчисленными семейными заботами, часто хворала и работать не могла. В 1962 году схоронил ее Василий Васильевич. А жила семья все время в деревянном доме на старой улочке. Ремонт бы капитальный надо, да для этого в другую квартиру перебираться нужно. Но ни разу Смехов не воспользовался своим служебным положением, чтобы семья его многодетная в просторную квартиру со всеми удобствами в домах-новостройках въехала. Только позже, уже будучи персональным пенсионером и продолжая трудиться на общественной работе, когда врачи категорически запретили ему жить в Сургуте, он впервые обратился к секретарю обкома партии с просьбой-заявлением помочь ему с жильем в Тюмени. И были там приведены скупые, но такие емкие строки поистине достойной биографии: «На тюменском Севере работаю с 1927 года, в том числе в Ямало-Ненецком округе четыре года, в Ханты-Мансийском дорабатываю 24-й год. На советской и партийной работе — более 14 лет».

Н. Заболотнева

ЖИВАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Меня могут спросить: а к чему я это все пишу? Для кого и зачем? Ведь человека уже нет, да и похоронен он не в Сургуте, а в Тюмени. Так стоит ли ворошить прошлое? Вот ведь как говорят в народе: «Живым — живое». Отчего же вдруг написано о Смехове, когда семь лет назад уже перестало биться его сердце? И еще много разных вопросов могут задать. И я, наверное, отвечу: не знаю.

И все-таки, наверное, это будет не совсем так. Ведь говорят и по-другому: «Это надо не мертвым, это надо живым». Может, нуж-

но, чтобы след рабочего парнишки Василька не затерялся в стремительном беге времени. Хотя он и сегодня продолжается в делах его детей. Они ведь так и живут здесь, среди нас с вами: Лилия Васильевна — учительница начальных классов пятой средней школы, Нина Васильевна — преподаватель биологии в средней школе № 3, Тамара Васильевна — инженер планового отдела авиаотряда, Василий Васильевич — командир самолета АН-24, Людмила Васильевна — начальник отдела кадров Сургутского управления буровых работ. Вот только Юрий Васильевич живет в Ханты-Мансийске. Самые крепкие, самые дружные корни смеховские и побеги от них молодые здесь, в Сургуте. Это у них смеховская, такая открытая и добрая улыбка. Это у них смеховские звонкие песни, русские, раздольные, и самая любимая «Едут новоселы». Это у них неумемная смеховская жажда жизни, постоянная готовность прийти на помощь, умение чужую беду считать своей.

И еще рядом с нами, вокруг нас живут друзья его и соратники. Николай Васильевич Юрковский, один из первых строителей города Сургута; Аркадий Николаевич Лоскутов, нынешний директор Ханты-Мансийского музея; Людмила Андреевна Менщикова, Василий Захарович Уженцев, чьи имена достойно чтит каждый сургутянин и многие другие, кто близко знал Смехова, имел счастье жить и работать с этим простым человеком.

«Ничто на земле не проходит бесследно», — так точно передаст песня смысл жизни! Сургут растет, хорошеет с каждым годом. И с каждым годом все больше новых улиц, школ, садов, аллей. Живая история Сургута — улицы Кайдалова, Щепеткина, Федорова, Мелик-Карамова. Подрастает новое поколение и вливается в пионерские дружины имени Таисии Зориной, Ивана Кайдалова, Михаила Щепеткина. Несут почетные вахты мира экипажи сургутских вертолетов, самолетов, вписавшие в свой состав имена сургутян, павших на фронтах Великой Отечественной.

Продолжается связь времен через связь имен, черед дела, нами унаследованные от старших поколений. Потому что был он один из тех, кто жизнью своей, делами своими творил и утверждал на земле сургутской историю. И каждому шагу ее сегодня, твердой, уверенной поступи, рассветам и зорям откликается доброе, жизнеутверждающее, звонкое и раскатистое эхо его умолкшего имени.

Октябрь 1981 года

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ БАУЭР

Он из того гонимого людского слоя, что прошел унижения ссылки, надзора, невыезда. Лишь первый десяток лет его жизни прошел как бы безоблачно. А в 12 лет...

По словам его жены Устины Тихоновны, Виктор Владимирович таким вот пацаном ехал с матерью и бабушкой в эвакуацию: вывозили тогда немцев из Ленинграда. Мать не доехала, и схоронили ее где-то на берегу, в ста километрах от Ханты-Мансийска.

Виктор с братом Юлиусом жил у бабушки. Работали и учились. Тяжелым был труд на лесозаготовках, к тому же у мальчика рано пробудилась тяга к знаниям. Но Бауэра отнесли к категории невыездных, и он самовольно уехал поступать в учительский институт в Тобольск. Учился отлично и работал потом с таким же упоением, заслужив звание отличника народного образования.

По его биографии можно проследить биографию района, который занимал площадь, в половину большую, чем сейчас, когда Сургутский район отдал часть территорий Нефтеюганску, Нижневартовску, Когалыму. С этим отторжением отошел и тот населенный пункт, куда Бауэр приехал по распределению.

Погорельск возник и выстроился силами спецпереселенцев, которые создали колхоз «Новая заря». Здесь была выстроена типовая семилетка, в которой Бауэр вел уроки математики и немецкого языка. Как сам потом объяснял, немецкий язык он взял по своей инициативе, так как знал многих, кто оказался лишенным возможности учиться в вузе по причине незнания иностранного.

Очень скоро вышло Виктору Владимировичу повышение по службе, он стал инспектором района, а потом и директором локосовской средней школы. Но подлинное признание и мастерство пришли к нему во время работы в средних школах Сургута. Его талант преподавателя и тонкого психолога, философа раскрылся необычайно. Дети очень любили педагога за простоту и доходчивость в объяснениях, за понимание запросов и души подростков.

Они и чтили его как человека, как инженера человеческих душ. Он был непременным участником всех вечеров-встреч. Его выпускники изготовили и распространили значки с символикой 25 лет выпуска В.В. Бауэра. Среди них Николай Николаевич Ольков — председатель межрайонного комитета по охране окружа-

ющей среды; Ольга Петровна Лоншакова — аптечный фармацевт; Николай Аристархович Попов — связист, долгое время работающий в доме детского творчества, бывшем доме пионеров; Алексей Алексеевич Федулов — автор сборника, в котором собрана история Сургута в значках. И другие.

Запомнила на всю жизнь его и я, ведь это он пробудил во мне интерес к знаниям, он отдавал немало времени внеклассной работе. Он вместе с нами копал картошку на колхозном поле, заготавливал в лесу дрова. Да и в домах у учеников был не случайным гостем.

Перед смертью учитель долго и тяжело болел. В последнее время редко выходил из дома, но наступил дачный сезон, и не вынесла душа труженика — отправился подладить теплицу. Обычно, с неизменной немецкой обязательностью, он носил при себе визитные карточки на случай... А тут вроде как ненадолго ушел из дома. Оказалось, навсегда.

Жена вскоре поехала следом, но на даче Виктора Владимировича Бауэра не было. Не хотелось верить в непоправимое, и поэтому телефон морга набрала в последнюю очередь. И там нашла своего мужа. Потом по крохам, по рассказам чужих и посторонних людей составила картину кончины учителя. На даче он все же побывал, а когда возвращался на остановку, прихватило сердце, он остановился, потом сделал вперед еще один шаг. И, как боец на поле боя, рухнул ничком, разбив лицо.

В останках, с которыми пришли проститься многие сургутяне, его родные, его коллеги, его бесчисленные ученики, узнать учителя было трудно. Впрочем, смерть не щадит никого.

Кто-то в толпе обронил, что Бауэр будет вторым после Аркадия Степановича Знаменского, известного сургутского просветителя. Кто-то возразил, что он стоит вровень. Время рассудит.

МАРГАРИТА РОМАНОВНА ПУХЛЕНКИНА

Кабинет Маргариты Романовны Пухленкиной, заведующей поликлиникой Сургутского туберкулезного диспансера, несмотря на пасмурный дождливый день за окном, выглядел уютно и светло. На низком журнальном столике в расписных глиняных горшках зеленели комнатные цветы. Мягкие кресла, диван, встроенный шкаф с книгами, сувениры на полках — все дышало покоем

и домашним теплом. Как и сама хозяйка кабинета — полная милостивая женщина в белом халате, которая сидела за своим рабочим столом. Тронутые сединой волосы, аккуратно собранные в пучок на затылке, придавали ее осанке чуть заметную величавость, а на лице, излучая свет, молодо блестели черные глаза.

В открытую дверь заходили с вопросами медсестры, врачи. А вот осторожно приблизилась к столу старушка. Жалуясь на свое нездоровье, она внимательно выслушала совет Пухленкиной, а потом протянула ей небольшой пакетик с рассадой лечебного чая...

Это утро у заведующей, как всегда, было наполнено массой неотложных дел. И все же я прошу ее отвлечься на некоторое время и вернуться в свое прошлое. Вспомнить. Маргарита Романовна, улыбаясь, спрашивает:

— Да что в моей жизни значительного?

И мысленно я отвечаю ей:

«А разве сама жизнь, длиною в шесть десятков лет, не есть то значительное, важное и прекрасное, которое достойно внимания?»

...Она, работник райкома комсомола, опаздывала на собрание сельской молодежи. С детства приученная родителями к ответственности и исполнительности, Рита серьезно переживала этот факт. «Если не доберусь за полчаса до Тундрино, то ребята просто разойдутся», — размышляла она, растирая замерзшие щеки. На пустынной дороге девушка была одна. Безжалостный мороз пощипывал нос. Рита почти не чувствовала ног, все время подпрыгивала, чтоб окончательно не замерзнуть.

«Скоро дорогу скроет ночь, — подумала она с грустью. — Но должен же кто-то ехать в ту сторону?» — мысленно успокаивала себя, с надеждой всматриваясь в темноту.

Наконец услышала скрип подъезжающих саней.

— Подвези в Тундрино, здесь недалеко, на комсомольское собрание опаздываю, — на ходу объясняясь, худенькая девушка подскочила к вознице.

Молодой парень-ханты широко заулыбался. Хитро подмигнул взгляд его черных раскосых глаз:

— А петь будешь всю дорогу? — спросил. — Тогда подвезу, — согласился он.

Рита схватилась за поводья и запрыгнула в сани.

— Буду, буду, — пообещала она парню. Тот весело прищиприл

коня, а девчонка-попутчица, рассмеявшись, вдруг запела озорным, звонким голосом.

— Я не помню, что пела тогда, — вспоминая этот случай, признается Маргарина Романовна, — хотя пою-то я плохо.

Не спеша, обстоятельно рассказывает она о себе, своей жизни, о родных местах, которые дороги ей с детства, ведь она родилась здесь.

Прежний Сургут запомнился ей роскошной северной зеленью и деревянными избами.

— Маленький такой город, уютный, машин совсем не было. Мы чаще всего ходили пешком, а то ездили на лошадях, — рассказывает Маргарина Романовна. — Это сейчас высотные дома понастроили, мало что осталось от старого Сургута. Но здание, в котором я родилась, сохранилось. Теперь это исторический памятник, так как больше шестидесяти лет оно служит медицине. Сейчас в нем располагаются вспомогательные службы нашей поликлиники. Выходит, где я родилась, там и работаю.

Наш дом стоял на берегу Саймы. Гости к нам часто по воде добирались. Причаливали лодки, моторки. А мы просто у дома ловили рыбу. Отец нас, маленьких, приучал рыбачить.

— Училась я в Сургутской средней школе, — ведет далее свой неторопливый рассказ моя собеседница. — В то время всего-то одна школа была на весь город. Был один сборный класс из учащихся, приезжающих из сел Лямино, Тундрино, Русскинских...

И вот прошло уже сорок лет с тех пор, как Рита Пухленкина закончила школу и получила аттестат зрелости. Ее школьного образования оказалось достаточно, чтоб сразу же овладеть профессией наборщицы в городской типографии, куда она пошла работать. Через пару лет Рита заняла не менее ответственную должность — заведующей общим отделом райкома комсомола.

Шел как раз 1961 год. Страна отправила в космос первого космонавта Юрия Гагарина. Успехи советской науки и техники признавал весь мир. А в Сургутском районе начала только разворачиваться борьба с неграмотностью местного национального населения — ханты и манси.

— Ездить тогда приходилось часто и не только по комсомольским делам, — говорит Маргарита Романовна. — Нам дали серьезное задание: научить людей хотя бы расписываться. Все поселки стали для меня как родные. Иногда на целый месяц оставалась одна в каком-нибудь селе. Учила людей читать и писать. Жила в

палатке, если это было летом. Вечером собирались все у костра. Особенно молодые. Шутили, смеялись, обсуждали разные интересные события в стране и мире, читали вслух. Это было необычное общение, наполненное искренностью и человеческой добротой.

Как-то одна семья пригласила меня отужинать с ними. Мне тогда в диковинку показались берестяные чашки и миски, деревянные ложки, которыми в обиходе пользовались ханты. Да и сейчас многие из них не отказываются от своей берестяной посуды.

Она замолкает ненадолго, а потом вдруг восторженно продолжает:

— Ох и вкусную же уху я ела тогда из окуньков! Наваристая, с запахом дыма, да еще из берестяной посуды!

Когда я возвращалась домой после такого «ликбеза», вся пропахшая дымом костра, рыбой, лесом, берестой, отец, довольный, улыбался и говорил мне, что я настоящая дочь своего народа.

— Сам он — выходец из простой семьи рыбака-охотника ханты, — вспоминает Маргарита Романовна, — очень любил свой край. Помню, после войны наша семья покинула Сургут. Отец увез нас в Кронштадт. Но долго родители не смогли там жить. Каждую весну отец с матерью вспоминали, что вот в Сургуте тронулся лед... Как и куда летят утки... Разлука с родным краем была им в тягость, и они вскоре вернулись сюда уже навсегда.

Речь ее спокойная, плавная. Я слушаю и еще раз убеждаюсь в том, что у каждой человеческой судьбы есть своя уникальная логика. Логика бытия. И она заключается в том, что неслучайно дочь рыбака-ханты стала врачом, и сегодня она известный в округе образованный специалист высокого класса в области лечения и предупреждения такого грозного заболевания, как туберкулез.

Однажды бывший работник сургутского райкома комсомола рассказал мне один любопытный случай из прошлых лет.

— Как-то в райкоме случилось ЧП: один из ребят сильно поранил руку. Пострадавший выглядел бледным и растерянным, а мы просто не знали, что делать. Тогда кто-то предложил: «Позовите Риту. Она быстро ему поможет, ведь сколько уже лечила в поселках».

Нашли Маргариту Пухленкину. Стремительно войдя в кабинет, где мы все собрались, она остановилась и несколько секунд молча смотрела на юношу. Потом, видимо, вид крови ее испугал, она внезапно потеряла сознание...

И все же Маргарита стала врачом.

— Почему я пошла в медицинский? — повторяет она мой вопрос и задумывается. Затем отвечает уверенно: — Скорее всего, по вполне осознанной необходимости. Моя мама, Наталья Петровна, работала санитаркой в Тром-Агане, в медпункте. Она умела все: оказывала первую медицинскую помощь, всеми доступными ей способами лечила людей. Особенно много своих пациентов она имела среди ханты. Мама знала их язык и общалась с ними свободно. Я же говорить по-хантыйски не умею. Так, знаю лишь несколько слов. Они выручали меня во время поездок по селам. Мы, комсомольцы, развозили тогда медикаменты, помогали больным, а если нужно, отправляли их в город. Тогда я поняла, как нужен людям образованный врач, ведь его ждали в каждой юрте. Но, чтобы стать таким врачом, нужно учиться. Вот я и решила: пойду в Тюменский мединститут. Сейчас моя сестра тоже медик. И династия медработников продолжается: наши дочери тоже работают в лечебных учреждениях. И мы никогда не пожалели, что избрали эту профессию.

— Двадцать шесть лет верно и преданно служит ей Маргарита Романовна. Все было за эти годы: туберкулез буквально «косил» население района. Сколько километров прошагала она пешком, сколько преодолела на лошадах, сколько «прочертила» на вертолете по воздуху — сегодня уж и не счесть! А надо ли? Ведь настоящий смысл ее профессии заключается не в подсчете количества спасенных ею людей, а в умении и желании всегда помогать им, предотвращать беду, возвращать здоровье. И при этом быть безукоризненно честной перед собой и своими пациентами, терпеливой, внимательной, чуткой и доброжелательной в любых ситуациях. Люди оценивают такое отношение и отвечают врачу доверием и большим уважением.

— В прошлые годы тяжелые условия жизни коренных жителей приобского Севера, отдаленность от города, нередко плохая пища часто способствовали развитию туберкулеза, сильно болели дети. Но мы боролись за каждую жизнь, — говорит Маргарита Романовна. — Сейчас ко мне часто приезжают из разных поселков нашего района мои бывшие больные, рассказывают о своих проблемах, о жизни. Для них я осталась прежней, молодой, энергичной, многие и не замечают во мне возрастных изменений. Но вот как-то одна женщина, увидев меня после многих лет, удивилась:

— Как вы пополнели! — простодушно заявила она.

Маргарита Романовна искренне смеется:

— Я воспринимаю такое признание как знак особого ко мне внимания. Значит, помнят еще ту худенькую молодую женщину, которая в любое время суток добиралась в отдаленные уголки, привозя лекарства к постели больного.

Но люди помнят, я думаю, не только это. В прежние времена имя Маргариты Романовны Пухленкиной в Сургуте звучало часто, потому что она вела активную общественную работу. Шесть лет подряд ездила в Москву, где участвовала в Пленумах ЦК профсоюза медработников. Десять лет была членом Сургутского городского и Ханты-Мансийского окружного комитетов партии. С высоких трибун она защищала интересы своего маленького народа, стремилась облегчить судьбу каждого конкретного ее представителя. Потому и не забывают ее сейчас. Вспоминают добрым словом.

Но и сегодня грозное заболевание не ушло в прошлое. И сегодня врачи диспансера прилагают максимум усилий, применяют самые современные средства в лечении больных туберкулезом. «Возможно, в этом помогает нашим медикам иностранный опыт, — интересуюсь я. — Если, конечно, таковой имеется». Спрашиваю у Пухленкиной, ездит ли она за границу в командировки по обмену опытом?

— Заграницу я посетила всего два раза, — отвечает Маргарита Романовна. — В 1972 году по туристической путевке ездила в Японию и Египет. Правда, в Японии мы посетили медицинский центр реабилитации жертв Хиросимы. А вот по опыту... Да чему я могу научиться там? — удивляется она. — Как-то в Москве я знакомилась с выставкой импортного медоборудования. Но того, что нам нужно, не нашла. Например, хотела узнать, какими лампами пользуются за границей специалисты, если нет достаточного света, скажем, в юрте. Вот мы часто приезжали в отдаленные села, заходили в юрту, а там, кроме костра, другого освещения нет. Вы думаете, на свой вопрос я нашла ответ? Нет! Таких случаев у них просто не бывает. А мы приспособились уже — и забор крови, и флюорографию делаем, и аппаратуру, и медикаменты возим с собой для срочной медицинской помощи. Нет, мы сами можем хвалиться своим опытом, он у нас редкий, нигде в мире не найдешь такого.

Нельзя сказать, что в последние годы профессиональных проблем у заведующей сургутским туберкулезным диспансером побавилось. Напротив, их стало больше с резкими экономически-

ми изменениями в нашей жизни. И решать их приходится, хотя есть немало сложностей. С грустью Пухленкина поведала о том, что нынешний туберкулез часто поражает молодежь, что соседство зон, где почти все заключенные имеют открытую форму заболевания, неблагоприятно влияет на общее состояние здоровья горожан и жителей поселков.

После небольшой паузы постепенно, как-то само собой, в беседе мы отошли от серьезной темы. Я заметила, как Маргарита Романовна оживилась и неожиданно сообщила:

— Сегодня вечером наш фольклорный ансамбль «Аснэ» будет выступать с концертом перед пенсионерами и ветеранами. Мы готовим даже показ образцов хантэйской одежды.

Пухленкина подходит к журнальному столику и достает из пакета расшитое бисером красивое платье, довольно необычное для нынешнего времени.

— Вышивала сама, — признается она. — Я очень люблю вышивать бисером национальную одежду. Она шьется из ситца. А это — украшение на голову, — Маргарита Романовна показывает, а затем надевает собранную из разноцветного бисера своеобразную диадему.

Через несколько минут, удовлетворившись моим искренним восхищением, Пухленкина бережно складывает бусы и нарядные платья в пакет. Выражение ее лица теплеет, и я чувствую, как оживают в сердце женщины молодые, задорные нотки. Как хочется ей вместе с такими, как сама, влюбленными в свое национальное искусство, культуру и традиции, хоть изредка надеть любимое платье, украсить голову диадемой из бисера, повесить на грудь яркие бусы и... пластичным языком танца, мелодичностью песни рассказать со сцены о жизни народа ханты.

Маргарита Романовна охотно выступает как участница ансамбля «Аснэ» на сцене городских домов культуры, выезжает в поселки. Это увлечение самостоятельным творчеством — дань дочерней преданности народу, который научил ее многому. А главное — любить жизнь и людей. Научил везде и всегда каждому протягивать руку помощи. Научил жить ярко, интересно, любить природу и свой край.

К концу нашей беседы мы обсуждаем уже простые житейские темы. Между прочим, спрашиваю свою собеседницу:

— А как вы отдыхаете во время отпуска? Чем занимаетесь в выходные дни?

— В последние годы за пределы Сургута не выезжаю, отпуск провожу дома, на даче, — отвечает Маргарита Романовна. — Люблю выращивать овощи, с удовольствием копаюсь на огороде, ухаживаю за растениями. Природа — моя стихия.

— А увлечения у вас есть? Что больше всего нравится? — интересуюсь и слышу неожиданное признание:

— О, — радостно восклицает Маргарита Романовна. — Моя страсть — это рыбалка и охота. Летом и ранней осенью мы всей семьей часто ездим к селу Широково. Там чудная природа. Нет ничего лучше — ночью у костра отведать свежей ушцы из собственного улова. Хотите знать, чем любим рыбу? Нет, не удочкой, а сетями и неводом. Мой отец еще в детстве научил нас ставить сети, рыбачить, стрелять уток. Мы с сестрой все умеем...

...Я уходила по длинному коридору двухэтажного здания диспансера. Выйдя на улицу, окунулась в шум городской жизни. Шел дождь, холодный ветер бросал в лицо мокрые брызги. Но я не замечала их. В душе продолжали звучать слова простой, обаятельной женщины-врача, человека редких качеств и пристрастий, таких естественных для нее, умеющей жить в гармонии с жизнью, природой, собой, с богатым и светлым духовным миром своего народа.

Н. Кривошапка

АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА БРОННИКОВА

С лица Анастасия Ивановна, несмотря на отсутствие глаза, очень молода. И только сморщенные узловатые руки да год рождения свидетельствуют, что не молода, совсем не молода моя собеседница. Да и то сказать: в будущем году ей стукнет 70, нынче, стало быть, 69. Видно, что Анастасия Ивановна привыкла к удивлению и, вроде оправдываясь, говорит, что мать тоже была молодоллицей, она в нее.

Отец и мать Анастасии слыли когда-то людьми знатными. Особенно отец, Иван Семенович Шехирев. Не было ему равных в охотпромысле, поэтому и обосновался в краях сургутских, где дичь ходила будто ручная, где рыба шла косяками матерыми. Когда началась война, Иван Семенович еще оставался на брони, потом где-то в пути этот документ застрял и отправился Шехирев

с односельчанами с Белого Яра на фронт. Бронь охотнику пришла, когда тот уже был на фронте. И не вернулся.

В тылу тогда всем работы хватало. И Таисье, несмотря на недуг, пришлось пройти все круги крестьянско-рыболовецкого ада. Иначе как назвать тот труд подъемный разве для дюжих крепких мужиков, но тяжким бременем легший на плечи женщин. Да каких женщин — юных девчонок. Анастасии исполнилось тогда 16 лет. И как все ее сверстники, она рыбачила, сено возила. Сейчас, говорит, любую сеть пальцами свяжу.

Вот этими руками, показывает, показывает, долбили свинцовую замерзшую землю, в грунт сваи ставили. А сколько речных промоин за зиму-то долбили — не сосчитать. Чаще босиком или в легонькой обувке, самодельно сшитой. По 35 тонн в живцах добывали язя, складывали и боялись, чтобы лед не обломился. Увозили улов на подводах с красным флагом.

Рассказывает Анастасия Ивановна, и будто в лихорадке горят и пылают ее щеки. Тяжелым камнем давят воспоминания, но она все говорит и говорит, иногда глотая таблетки, чтобы успокоиться. И мне кажется, что я уже хорошо знакома с рыбацким трудом. Анастасия Ивановна очень популярно, считай, на пальцах поясняет, что такое ловля секретками, духовым неводом, атармой. Мелькают в ее речи, пожалуй, многими забытые названия: каменное перемелье, клепиковский покос. Он особенно памятен, потому что во время стогования здоровый глаз был травмирован, и она почти «отемняла». Однако «отжила» (ее выражение), хоть и потеряла порядком зрение.

Так и жила Анастасия Ивановна пополам с бедой: то работала до зари, то валялась на больничной койке. Пока что-то рассветное, теплое не озарило ее жизнь, этим лучиком оказалась семья. Муж попался ей хороший, четверо детей подрастало: три сына да дочь. Можно было укрыться за их спины, когда скрутил недуг. С молодости до сих пор у Бронниковой третья группа инвалидности, которая означает, что работать может. Она и работала, когда могла. Но в период реорганизации колхозов по причине болезни не перешла в совхоз.

— Валерий Георгиевич, так звали моего мужа. Был намного моложе меня, а вот уже 16 год живу я без него. Работал он столяром в совхозе, а в год смерти возил лес с реки. Плот был занесен снегом. а последний ряд еще и вмерз намертво. Дело было весной, когда кругом лежали горы снега. Не однажды Валерий просил бульдо-

зер, чтобы шшевелить лес и разгрести снег. Но его не давали. Приходя домой, он жаловался: «Работа очень опасна!». Я ему в ответ, мол, бросай эту работу, он отговаривался, что лес жалко.

В то злополучное апрельское утро, мне потом рассказывали, он злой выскочил из конторы, в сердцах рванул трактор, даже гусеница слетела, ломом поправил, поехал, по дороге еще остановился и — на берег. По пояс в снегу на расчищенной площадке начали цеплять бревна. Подцепили хлыст, трактор заерзал, не справляясь с тяжестью. Дерево затрещало и сломалось. Осколок тяжелым снарядом сбил мужа с ног, и он потерял сознание. Очнулся, спросил, что случилось. И на предложение тракториста увезти его, отмахнулся. Пошел сам, упал...

Привез его тракторист в медпункт, оттуда повезли его в Сургут. Да в дороге он запросил пить, и подала ему медик холодной воды, что, может, и стало последней каплей в роковом исходе. Но в городе он еще держался. Хватаясь за стенку, когда подошла очередь, сходил на рентген.

Той же дорогой в сопровождении близких помчалась и я. Хирург объяснил мне, что у мужа удалили часть кишечника, что у него сотрясение мозга и перелом правой руки. Поговорили, и ушла я от порога домой. На второй день вновь просила о свидании, умоляла, потому что сердце мне предвещало, что доживает он последние часы. И он в промежутках беспамятства просил о свидании. Просила дать документ для вызова сына, который за двумя границами служил. Тщетно.

Только на третий день впустили к бездыханному телу и телеграмму вызвались дать. Ну, схоронили мы Валерия Георгиевича, а назавтра Георгий из армии приехал. Закрылся и сутки не выходил из комнаты, потом съездил на могилку отца. Сын рассказывал, что телеграмма пришла, когда он вернулся с учений. Командир еще спрашивал, мол, кто в семье больной, он и сказал про мать. А командир говорит, что умер отец. Просила я в военкомате, чтобы отпуск ему продлили, так как со мной надо было отваживаться. Но и тут моей просьбе не вняли.

Была потом у меня судебная тяжба. Я хоть и малограмотная, хоть родные и соседи меня отговаривали от этого шага, но я все же написала в суд, чтобы ответили за гибель мужа и присудили пенсию по потере кормильца.

...А еще, может в отместку, из числа колхозников вычеркнули, поставив крест на всей прошлой работе.

Как-то Анастасия Ивановна впервые выехала на курорт, если точнее, то чуть отъехала от дома. Ибо отдыхала она в профилактории «Кедровый бор». И она словно помолодела, похорошела, почувствовав заботу о себе. Человеку в любом возрасте требуется чуточку внимания, сознания, что он не забыт. Ведь птицы улетают — оставляют гнезда, реки высыхают — остаются русла. Человек жив, пока о нем помнят.

ГЕНРИКАС СТЯПО ПОБЕДИНСКАС

Генрикас Стяпо Побединскас из деревни Ляминой хранит многое. Литовец по национальности, он давно обжил эти края. Непростой и нелегкой оказалась его жизнь, как, впрочем, и многих его сверстников, рожденных перед войной...

Мальцом был, а запомнил блюстителей порядка в их хуторе. Хозяиновали там немцы, строго спрашивали с хуторян, если у тех под дождем плуг валялся или другой какой инвентарь. По лесам в поисках пушныны шастали, а раз, невзначай ли, намеренно ли, убили собаку. Слез-то у мальчишки было!

Праздным себя Генрикас не помнит. На их хуторе было 42 гектара земли, во дворе — четыре коровы, восемь лошадей, овцы, свиньи. Работали все — от мала до велика, от зари до зари. Заправляла в доме мать — Софья Андреевна. Как державная правительница, никому отдыха не давала. Да и о каком отдыхе речь, если земля и скот составляли основу жизни, а за ними уход да уход нужен.

Не успели от войны отдышаться, а на пороге беда новая. Отца, полуграмотного Стяпаса Ионо Побединскаса, в полночь увели. Как «вредителю» десять лет воркутинской шахты отмерили. И остались сиротами четверо детей с большой матерью. Они сейчас помнят, какая тоска поселилась тогда в доме. Ведь каждый день, а то и дважды на день приходил к ним член колхозного правления, приказывая сдать всю живность или заплатить непомерный налог. Ну поплатили еще год да выдохлись.

В 1947 году Софью Андреевну с детьми, а также других хуторян погрузили в Паневежисе в вагоны-телятники и отправили куда глаза глядят. Везут день, два, неделю, вторую. Вскоре поняли — север впереди, в Сибирь лежал их путь.

На станциях обычно все из вагонов высыпали, бежал и Генна-

дий, удивленно слушал певучее «ки-пя-ток дают». Вместе с ним бежали и станционные работники за бесплатным кипятком.

Через полмесяца на станции Асино прозвучала команда выгружаться. Ушла теплушка, а на перроне остались женщины и дети с немудреным скарбом, уложенным в корзины. Побединскасов поселили в Кайлушке, старенькой сибирской деревне. Отсюда за десяток верст определили для приехавших место работы. Срубили по Чулыму бараки, назвали это место леспромхозом. И началась ломовая, беспросветная работа.

Генрикасу тогда исполнилось только десять лет, а он уже встал в строй. Носил документы в поселок, за каждый километр твердая плата — 50 копеек. В ночь уйдет туда, отдохнет — и в ночь обратно. Взрослые, говорят, боялись, а я повадился, еще и посмеивался, мол, вы в снегу по пояс, а я ногами болтаю да еще и деньги получаю.

Подросток, учиться пошел на тракториста и потом еще не раз выезжал на курсы. Только при том условии, чтобы срок их не превышал два месяца. Таким образом овладел Генрикас четырнадцатую профессию. Умел валить и трелевать лес, обрубить сучья и водить трактор. Не из книг и фильмов, а в реальной жизни постигал свои университеты. Трудно, тяжело, а все же воспринималось все как должное. Не угасал интерес к этой, казалось бы, беспросветной жизни. Читал лозунги наподобие такого: «Не выполнил норму — не выходи из леса» — и размышлял: если не выполню, так что, обратно вернуть? В деляны-то за десять верст ходили, поднимались в шесть часов, чтобы к восьми успеть. Причем эта дорога не оплачивалась, а преодолеть такое расстояние считалось в порядке вещей.

На лесосеке рядом с Генрикасом трудился кристально чистый человек, коммунист Геннадий Гулигин, инвалид войны. Так и он ходил вместе со всеми, правда, вставал на час раньше. Говаривал, что он молодой, почитай, здоровый, стыдно от других отставать.

Да, немало интересного содержит рассказ Генрикаса. Он будет неполным, если не вспомнить певицу Стефанию, которую лесорубы частенько просили петь: мы за тебя все сделаем, пой только. Та вставала на пень и пела, а с песней и дело спорилось. Как забудешь адские холода на лесосеке до 60 градусов? Ни тебе активированных, ни выходных, ни больших дней. Генрикас на своем газогенераторном тракторе, который отказывался подчиняться при 30 градусах, как черт вымазывался, то и дело разогревая его. А придет вечером в барак, помыться негде, в кадушке — снег вместо воды.

Зато редкие праздники были большой радостью. В деревне неслось: рабочие приедут, белый хлеб ис-пе-кут, пель-мени в клубе варить будут. Так и жили. Причем в леспромхозе-то и всего руководителей было — начальник, механик и завхоз. Последний прижимал рабочих почем зря. Покажешь ему справку-освобождение, а он и глазом не поведет. На работу, говорит, нельзя, а стеклить, строгать ты можешь.

Время, говорят, великий лекарь. Оно рассудило, что отец никакой не враг, зря его арестовали и на десять лет упекли. Литовцам вскоре назад вернуться разрешили. Не узнали Побединскасы тогда свой хутор: вся земля и выпасы распаханы. В их доме другие жили. Долго не соглашались в колхозе поселить в дом старых хозяев, приговаривали, что частный интерес возьмет перес. Но все же отдали половину. Генрикасу тогда пришло время в армию идти. Отслужил. После армии в Сибирь опять потянуло. На ее просторы, в богатую тайгу. Да и с детства мечтал жениться на русской. Своя-то, замечает, кроме работы, ничего не видит. А русские девчонки веселые...

Так он вернулся в те места, куда ранее вывозили силой. Мать очень недовольна была этим его решением. Она вновь скотину завела, на дом деньги собирала. На тебя, говорит, его перепису. Сестра с ней жила. Отец, вернувшись, все болел и вскоре умер. Брат рядом с матерью дом отгрохал по индивидуальному проекту. Да тоже вначале-то не разрешали строить. Потом приехали местные архитекторы, посмотрели, изрекли, что возьмут брата в соавторы третьим, и разрешение дадут, и вознаграждение. Согласился.

Генрикас же в Литву так и не вернулся. Сейчас говорит, что не тянет туда. Хотя в гости, когда мать жива была, ездил. Видел, как бурлит Литва: то митинговали, то теперь об отделении речь ведут. Встретил как-то сестру, та пожаловалась, что куртку порвали на митинге — толчея была. И поделом, заметил. Та возмутилась.

У Генрикаса свой взгляд на сей счет. Отделиться не вопрос, размышляет, прожить как? Работать-то разучились. Мать, говорит, и та признавалась, что хоть свет увидела, когда от земли ее оторвали. А молодежь и вовсе трудно повернуть к земле. Собрать всех сородичей хотят, так те из-за рубежа приедут — им имение бывшее подавай. Нет, не в выделении из Союза наше спасение, а в разумном хозяйствовании и в добросовестной работе. А то ведь, говорит Генрикас, до сих пор нередко приходится слышать: «За-

чем рвешь гужи, тебе больше всех надо?». Нет, не больше, но по-иному не приучен, не привык, чтобы за него доделывали.

Ко всему еще боятся люди жить землей. Хорошо помнят, какие команды шли из центра: начинай посев, уборку, засевай все кукурузой и так далее.

Болит у Генрикаса сердце за малую родину, но все же душа остается здесь, в Лямине. В Сибири. Этот край на круге его жизни стал вторым отчим домом. Неудивительно, что кратки его свидания с Литвой.

Здесь лес и речка, простор и покой. В Лямине пока раздолье для рыбаков-охотников. И ни на какие блага не променял бы он этот уголок. Хотя не прочь получить квартиру в городе, главное — с удобствами. Ведь это так необходимо на склоне лет. И право на то Побединскас имеет. Он — ветеран производства, примерный труженик. И не его вина, что раз за разом меняются тут организации. Он-то трудится по-прежнему. Крановщиком ли, экскаваторщиком, механиком ли, строителем. Все подвластно его умелым рукам.

Г. Кондрякова

ПЕТР СЕМЕНОВИЧ БАХЛЫКОВ

Петр Семенович Бахлыков — известный краевед-историк, художник, поэт, директор Угутского национального музея, непревзойденного и уникального по части собранных экспонатов. А начиналось его увлечение живописью с картины, известной многим, — «Три богатыря». Петр попытался сделать ее копию, что, однако, не стало впоследствии его ремеслом, а трансформировалось в талант художника.

Теперь трудно сказать, кто он, Петр Семенович Бахлыков, — художник, поэт, писатель, краевед, егерь, охотник, историк? Всего помаленьку отпустила ему природа. И будь он рожден не в глуши таежной и выросший не безотцовщиной — какое блестящее будущее могло быть уготовано ему. Увы...

Родился Петр Семенович в глухой деревне, которой нынче нет на карте, рос с братом и матерью. С ранних лет он стал ей помогать, заботясь о хлебе насущном.

Жила семья в крохотной, но чистой и теплой избе, стоявшей на веселой гриве Вахлова. Деревня в период половодья дели-

лась на две части. Середину ее заливали талые воды. И как на картине из «Родной речи» взрослые и дети по мосткам преодолевали временную преграду.

Отсюда Петр Бахлыков уходил в армию, сюда же и вернулся. В те 50—60-е годы население на севере было довольно стабильным: менялись поколения — не менялось место жительства. Только в начале 1960 года Бахлыков, уже с женой и двумя детьми, надумал перебраться в Угут, к брату. Все-то и было их на свете, что брат Алексей да мать Пелагея Дмитриевна. Правда, много было и сродных, и часть их тоже перебралась в Угут.

Жена Петра Семеновича, Антонида Владимировна, долго и безутешно плакала, когда приехали в Угут. Не могла привыкнуть, что и понятно, ведь Вахлово, Покур стояли на равнинных просторах, на луговине. А Угут с трех сторон был заключен в лесные урманы и даже противоположный берег Югана порос хвойными деревьями.

Петр Семенович же как-то быстро адаптировался. Его назначили заведующим производством в промохототделении, где он и сблизился с ханты, нередко бывая на местах их промыслов.

Мы встретились с Бахлыковым не в лучшее время: он только что вышел из больницы, где провел целый месяц, и, как сам заметил, теперь вот адаптируется. Адаптация состояла в колке дров, которыми отапливался музей. Директор сетовал, что прихворнул очень, вот и не сумел запасти топлива в срок. Еще посетовал, что какой уже год обещают музею новое помещение, но работать приходится в старом.

Недавно в музей делали «налет» воры: украли иконы, ружья.

Пропажу обнаружили сразу, заявили в милицию.

В то время была распутица, и, кроме как на вертолете, ни в Угут, ни из Угута выехать было нельзя. Так что имелась реальная возможность «вычислить» вора. Однако милиции на след напасть не удалось, и музейные экспонаты где-то теперь гуляют по свету.

Петр Семенович стойко перенес удар судьбы. Не падает духом, успокаиваясь тем, что сохранил-таки в запаснике кое-что ценное.

Даже охотники приходят посмотреть на многообразие живого мира, бывшего когда-то в округе.

— Я и сам, — говорит художник, — года три не видел в лесу глухаря. Раньше мои подрастающие сыновья по утранке уходили в ближний лесок и до школы успевали добыть крупную лесную птицу. Сейчас я хожу в лес с фотоаппаратом. Беру, конечно, ружье. Но не стреляю, хотя вижу, что есть кое-где еще живое.

Жалко убивать, потому что, считай, последние особи попадают. Я понимаю других, кто все же стреляет. Он рассуждает, мол, не я, так другой убьет. Но эта философия не по мне, и я отвергаю подобные объяснения. Знаю, что считанные единицы остались в нашем лесу колонка, горностая. Почти не встречаются перелетный большой крохаль, скопа.

Лет 170 назад тайга здесь почти вся выгорела, и на этом пелище выросли березки, осины. Осина — лакомый корм для зайцев, а последние стали приманкой для рыси, россомахи. Развелось ее видимо-невидимо. Однако беспорядочная охота и их уничтожила.

Выживают более сильные, умные и хитрые звери, к примеру, выдра, чучела которой так и нет в числе моих экспонатов. Но почти нет уже лосей, хотя в цивилизованных странах он на окраину города приходит. У нас же этого лесного красавца выбили. Причина кроется в том, что сейчас никто не соблюдает сроков охоты, никто не заботится о качестве пушныны. Скупка идет круглый год, днем и ночью И, собственно, мы рубим сук, на котором сидим, нарушая равновесие в природе.

Если прибегнуть к сравнению, то мы находимся сегодня в опасной накренившейся лодке. Еще одно движение, и она пойдет по дну. Пойдем ко дну и мы, если здравый рассудок не победит тягу к наживе.

В зале макет Угута 50-х годов. Уже история, поскольку Угут теперь и не село, и не деревня, а так — скопище домов, машин, цехов — все перемешалось. И лишь стройные две улицы напоминают, что когда-то Угут был образцово-показательным селением.

Петр Семенович хочет перенести экспозицию в более просторное и уютное здание, а здесь воссоздать этнографическую зону.

Недавно увидели свет книги П.С. Бахлыкова «Юганские ханты» и «Медвежья падь».

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ КУШНИКОВ

Василий Андреевич Кушников родился в Сургуте в 1895, в 1907 окончил здесь начальное училище, был знаком с участниками первой русской революции, сосланными в наши края в 1905 году. Навсегда остались в памяти ветерана события 1917 года.

Как и все советские люди, тяжело переживал он январь 1924 года, когда умер Владимир Ильич Ленин.

А трудовую свою деятельность Василий Андреевич начал в 1916 году почтовым служащим. И с тех пор не расставался с работой в органах связи, отдав любимому делу почти семьдесят лет своей жизни. Правда, был один перерыв — в годы Великой Отечественной войны Василий Андреевич строил танки на одном из военных заводов.

За многолетний и безупречный труд В.А. Кушников имел орден Ленина, медали. В своей автобиографии писал: «К 100-летию со дня рождения Ленина Сургутская контора связи меня премировала, а мой портрет (фото) повесили в красном уголке». Что же, заслуженные награды, заслуженный почет.

В 90-летний юбилей мы с другим нашим ветераном районного узла связи Федором Александровичем Куйвашевым были у Василия Андреевича. Квартира как квартира, на втором этаже две небольшие комнаты. Рядом с кроватью старого сургутянина на плечиках висел его выходной костюм со всеми наградами.

Читает без очков. Вот только ноги очень болят. Ведь столько пройдено! Василий Андреевич вырастил четверых детей, у него девять внуков и десять правнуков. А жил он в последнее время с дочерью и правнучкой.

...Смотрели семейный альбом. Многим фотографиям — 70—80 лет. Василий Андреевич запечатлен в молодые годы, с женой, с детьми, в кругу первых связистов Сургута, среди делегатов партийных конференций. Находясь на пенсии, В.А. Кушников принимал участие в общественной работе. Его избрали депутатом поселкового и городского советов разных созывов, членом лавочной и ревизионной комиссий горрыбкоопа, он состоял в народном контроле.

Н. Захаров

ЕВГЕНИЙ НИКИТОВИЧ ЖАВОРОНКОВ

Евгений Никитович Жаворонков 1926 года рождения, по национальности русский, образование высшее, член КПСС, участник Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.).

После демобилизации из рядов Советской армии в 1950 году

поступил учиться в Уфимский нефтяной институт. Начал свою трудовую деятельность после окончания учебы в институте в 1955 году в Азнакаевской конторе бурения Татарской АССР, где прошел путь от рабочего до главного инженера. В 1964 году — директор разведочной конторы бурения треста «Пермьвостокнефтеразведка». В 1965 году Е.Н. Жаворонков в числе первых специалистов Поволжья приехал для освоения недр Западной Сибири и возглавил первую эксплуатационную контору бурения в городе Сургуте. С 1971 по 1982 год, будучи директором Сургутской конторы, впервые в

Сургуте организовал строительство теплиц для коллектива буровиков. Только за 1965—1966 гг. хозспособом в Сургутской конторе бурения были построены 100 квартир в деревянном исполнении, 8 коттеджей, баня, обустроены вахтовые поселки на Савуйском, Восточно-Моховом, Холмогорском месторождениях, в буровых бригадах были введены столовые. По его инициативе в 1972 году был заложен дачный кооператив «Прибрежный», насчитывающий в настоящее время более 2000 участков.

Где бы Жаворонков ни работал, он большое внимание уделял социальным вопросам, строительству жилья и объектов соцкультбыта, умело совмещал большую производственную работу с общественной, избирался депутатом Сургутского городского Совета народных депутатов 11, 12, 13, 14 созывов.

Все годы избирался в члены парткома УБР и треста, заместителем председателя совета наставников объединения, пять лет был членом бюро парткома объединения.

Евгений Никитович награжден тремя орденами и двенадцатью медалями, в том числе медалями «За отвагу», «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири», «Почетный нефтяник Миннефтепрома».

Его отличают душевность, честность, добросовестность и настойчивость в решении поставленных вопросов.

«Нефть Приобья», 1990 г.

ВАЛЕНТИНА ДМИТРИЕВНА КОЗЛОВА

В Угуте по христианскому обычаю справляли поминальную трапезу. По усопшей многолетней матери, ветерану войны, скромной до незаметности женщине Валентине Дмитриевне Козловой. Доводилось нам вместе с ней работать, но ни разу, ни словом, ни намеком она не пожаловалась на свою судьбу. Лишь заметит, бывало, огорченно: «Все пьет — не напьется мой муж». А работа-то была не из легких: сварить-приготовить на 90 интернатских ртов, успеть еще своих восьмерых обиходить да хозяина накормить.

После долгого перерыва, весной, вновь встретила я с Валентиной Дмитриевной, когда она, почти недвижимая, лежала на больничной койке. Была мартовская оттепель, и в коридорах, палатах покапывало, ветер гулял в ее покоях, но не морозил — бодрил. Больная всплеснула руками, пытаюсь подняться, радостный огонек блеснул в глазах и вскоре потух. «Уеду вот скоро за аэродром», — сказала (за аэродром — угутское кладбище).

Кто-то говорил, что дети никогда не отдают долг своим родителям: они отдают его своим детям. Так и в этой семье. Была Валентина Дмитриевна молодая, управлялась и с домом, и с работой. Бывало, сложит свой нехитрый поварской инструмент, второпях бросит: «Ну, я побежала», и через огород быстро-быстро идет домой. К детям, их ведь восемь душ: одних в школу соберет, других — в садик, на скорую руку что-то сварит — и снова у плиты.

Изредка можно было встретить в маленькой кухне-столовой ее мужа, местного конюха Федора Алексеевича. Дальше порога он никогда не проходил, хотя и нередко появлялся с глубокого похмелья: «Дай, бабка, денег». Она знала, куда и на что тот просит, но безропотно выкладывала трудовые тощие рубли. Как уж ей удавалось сводить концы с концами, один Бог ведает.

Дети сюда, к общему котлу, почти не приходили, хотя в столовой начала шестидесятых годов было изобилие, оставалось немало. Сколько примеров есть сейчас, когда недовкладывается, недовешивается, просто не попадает на стол! А тут и проверить

не надо было — все шло по назначению. Конечно, как говорят, в семье не без урода. Не все дети Козловых слынут примерными: два старших сына, как заметили здесь, в «бичстрой» подались. Подзашибают непомерно. Не все ровно и гладко в жизни старшей дочери. Все это со счета не сбросишь, как и то, что всех детей матери жаль, все они для нее дети малые. Только одни счастливые, другие несчастные.

Но все же в большой семье Козловых есть сегодня кому заменить отца и мать. Галя стала воспитателем детского сада, Надя — оператором, Юра — нефтяником, Люда — поваром (заменила мать на ее бессменном посту), Света тоже получила профессию. Вон их еще сколько, потомков Козловых, и все, исключая Надю да Свету, остались на своей маленькой, но такой любимой родине — в Угуте!

Всех их носила, любила, лелеяла мать, без назиданий, речей и правеха учила их уважению к себе и старшим, учила их заботам о своих детях.

И получилось, что все время забывала о себе. Как тут упоминишь. Если пенсия подошла, а она все у дел оставалась. Не стало силы у котлов стоять — принялась за мытье посуды. Столовая школьного интерната теперь уже размещалась в типовом здании. Воду из бочек таскать не стало надобности, проточную, водопроводную сделали. Да только легко ли стоять весь день у посуды, вдыхать влажный пар, по три раза перебрасывать вилки, ложки, поварешки? И не выдержал надорванный организм, взбунтовался всеми своими клеточками. Свалилась мать с ног с букетом болезней. Как говорится, ничего здорового не осталось.

Лишь раз она позволила себе расслабиться — заболела. Да так и осталась лежать зиму, потом осень, лето. Перед кончиной как-то вырвалось из ее уст: «Не хочу видеть чужих людей». А свои собрались уже не по радостному событию, по горю, которое зовет всех под родительский кров.

ВАХЛОВЫ

Они из деревни с одноименным названием, которой положили начало и которой уже нет на карте ни нашего, ни соседнего района, в свое время ставшего хозяином той земли. Во время большого разора, названного укрупнением колхозов, обезлюдде-

ла некогда дружная рыбартель имени Свердлова. И теперь пустынно, безлюдно на том необычно живописном острове, где у мыса встречались таежные речки Пасол и Кирьяс, образуя заводь-омут, где кружилась и пенилась вода, подхватывая лодку как перышко и давая гребцам роздых.

Отпустятся, бывало, возвращающиеся с рыбалки промысловики в заводи, свистнут, гикнут, и понесет их к родному берегу.

Уехали Вахловы из Вахлова одними из последних. Федосья Николаевна давно жила вдовой, без капитана, не вернувшегося с полей сражений. Слыла она не особо общительной, скрытной женщиной. Но детей, а их осталось восемь душ, в строгости и суровости держала. Да они и сами не маленькие, понимали, что тяжела ее женская доля, и старались изо всех сил облегчить материнскую ношу. Может быть, благодаря их участию прожила на свете бабушка Вахлова чуть за девяносто. Что само по себе в наших краях явление необычное.

Довелось мне встречаться с ней уже перед закатом жизни. Запомнилось, как подняла бокал «сухого» сморщенная и сгорбленная старушка, как раскраснелась и блеск в глазах мелькнул после нескольких глотков выпитого вина. Дочь, с которой доживала мать последние годы, говорила, что баба Феня так на ногах и умерла.

Недюжинный потенциал был заложен в этой женщине, а может, лихая, всегда в недостатке жизнь закалила, выпестовала ее, двужильную. И то сказать, восемь ртов за столом сидели. Неудивительно, что рано повзрослели ее дети, где самоучкой, где оглядываясь на старших, приобщались к профессии: Шура и Зина по торговой части пошли, парни — по рыбацкому да плотницкому делу. Выбились в интеллигенты Аня с Ниной, уехали. А баба Феня далеко от Вахлово не уезжала, перебралась с тремя детьми в Угут. Вначале с сыном долго жила. А уж потом у дочери век коротала, но всегда была главной, старшей в доме.

1991 г.

КАЛЮЖИНЫ

Хочу представить себе тот день. Мглистый, неласковый осенний рассвет на речке Быстрой и почерневшую, полузамерзшую реку, по которой добирались рыбаки домой. Сказалась усталость долгого пути, и рыбаки, едва устроившись на ночлег, крепко уснули.

Каким далеким кажется теперь то, по меркам века недавнее, предвоенное и военное время, когда у рыбацких бригад всего и транспорта-то было: лодка-бударка да четыре пары рабочих рук. Для них же, ветеранов промысла, картины прошлого — их молодость, начало трудового пути. А это не забывается.

Еще более остывший за ночь воздух заставил рыбаков подняться раньше обычного. Глянул Василий на жену, а у той на пепельных густых волосах искрится иней. Всего два раза в путину наезжали домой Василий и Моря, да и нельзя им было чаще: промысел далеко, а на гребях куда уедешь, если «ни выходных, ни проходных».

— Пятеро детей у меня было, — рассказывает Мокрида Федотовна. — Сами выросли, считай, без нашего участия. К тому же все заботы по хозяйству ложились на плечи их да моих стареньких родителей.

Многих односельчан проводили на фронт Калюжины. Поредели рыбацкие бригады, теперь все чаще они пополнялись женщинами. Василия Мартыновича оставили «по брони», так что он на промысле был «швец и жнец, и на дуде игрец», пожалуй, единственный мужчина на лове.

Оставив малыша еще в пеленках, уезжала на угодья с мужем и моря, уезжала чуть не на все лето. А возвращалась домой — малыш встречал уже на своих ногах. Боязливо плакал, держался за подол бабушкиной юбки, не признавая матери. Наскоро перекусив, шли Калюжины на базу. Завидное рыбацкое хозяйство было в Локосово: солили икру, вялили рыбу, морозили осетра, муксуна, нельму.

Заготавливали лед на рыбоучастках. В распоряжении рабочих — лом, лопата, носилки да пара рук. Сгибаясь под тяжестью до синевы прозрачных ледяных глыб, женщины от зари до зари переносили их в погреб на носилках. Лопатой и ломом кололи метровый ледяной панцирь, волоком вытаскивали куски из обжигающей воды. Долго потом не могла уснуть моря: покрасневшие, распухшие руки до одури разламывало в суставах.

Чуть сомкнув глаза, поднималась она и бралась за работу по хозяйству, чтобы накормить семью из десяти человек.

Как могла управляться со всеми делам эта худенькая маленькая женщина. Ведь и на промысле она, как, впрочем, и вся бригада, начинала работу с того, что нагребала снежную кучу в три ее роста, чтобы не испортить улов. В этот снежный холодильник, пересыпая солью, складывали рыбу, чтобы сохранить ее.

На одном из торжественных собраний Мокриде Федотовне вручили премию. Она бережно хранит это признание ее заслуг: «Да вот я сейчас покажу мою премию», — и быстро поднявшись на чердак дома, выносит огромные грубые ботинки с потрескавшимися подошвами. Бечевка, связывающая их, уже давно перегнила, что и неудивительно, ведь ботинкам около сорока лет.

Почти на шесть размеров больше они ноги рыбачки, и не пришлось ей пощеголять в них, а вот хранит она эту премию как драгоценную реликвию. С гордостью показывают Калюжины трудовые книжки, где записаны благодарности за безупречную работу в войну и после нее, в то время, когда в арсенале были уже невод и лодка, и тогда, когда на лов пришли катера, лебедки.

Василий Мартынович более десятка лет ходил на плашкоуте. Придирчиво осматривая партию рыбы, он сортировал ее по люкам и привозил на пункт всегда первосортной.

Теперь Калюжины на пенсии, но иногда еще Мокрида Федотовна нет-нет да заглянет на участок — помочь в день субботника. Но обязательно с мужем каждую весну выходит она на берег проводить рыбаков, поговорить о предстоящей путине.

Летний день был в разгаре, и многие сельчане устремились на речку. Калюжиных же мы застали за работой: кусками мережи они укрывали сенные зароды, оставшиеся от прошлогоднего сенокоса. Хоть и живут они сейчас вдвоем, привычка иметь большое хозяйство осталась.

Г. Кондрякова, 1982 г.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ФЕДУЛОВ

На левом берегу Оби, в сорока километрах от Сургута, стоит деревня Пилюгино, в недавнем прошлом солидная пристань и крепкий колхоз. Более 100 членов коллективного хозяйства разводили здесь скот, охотились. Но все же основным занятием было рыболовство.

Рыба с давних пор кормила жителей обских берегов. И пилюгинские мальчишки с малых лет учились управляться с рыболовными снастями.

Как рассказывает Анатолий Михайлович Федулов, ему отец доверил ловушки в шесть лет. Если самому было некогда, от-

правлял Толика с кем-нибудь из односельчан, чтобы учился не упускать улов.

В те предвоенные годы у сельчан и мысли не возникало, чтобы уезжать куда-то. И непроста и нелегка рыбацкая доля, а пришла она по душе мальчишке. Подрос он и подал заявление в колхоз. Сметливому и удачливому парню дали сразу звено, а затем и рыбацкую бригаду. И вроде бы все шло хорошо.

Но суровые испытания уже приближались. Началась война. И ушли братья Федуловы на фронт — Тихон, Анатолий, Гаврила, Терентий, Прокопий. Анатолий попал в военно-медицинское училище, четверо остальных — в самую горячую точку, под Сталинград.

Менее чем через два года младший лейтенант Федулов прибыл в резерв главного санитарного управления. Тысячи актов пришлось писать ему о разрушенных советских госпиталях, убитых, замученных красноармейцах.

«Не хватало сил читать и писать эти страшные документы, — вспоминает Анатолий Михайлович. — Одно слово — изверги, фашисты».

Мы беседуем с Федуловым в жарко натопленной избе. Он по-прежнему не оставляет прежнего мирного занятия — рыболовства. Промышляет на угодьях родной деревни Пилюгино, а сдает улов совхозу «Сургутский».

Вся сознательная жизнь связана с Обью, с могучими ее просторами. И только война вычеркнула из той жизни четыре года.

Уходили на нее пятеро Федуловых, а вернулись домой двое. Анатолий да Тихон.

Анатолий Михайлович называет незнакомое для меня слово: рыбацкосоюз. Оказывается, был такой участок в нашем крае от Покура и Ваты до Сахалей — кусочек солидный. Инженер лова рыбацкосоюза Федулов объезжал владения на обласке. Легко сказать объезжал: по неделе, по две, а то и больше не было его дома — на весла скорость-то не очень разовьешь.

Рыбаки-старожилы хорошо знают коренного сургутянина Федулова. Справедливым и добросовестным был он инспектором рыбоохраны. И уважали его промысловики за порядочность, доброту и понимание непростого рыбацкого дела.

Года два назад вместе с ним рыбачила и жена Евдокия Васильевна. И сейчас бы с удовольствием поехала, да домашние дела не пускают.

* * *

Живет рядом с нами неравнодушный сургутянин — Анатолий Михайлович Федулов. Здесь обитали и его дед, и прадед — кто точно старожил и сам не помнит. Зато красный переворот на его памяти в деталях.

В 1928 году Анатолий закончил школу, работал в колхозе, нес службу в Советской армии. Вернулся в родные места. Сам город не такой был: домики деревянные, резные, 300 дворов всего. Улицы, переулки — чистый город, как картинка. Зажиточно жили, рыбой всякой торговали. Хуже стало в 1930—1932 годах. В это время силу набирало целевое снабжение: чтобы что-то купить, необходимо было сдать рыбу, пушнину.

Вся жизнь Анатолия Михайловича отдана рыбацкому промыслу. Начал он свой трудовой путь рыбаком, звеньевым в бригаде работал.

Война внесла в жизнь свои поправки. Пришлось осваивать фронтную профессию — закончил Ленинградское военно-медицинское училище. Так и прошел лейтенантом медслужбы в механизированных войсках всю войну — до Берлина. Освобождал Латвию, Литву, Восточную Пруссию. Позаботился о том, чтобы похоронить в Минске в братской могиле 300 тысяч погибших, 4 раза

А.М. Федулов (справа)

был ранен, имеет боевые награды. У каждого была своя война. На своем фронте Анатолий Федулов был настоящим человеком.

После войны снова возвратился в рыбацкосоюз и проработал в нем до пенсии. Техник по добыче рыбы, инженер добычи, председатель Общества рыбаков и охотников, райинспектор Сургутской инспекции рыбоохраны.

— Рыбаки в то время понимали, — вспоминает Анатолий Михайлович, — что необходимо соблюдать чистоту, порядок. Рыбоохрана знала, что там, где рыбачат, все нормально. Не было и серьезных нарушений правил рыболовства: отсутствие охотничьего билета, рыбалка в запретное время.

Анатолий Михайлович показывает свои записи тех лет.

Все изменилось с приходом нефтяников.

— Как восприняли строительство города? А представляете, у каждого было свое хозяйство, дом. Это теперь старожилы ютятся. В НГДУ собирали грибы, ягоды, рыбу ловили. В районе дома Советов было колхозное поле. В нашем магазинчике любую рыбу можно было купить. Осетр, стерлядь — 2—3 рубля. Хочешь парную, хочешь мороженую. И летом торговли. Вообразите, по улице приходилось ходить тропками возле домов — на дорогах стояли тысячи оленей.

С грустью Анатолий Михайлович рассказывает о том, что русские с ханты жили без конфликтов, дружно — соседями. Ханты в 30—40 километрах от Сургута держали оленей. Черные пятна остались на местах их поселений. Негде стало кормить оленей — испорчен ягель. Выправлены все ягодники, речки полностью уничтожены.

Любовь, теплота, но и затаенная тревога слышатся в голосе моего собеседника, когда он говорит о родном крае.

— Вот и ушли ханты в сторону Ледовитого океана. Говорил с одной старушкой (язык ханты Анатолий Михайлович знает с детства), жаловалась: экспедиция съела 200 наших оленей, воды на чай нельзя зачерпнуть — вся в нефти. А ведь в этой речке за весну по 80—90 тонн рыбы ловили.

Последние 10 лет — на пенсии — Анатолий Михайлович продолжал трудиться в совхозе бригадиром лова.

— Рыба на Оби была уже, конечно, не та. План совхоза составлял 50 тонн в год. Раньше артель добывала до 500 тонн. Сейчас рыбы совсем не стало, все поймы затравлены нефтью. Рыболовы теперь в совхозах, хорошо, если сено косят! Старожилы найдут рыбу, но только, конечно, для своего пропитания.

Энергии моего собеседника, действительно, позавидуешь. Ему уже восьмой десяток, а он и рыбачит, и охотится. Да и куда денешься от семейных забот. Дети, хоть и сами уже родители, а помочь надо.

В прошлом году пришлось ему охотиться рядом с озером Оброчным. Рыба в озере всплыла — круглые окуни. Старый рыбак добился создания комиссии, которая и выяснила, что прошлым летом землю вокруг озера НПУ засыпало химикатами, якобы для того, чтобы лучше росла трава. А дождевые воды смыли эти химикаты в озеро. Меры не приняты до сих пор.

Оброчное озеро заставила Анатолия Михайловича не только возмутиться, но подумать о его судьбе по большому счету, сделать все, чтобы водоем снова начал жить.

Таким вот предстает этот человек. Большая жизнь за плечами и успокоиться бы пора, подумать об отдыхе, а вот нет покоя, если где-то плохо. Болит душа о родных местах, городе. А казалось бы, что еще нужно, ведь на его век хватило. Значит, нашел этот человек свое место в мироздании, понял, что каждый из нас лишь частичка мудрой природы и поэтому не имеет права оставлять после себя черные дыры, хаос и смерть. Этим и красив, и интересен Анатолий Михайлович...

*О. Белоус,
1991 г.*

* * *

Анатолий Михайлович Федулов — старейший коренной житель нашего, Сургутского, района, старший из ветеранов. О себе рассказывал в книге «Дорогами войны», созданной советом ветеранов. Но о том, как пережила его жена с детишками войну, — ни слова.

А я смотрю на эту женщину, которая 58 лет жизни отдала единственному человеку и своим детям, и думаю: это ли не героизм?! Не протестуйте, Евдокия Васильевна, не протестуйте. Разве вы не заслуживаете низкого поклона и от людей, и от детей своих, и от мужа вашего?!

Не успела Евдокия поднять детишек, как пришла черная весть — война. А сыновья: одному четыре годика, другому — три. Помнит она этот страшный день, когда пришла повестка.

Говорят, тому, кто уезжает, всегда легче, даже если на войну. А ей оставаться горе мыкать, ждать-дожидаться весточки и не ведать, жив ли солдат, или уже гниет в сырой земле на чужбинушке.

Вот такие думы одолевали женщину, собирающую мужа на поле брани.

В сорок домов была обская деревня Пилюгино в то время. Подвалил пароход к песчаному берегу и увез новобранцев. Родня провожала будущих воинов до Тундрино. Провожала и Евдокия мужа с малолетним сыном на руках.

Четыре года ждала она его, жила в семье дяди в Сургуте, спасибо — приютили. Работала не покладая рук в «Автогужтресте». Был когда-то такой трест. Везли ханты рыбу, сдавали на рыбокомбинат, а солдатка выдавала им заработанные деньги.

И сама рыбачила, делала всякую работ, лишь бы выжить, прокормить детишек.

И был счастливый день в ее жизни, когда раздался стук в окно. На ее «кто там?» услышала самый родной голос на этой земле: «Открывай, Дуня, это я, Анатолий».

Нет, она не может жаловаться на свою судьбу. Такого работящего и заботливого мужа поискать надо. Благодарностей у него за хорошую работу — на десятерых. Был инспектором на 39 колхозов, а уйдя на пенсию, одиннадцать лет работал в совхозе «Сургутский».

— Непоседливый папка, — говорит их младшая, послевоенная дочь Людмила. — Сейчас болезнь домоседом сделала, а года два назад еще на рыбалку ходил.

В свои 80 лет Анатолий Михайлович прекрасно слышит, хоть мне хочется говорить громко, как обычно бывает, когда общаешься с очень старым человеком. Он участвует в нашей беседе, хотя говорить ему трудно: видно, очередной инсульт повлиял на речь.

Т. Царенко

ВИКТОР ГАВРИЛОВИЧ БАХМАТ

В когорте руководителей сургутской партийной организации достойное место занимает Виктор Гаврилович Бахмат. Он работал у нас первым секретарем райкома КПСС с ноября 1954 г. по 20 декабря 1959 г. Это были памятные для нас годы. Тогда, наряду с развитием сельского хозяйства, подъемом рыбной промышленности и лесозаготовок, свои первые шаги по сургутской земле делали геологоразведчики, а село Сургут с населением в шесть тысяч человек было отнесено к категории рабочих поселков.

Мы вспоминаем о Бахмате, как о человеке, горячо любившем наш северный край, многое сделавшем для его развития. Он хорошо знал район, на райкомовской лошадке по кличке Загар да на колхозных оленях объездил всю обширную территорию, побывал в больших и малых деревнях. По имени-отчеству знал не только председателей колхозов, но и большинство механизаторов, доярок, пастухов. И его все знали, к нему обращались люди в любое время, по любым вопросам. И Бахмат всегда находил для них верный совет.

Виктор Гаврилович любил порядок во всем, не терпел разболтанности, презирал лень и пьянство. Если кто-либо по каким-то неуважительным причинам не выполнил постановление бюро, непременно шел на беседу к первому. Стоило какому-либо бюрократу или волокитчику, затянувшему полезное дело, сказать, что о его неправильных действиях будет доложено Бахмату, как тут же обстановка менялась в лучшую сторону. Таким был авторитет первого секретаря райкома.

Конечно, и в его бытность не раз случались трудности и с подготовкой кормов для скота, и с вывозкой леса, и рыба, бывало, плохо ловилась, и новые сельхозугодья осваивались медленно, но райком партии, как и ему положено, всегда находил выход из трудного положения. Там, где возникали проблемы, там всегда был первый секретарь, туда шли коммунисты, активисты и оперативно решали все дела.

Существовал тогда так называемый институт уполномоченных. Вот что это значило. Руководители районных организаций, специалисты, члены райкома партии в период важных хозяйственных кампаний оставляли свои кабинеты в райцентре, выезжали в колхозы, непосредственно на производство, жили там. Они несли персональную ответственность за исход дела. Но не подменяли ни председателей колхозов, ни начальников участков. Уполномоченные райкомом не были ревизорами, они работали с людьми, вели среди них разъяснительную работу, словом, выполняли обязанности полномочного представителя партийного органа, о сделанном отчитывались перед бюро райкома.

Бахмат был душой нашей парторганизации. Он хорошо знал состояние дел и умел видеть перспективу. Когда приехали геологи, он разглядел в их небольшом отряде зачатки нового, тех людей, которые могут и должны были круто изменить экономику и саму жизнь Сургута. Секретарь райкома лично следил за тем,

чтобы разведчики недр были обеспечены жильем, продуктами питания, чтобы они могли начать свое проходческое дело.

Руководитель экспедиции Фарман Салманов вскоре был избран в состав райкома партии, стал членом его бюро. В морозный день 20 января 1959 года на первом рабочем митинге, посвященном началу бурения глубокой скважины на Черном Мысу, В.Г. Бахмат произнес прозорливую речь, разрезал алую ленточку на буровой, и проходка сургутских недр началась. Почти тридцать лет прошло с тех пор. Но тот январский день свеж в памяти. Это был настоящий рабочий праздник, определивший судьбу города.

Вместе с В.Г. Бахматом активно трудился весь аппарат райкома партии. В одно время у нас было пять секретарей райкома. Кроме трех привычных, работал секретарь райкома по зоне машинно-тракторной станции. В этой должности был Василий Васильевич Бахиллов, а Иосиф Прокопьевич Соколов выполнял обязанности секретаря райкома по лесной промышленности. В то время партийные работники трудились с одним выходным днем в неделю, по 10—12 часов в сутки — с 9 до 18 и с 20 до 22—24 часов. Днем инструкторы, заведующие отделами, как правило, находились в первичных парторганизациях, а вечером оформляли «бумажные дела», писали справки, проекты. Так же поступали и многие работники райисполкома, хозяйственные руководители. Рука об руку с первым секретарем работали в те годы Александра Матвеевна Тахтуева, Виктор Захарович Хуланхов, Николай Николаевич и Александр Ефимович Кайдаловы, Феоктиста Георгиевна Таяркова, Леонид Иванович Михайлов и многие другие.

Первый секретарь всегда много внимания уделял агитационно-пропагандистской работе. Он постоянно выступал с лекциями, докладами, ходил на вечера вопросов и ответов, на комсомольские собрания, различные диспуты, на собрания пайщиков райрыболовпотребсоюза, на профсоюзные конференции рыбаков. Ни одно значительное мероприятие не проходило без участия Виктора Гавриловича. Он был хороший оратор, слушали его всегда с удовольствием.

Семья Бахмата, состоявшая из четырех человек, жила в небольшом домике по улице Советской. В ограде стояли банька и конный двор, которым бесценно заведовал райкомовский конюх Иван Васильевич Богданов. Он в образцовом порядке содержал лошадей, и они всегда были готовы к дальним поездкам.

Бахмат для Сургута был человеком приезжим. Как, пожалуй,

и все тогдашние первые секретари райкома. Но Виктор Гаврилович быстро освоился с новой обстановкой. Ему по душе был боевой настрой сургутской парторганизации, он поддерживал инициативных людей, подхватывал любые добрые начинания, сам постоянно дерзал. Ведь когда он к нам приехал, ему было только 36 лет. Пламенный возраст для партийного работника!

Да, мы любили Бахмата за его прямоту, принципиальность, организаторские способности. С тяжелым чувством провожали мы его из Сургута, и он уезжал отсюда с болью в сердце. Успокаивало только одно: должность первого секретаря занимал лучший ученик Бахмата — Василий Васильевич Бахиллов, которого сургутяне уже хорошо знали.

*И. Захаров,
1987 г.*

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БАХИЛОВ

«Да, конечно, сердце мое осталось в Сургуте. Для меня он особенно дорог. Из 25 лет работы на Севере — 20 отдано Сургуту, и сургутяне для меня — родные люди. За работу в Сургуте мне присвоено звание Героя Социалистического Труда. Причем это сделано по просьбе коммунистов. Это я никогда, конечно, не забуду.

Горжусь тем, что Сургут в настоящее время является базой освоения нефтяных и газовых месторождений в средней Оби и вообще Севера нашего. Об этом городе у меня остались самые сердечные воспоминания. Хочется, чтобы всегда о людях сибирского края говорили только хорошие слова. Желаю всем трудящимся счастья, здоровья, успешного выполнения государственных планов».

Эти слова сказал Василий Васильевич Бахиллов зимой 1980 года в беседе с корреспондентом Ханты-Мансийского окружного радио. Магнитная пленка с записью голоса Василия Васильевича теперь хранится в городском краеведческом музее.

* * *

Родина Бахилова — город Ишим. Там он рос, учился, занимался спортом, оттуда ушел в армию и, отвоювавшись, снова вернулся в родной город. 1950-й год круто изменил всю его судьбу. Именно тогда он получил направление на работу в Ханты-

Мансийский национальный округ, в наш Сургут. Вот что он писал о том времени:

«Мне было уже 30 лет. Я уже женился. У нас с Людмилой родился первенец Володя. Что я знал тогда о Севере? Морозы, медведи — вот, пожалуй, и все».

И все-таки он поехал в наши края. Было это поздней осенью. «Мы с семьей последним пароходом отправились в Сургут. Через полтора суток причалили к небольшой пристани. Нас ждали. На берегу стояли работники райкома партии и известный мне по прежней работе Иосиф Прокопьевич Соколов. Как оказалось, его двумя месяцами раньше назначили редактором районной газеты. Увидев его, я удивился и обрадовался: хоть один знакомый человек есть! Обнялись, поздоровались. В это время подкатила подвода.

— Вот, пожалуйста, располагайтесь, — развел руками райкомовский конюх Иван Васильевич Богданов. — Я семнадцать секретарей на своем веку встречал. Они меняются, а я работаю.

Мы засмеялись.

К вечеру подвода доставила нас до райкома. Отвели кабинет — ночуйте. Сразу же организовали чай, молоко для ребенка. На новом месте спалось плохо. Встал я рано, но в райкоме уже был Игнатий Фомич Беженцев — первый секретарь райкома. Мы познакомились. Он сказал:

— Завтракайте. Да пойдем хату выбирать.

Нам предложили два дома на выбор. Один был попросторнее, но мы с Людмилой выбрали тот, что поменьше, и, как нам показалось, поуютнее. В тот же день мы переселились. Расставили вещи по углам, присели. Вижу, супруга моя загрузила: электричества нет, лишь лампы керосиновые. Дров, картошки, мяса — тоже нет, а уже начало подмораживать. Да, поневоле вспомнишь родной и обжитый Ишим. Но нас, конечно, не оставили без помощи. И зиму мы встретили как полагается».

Сургут в начале 50-х годов — это центр крупного сельскохозяйственного района. На его территории работали колхозы, машинотракторная станция, леспромхоз, рыболовецкие артели, промышленный и пищевой комбинаты, рыбозавод с консервной фабрикой.

Райком партии после Игнатия Фомича Беженцева возглавлял Виктор Гаврилович Бахмат, человек больших организаторских способностей, он многое сделал для развития экономики района. При Бахмате в Сургут приехали геологи во главе с Фарманом Салмановым, началось бурение первой опорной скважины на Черном Мысу.

Вместе с Бахматом и работал Василий Васильевич. Он был тогда у нас секретарем райкома партии по зоне МТС. По тем временам работа на этом участке считалась очень ответственной и крайне важной. Под его руководством шло освоение новых земель, развивалось животноводство и полеводство. Труженики получали высокие урожаи зерновых культур, картофеля и овощей. Василий Васильевич часто бывал на полевых станах, среди механизаторов и на фермах. И не было в сельском хозяйстве человека, который бы лично не знал своих руководителей — В.Г. Бахмата и В.В. Бахилова. Постоянное общение с людьми возвышало их авторитет, люди верили им, прислушивались к их советам, делом отвечали на их просьбы.

Мне не раз доводилось вместе с Бахиловым по веревочке ездить в деревни и поселки района. И всякий раз его командировка начиналась встречами со стариками, ветеранами войны и труда. Он спрашивал их о здоровье, интересовался есть ли дрова, теплая ли изба, подвезено ли сено для коровы. Задушевные беседы и встречи продолжались на протяжении всех лет его работы в Сургуте. Секретарь райкома постоянно бывал в школах, в детских садах. Почтенные старцы называли его «сынком», мальцы — «дядя Вася», а для нас он всегда был Василий Васильевич.

20 декабря 1959 года Бахилова избрали первым секретарем райкома партии. В этой должности он работал почти одиннадцать лет — до 4 декабря 1970 года. Что это были за годы, читатели этой книги, конечно, знают. Это как раз то самое время, которое круто изменило жизнь, быт, облик Сургута. Из села он превратился в рабочий поселок, быстро дорос до города.

В бурное время развития, небывало энергичной работы геологов, нефтяников, строителей особенно ярко раскрылся организаторский талант Бахилова. Ни одно сколько-либо значительное событие не проходило без его участия. При нем закладывались города и поселки, открывались новые месторождения, прокладывались ЛЭП и трубопроводы, началась добыча нефти из сургутских недр. Он всегда радовался каждому успеху трудового коллектива и прежде всего нефтяников. По его инициативе в Сургуте открылись музыкальная, художественная школы, расширились возможности народного образования, здравоохранения, торговли, бытового обслуживания. Да и краеведческий музей, о котором теперь так много говорят и пишут, создавался при активной поддержке Бахилова. Мемориал солдатской славы и па-

мяти, телевизионная станция «Орбита», новоселье в первом крупнопанельном доме, первая зимняя дорога до Тюмени, развитие средств массовой информации — все это и многое другое было при нем, под его постоянным вниманием и контролем.

В бахиловские годы Сургут впервые встречал иностранных писателей и корреспондентов, министров и космонавтов, председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, тысячи и тысячи новоселов из разных районов страны.

Бахилова и его время забыть никак нельзя. Василий Васильевич отдал Сургуту лучшие свои годы, здоровье и саму жизнь. После Сургута он работал на освоении знаменитого Самотлора, был первым секретарем Ханты-Мансийского окружкома партии, а последние годы находился на профсоюзной работе в Тюмени. Тяжелая болезнь рано погубила этого замечательного человека. Он умер на 64-м году жизни, похоронен на Червишевском кладбище в Тюмени.

Пройдут годы, десятилетия и, возможно, сохранится где-то в архиве этот сборник. И вновь прочтут его люди — наши потомки. Очень прошу их сохранить в чистоте память о Бахилова. Василий Васильевич старался и верно служил своему времени во имя счастливого будущего. Об этом он мечтал.

И. Захаров

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Просторный кабинет залит солнцем. Теплые квадраты лежат на полу, веселые зайчики прыгают по стенам.

Высокий человек ходит по кабинету. У него тренированная фигура спортсмена, крупное, хорошей лепки лицо. Под лохматыми бровями — твердые, добрые глаза.

Человек этот — одна из популярнейших фигур тюменского Севера, первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома партии, Герой Социалистического труда Василий Васильевич Бахилов.

В самолете из Тюмени в Ханты (так ласково называют здесь Ханты-Мансийск) моим соседом оказался старичок, дружелюбный и обстоятельный. Осведомился о московских новостях, рассказал о себе: 25 лет с женой проработали на рыбокомбинате, сейчас на пенсии. Узнав, что я лечу к Бахилову, сказал с чувством:

— Про такого человека не только писать, музыку сочинять надо! Недавно был я у него по квартирному вопросу. У нас со старухой домик плохенький, чуть держится, а рыбокомбинат, слышь, панельный закладывает. Выслушал он меня с вниманием и помог. Включили нас в список на однокомнатную квартиру.

Мы говорили с Бахиловым много, и беседы эти стали для меня настоящим праздником. Не только потому, что Василий Васильевич умеет рассказывать темпераментно, ярко, плотно, но и по широкому второму плану, который вырисовывался за каждой его фразой, за каждым эпизодом.

*Лилия Неменова,
писательница*

БОРИС ЛАВРЕНТЬЕВИЧ КОНДАКОВ

Уж кто-кто, а Борис Лаврентьевич Кондаков может по праву сказать о земле сибирской: «Родные просторы...». коренной сургутянин, родился и вырос он в деревне Белый яр. Богатство и разнообразие сибирской природы наложило свой отпечаток на характер увлечений, основное место среди которых занимали охота и рыбалка. Поэтому и вопрос о будущей профессии решился просто и однозначно — быть речником.

С ранней весны до глубокой осени теплоход «Здоровье-8» и его бессменный капитан по малым и большим рекам доставляют бригады врачей Сургутской центральной районной больницы к стоянкам рыбаков и охотников, лесозаготовителей, к жителям отдаленных поселков нашего района.

Г. Тимченко

НАЖМЕТДИН УАКПАЕВИЧ ЖУМАЖАНОВ

Более тридцати лет отдал делу разведки недр Герой Социалистического труда Нажметдин Уакпаевич Жумажанов. Начинал в первые послевоенные годы в Новосибирской области. В шестидесятых годах переехал работать в Тюменскую область и с тех пор связал со Средним Приобьем свою судьбу.

Легких путей он не искал. Везде был, что называется, на острие трудных дел. Возглавил в свое время самую отстающую в Сургутской нефтегазоразведочной экспедиции буровую бригаду и вывел ее в лучшие в отрасли. В 1975 году за выдающиеся успехи был удостоен звания Героя. Нажметдин Уакпаевич заслуженно назван почетным гражданином Сургута.

За время работы в Среднем Приобье он открыл со своей бригадой Западно-Сургутское, Федоровское, Савуйское, Быстринское, Северо-Сургутское, Вершинное, Сайгатинское и Востокинское месторождения.

Сейчас ветеран тюменской геологоразведки возглавляет инструкторскую бригаду ордена Дружбы народов производственного объединения Обьнефтегазгеология, щедро передает свой богатый опыт молодежи.

Р. Сайфулин, 1980 г.

ДАРЬЯ ХАРИСАНФОВНА ДОМАШОВА

Есть в Сургуте тихая короткая улочка с красивыми названием Свобода. На ней в небольшом деревянном домике с резными наличниками живет Дарья Харисанфовна Домашова, мать семейных детей, бабушка 13 внуков. В Сургуте жили ее деды и прадеды, в Сургуте она родилась, выросла и нашла свое трудное счастье. В Сургуте живут пятеро ее сыновей и дочь с семьями. И каждый праздник большая, дружная семья собирается к матери.

Я пришла утром. Топилась русская печь, Дарья Харисанфовна разделявала пироги. В халатике из цветастой фланельки, на ногах — шубные носки с галошами, статная для своих 67 лет, с поседевшими волосами, когда-то черными, как смоль, и добрыми глазами. Пахнуло домашним теплом, уютом. Ко мне она отнеслась доброжелательно. Предложив стул, сама присела на диван-кровать, сложив на коленях руки, смотрела на меня выжидающе. Я увидела совсем близко ее лицо, морщинки-лучики под глазами, глубокие складки на лбу, покрасневшие руки с синими прожилками. Что-то защемило внутри.

Сколько сердца, души, физических сил вложила простая русская женщина в детей и внуков своих: Бориса, Юрия, Влада, Валерия, Леонида, Александра, Тамару, Ольгу, Ларису.

— Вот пироги разделяю к Новому году. Семья наша — 28 человек, а снохи и дочь работают.

Рядом с ней чинно уселись на диван-кровать трехлетняя Лариса, дочка младшего сына Александра, и четвероклассница Оля — дочь старшего сына Бориса.

В семье Дарьи Харисанфовны нет врачей и инженеров, геологов и летчиков. А есть машинист крана, дизелист, электрослесарь, шофер, инспектор коммерческого отдела. Представители, в основном, рабочих профессий, но все они свое дело знают и трудятся добросовестно. Уважают их в коллективах. Семьи у всех крепкие. Материально живут неплохо. Трое имеют легковые автомобили. И не замыкаются они в личном благополучии. Активные общественники, хорошие спортсмены. Юрий, Влад, Валерий увлекаются штангой, Леонид и Александр — лыжами, Валерий к тому же депутат горсовета.

— Учиться много детям не пришлось, жилось тогда трудно, но я рада, что мои дети настоящие люди, работающие, добрые, дружные. И снохи хорошие. Мы с отцом детей к труду с детства приучали. зимой они в школе, а летом — на пристани. Овес, соль разгружали. На обновки сами себе зарабатывали. И по хозяйству помогали: заготавливали дрова, возили с Саймы воду, убирали двор, хлев. Отец — то на реке, то в тайге. Месяцами дома не был. А в войну в Омске два года на заводе работал, потом заболел и в Сургут приехал. Здесь бригадиром рыболовецкой бригады на комбинат взяли. А рыбаки-то попались из сухих мест, приучил к воде. В детях одна оставалась.

Бывало, уйду стряпать для свадеб, а Юрий придет из школы, начинает варить, корову подоит. Только и скажет: «Я же знаю, мама, что тебе будет некогда».

Елки у нас тогда не ставили, и у меня ее не было в детстве. 13 лет без матери осталась. И была самая старшая, а после меня еще четверо. А теперь я скажу: жизнь жить да радоваться. И Новый год встречаю с елкой, весело...

Трудной, но полной была жизнь этой матери. Она и сейчас вся в детях.

— Вот Юрий обещал приехать на Новый год из Тюмени, да кто его знает, как с работой.

Они платят ей тем же. Все к ней внимательны. Тамара: «Конечно, что бы ни случилось, мы и сейчас идем к маме. Отец умер три года назад. И лучше ее для нас нет на свете». Влад: «Я не

знаю слов, которыми мог бы выразить признательность и любовь к маме. Мать есть мать».

Спасибо вам, русская мать Дарья Харисанфовна, за детей ваших, за любовь к родной земле. Крепкого вам здоровья, веселого новогоднего праздника, и пусть дружная семья соберется в родном гнезде и на этот раз. А может ли быть большей радости для матери, как радость видеть своих детей вместе здоровыми, веселыми, счастливыми.

*М. Крепышева,
1975 г.*

ЩЕПЕТКИНЫ

По обычаю, в корпус нового корабля вваривают кусок стали с уходящего к последнему причалу ветерана-однофамильца, пережившего яростные штормы и коварные мели, поломки гребных винтов и рваные раны, пробоины в бортах и днище.

Отправляется в первый рейс сверкающий новой краской новичок с модными, но пока как следует не обкатанными двигателями и без единой записи в судовом журнале — этой своеобразной трудовой книжке корабля.

Сколько навигаций суждено ему скитаться по морям, волнам, рекам — никто не подскажет. Ему от чистого сердца желают счастливого плавания, а сбудутся благие желания — еще вопрос. Но корабль вступает в короткую или долгую жизнь с добрым именем предшественника — трудяги или воина, точь-в-точь как сын наследует фамилию и частичку души отца.

Старинный обычай корабелов вспомнился в уютной квартирке Владимира Филаретовича Щепеткина, куда загнал меня загрохотавший ливень. Было июльское воскресенье, когда разом отмечают традиционные праздники и военные моряки, и работники торговли. Разговор зашел о людях этих не схожих профессий, тем более что мой младший брат служил военным моряком на Тихом океане, а Щепеткин упоминался в газете в числе передовых работников прилавка. Тут уместной была бы и «соточка», но обошлись без оной — помешали, как говорят, идейные разногласия. Щепеткин не поддавался «веселым слабостям» даже в праздник потребительской кооперации.

Пока гостеприимный хозяин готовил лютого настоя цейлонс-

кий чай (а в этом он мастер!), я разглядывал потускневшие от возраста изображения первых катеров Сургутской потребкооперации: неуклюжих, тихоходных деревянных посудин, самоотверженно, по-стахановски, отслуживших трудовой век. Кто из сургутян помнит название этих, потешных на вид, суденышек: «Север», «Иртыш», Кооператор», двигатели которых работали, наверное, сверх своих жалких пятидесяти силенок?

На смену им давно заступило поколение 150-сильных катеров с цельнометаллическими корпусами и дистанционным управлением. Но красавцы-богатыри, что ныне пенят обские воды, почему-то не сохранили славных дедовских имен, сменив их маловыразительными порядковыми номерами. В наше суматошное время стала забываться традиция корабелов, в которой, как в обской воде бортовые огни пароходов, отразилась преемственность поколений.

«Эх, дались же мне названия каких-то допотопных катеришек, которые были да сплыли в историю!» — вдруг спохватился я. А что же известно о владельце редких фотографий?

Познакомились мы давно. На моих глазах Володя стал Владимиром Филаретовичем, вырос до старшего экономиста райрыболовпотребсоюза. А что у него за работа? Скорее прорва скучнейшей бухгалтерской цифири ежедневно, даже в воскресенье обрушивается на голову бедолаги.

Мы раскланивались на улицах, в библиотеке, столовой, говорили о пустяках, иногда я выклянчивал у Щепетина заметки для газеты. С глубоким знанием дела, теплотой и гордостью нескрываемой он писал о трудовых удачах шкиперов, продавцов, пекарей и поваров, но... уж неумело скрывал авторство, пописывая свои заметки своим отчеством. Странный псевдоним! Ведь другого Филаретовича в райрыболовпотребсоюзе, кроме Владимира, нет. Он там единственный, как Самотлор в Приобье. Здесь преследовалась иная цель — не сохранение авторского инкогнито. Какая же? Догадаться нетрудно... Это было необычной данью сыновней преданности отцу.

Щепеткин избегал расспросов о себе, и знакомству моему с ним подводила итог полуироническая пушкинская строка: «Он был глубокий эконоом...»

Знакомство, оказывается, было журналистским, шапочным! Не спешите, однако, корить в этом только писучую братию — шапочные знакомства присущи вообще всей людской породе, а журналисты — что делать? — тоже люди!

В тот июльский день мне удалось выведать многое, только не о старшем экономисте, а об его отце, который, как и сын, был кооператором.

Добрую память оставил о себе Филарет Федорович Щепеткин. Не зря и дремучие русские мужики в обском селе Тундрино, и кочующие ханты-охотники в верховьях таежной речки Пим долгие годы считали Щепеткина коммунистом, хотя партийного билета у него не было. Но народ не переубедишь! Забегая вперед, признаюсь: пробовал — не вышло!

Щупленький старый ханты, которому я показывал копию личного дела Щепеткина, рассердясь отрезал:

— Врет твой бумага! Филарет был коммунист... Секретны!..

Пожалуй, старикан высказал правду, хотя и толковал партийный устав по-своему. «Секретных» коммунистов и впрямь в нашем народе было много. В аду Великой Отечественной, всюду, где решались судьбы родины, они признавались в принадлежности ленинской партии мужественными словами: «Иду в бой коммунистом!».

К таким людям, видимо, и причислял пимский охотник Филарета Щепеткина, который в 1940 году, когда над страной сгустились тучи военной грозы, получил партбилет и перешел, так сказать, на легальное положение.

Да и кем же, если не коммунистом, посоветуете ханты называть человека, который с юных лет служил для других примером храбрости и трудолюбия, убежденности и добропорядочности?

Судьба Филарета Щепеткина необычна. На свет он появился в 1905 году, когда на русской земле родились первые баррикады — вестницы Великого Октября. А 15 лет спустя, малограмотный, рано осиротевший сын рыбака уже встал в ряды защитников советской власти, справедливее которой, по его мнению, не было на земле.

19 марта 1921 года из Тюмени в глубокий тыл кулацко-эсеровским бандам, которые свирепствовали на обском Севере, двинулся маленький — всего сорок бойцов — отряд Платона Ильича Лопарева. Впереди — тысяча опасных верст, снежные заносы, холод, голод, ночные стычки с врагом. Но добровольцы-лыжники упрямо шли через Туринск, Гари, Пелым, Шаим, Лорбу на Самарово. С ними — юный разведчик Филарет Щепеткин.

...Это было у Лорбы в ночь на 23 апреля.

— Сдавайтесь, а то сожжем избы и всех перебьем! — грозили

бандиты, подкрадываясь к поселку, занятому горсточкой красных лыжников. Меткий огонь вынудил уцелевших факельщиков зарыться в снег у лесных завалов. Бандиты были отброшены. А утром разведчики Филарет Щепеткин и Гермоген Казарцев донесли командиру, что остатки разгромленной банды Федора Слинкина удирают на лошадях.

Многие одураченные эсерами горе-сражатели за «советы без коммунистов» бросили оружие. Их отпустили с миром — кормить пленных было нечем.

Взяты Красноленинское, Белогорье. 11 мая отряд Лопарева ворвался в Самарово, где засели главари так называемой «народной армии», бежавшие из Тобольска. Кровавой бандитской авантюре пришел бесславный конец.

Уволенный из Красной армии «как несовершеннолетний», Филарет Щепеткин вернулся в родное Тундрино. При захвате у бандитов склада боеприпасов в Самарово вспыхнул порох, и синие оспинки вьельси в щетки и подбородок юного разведчика, которому шел шестнадцатый годок.

Не ищите имя Филарета Щепеткина на обелиске первым комсомольцам Сургута, хотя он шел в бой рядом с ними. Наверное, и комсомольцем-то Филарет был «секретным»!

В 1930 году Филарет Федорович первым записался в колхоз имени Сталина, а потом единогласно избран приказчиком-сырьевщиком Тундринского интегралкооператива. На языке нынешних понятий это значило, что он ушел на освоение второй целины, как называют торговлю. Смешанная кооперация была в те годы единственной ниточкой, которая связывала жалкое хозяйство неграмотного хантыйского охотника с громадным социалистическим хозяйством страны.

...Фотография тридцатых годов. На тесных полках полутемного магазина в поселке Пим — буквари, учебники естествознания и географии, образцы украшений для хантыйской одежды. Пряники, пачки пороха и махры, ружья, бязь для охотничьих халатов. Маятник древних ходиков отмеривает секунды, приближая время, когда в Сургуте, да и в национальных поселках вспыхнут электрические лампочки, вырастут фирменные магазины с зеркальными витринами и открытой выкладкой товаров. Но это еще далеко впереди. А пока Филарет Федорович Щепеткин выполняет хозяйственно-политические планы и учится «хантыйскому языку», на котором разговаривал потом свободно, и тонкостям планирования, креди-

тования, конспектирует важнейшие партийные документы. Зачем? Да чтобы разъяснить покупателям политику партии и государства. Он — заботливый шеф национальной школы-интерната; скорее отец, чем наставник, осиротевшему Ивану Хмелеву, которого построил переводчиком в красный чум, воспитал храбрым воином и умелым советским работником.

В 1940 году Филарета Федоровича Щепеткина сессия утвердила заведующим торговым отделом райсовета, а когда в 1941 году Обь-кормилица вышла из берегов, будто переполненная людским горем, и погребла под толщей воды сосны на Высоких гривах, Филарет Щепеткин вновь пошел на фронт добровольно. Не пускали, «бронировали». А он написал самому Климу Ворошилову: «Мое место на западе, в солдатском строю».

В воронежских дубравах вражеский порох вторично обжег лицо 36-летнего сибиряка. Коммунист Щепеткин выронил снайперскую винтовку из рук.

Володя вырос уже без отца. Страшный недуг пригвоздил к больничной койке на долгие годы, а беспощадная война-разлучница навсегда лишила парнишку отцовской ласки.

Последний раз они виделись в 1941 году в Омске, что мог сказать солдат беспомощному сынишке, кровать которого на десять минут выкатили в больничных вестибюль?

Но с годами образ отца не тускнел, а наоборот, становился ярче. Володя, взрослея, смотрел на отцовские поступки, как говорится, с колокольни, которая поднималась все выше и выше. Сыновняя привязанность крепла под влиянием одинаково почти-тельных отзывов об отце.

В узелочке на доньшке деревенского сундучка сохранилось «завещание красноармейца Щепеткина» — заметка из дивизионной газеты под заголовком «А чему ты научился сегодня?». Солдат-коммунист задавал вопрос не только военному строю, но и сыновьям. Именно так расценил эти слова Володя, мечтая быть похожим на отца.

Трудно было привыкнуть мальчишке, запечатанному в гипсовый панцирь, царапать каракули в тетрадке, а потом... отвыкать от пятилетней привычки писать лежа на спине. Но следуя завещанию, он упрямо грыз на больничной койке четвертый класс.

Позади вечерняя школа, Тюменский кооперативный техникум, сердечные напутствия председателя правления облрыболовпотресоюза Антона Гавриловича Шестакова, преподавателей техникума, друзей.

- Где ты мечтаешь работать, товарищ экономист?
- В Сургуте, где работал отец.
- Что ж, счастливого плавания!..

Последипломная двадцатилетняя практика в Сургутском райрыболовпотребсоюзе для Владимира Щепеткина началась с анализа всяких отчетов и сводок, где каждая цифра спрашивает: «Почему?».

Чтобы дать обстоятельный ответ, экономист обязан знать очень многое: когда вскроются таежные речки и когда они обмелеют, где развернется рыболовецкий промысел, а где сенокос, когда охотники уходят в урманы за соболем и белкой. Он должен отлично знать географию региона (а на этой территории уместится несколько государств), знать языки и обычаи малых народностей и, конечно, возможности потребительской кооперации — единственной торгующей организации в Сургутском Приобье, если не считать ОРСа леспромхоза, который обслуживал лесорубов.

Бумажные отчеты не дадут представление о том, что творится в Агане, Угутае, Пиме. Значит, в путь!

Коллеги по работе не ахти с каким желанием ехали в дальние командировки. А у Владимира Щепеткина всегда наготове чемоданчик, дорожная одежда, болотные сапоги. Не беда, если катер ползет как черепаха! При отце и таких не было, тянули неводники с продуктами бечевой.

Слабосильный катер «Север» вернулся из рейса в Тайлаково на тридцать третий день. Многому научила поездка ученика техникума. Пережито все: частые поломки двигателя, нехватка машинной смазки (в ход пошло подсолнечное масло — иного под рукой не нашлось) и даже пожар на катере.

Щепеткин увидел отремонтированные магазины и склады, убедился в нерасторопности работников «опта», которые завезли в отдаленные магазины десятилетний запас фитилей для керосиновых ламп, «забыв» о самих лампах, стеклах к ним, керосине и даже о стеариновых свечах, без которых охотнику не обойтись!

В магазинах не хватало ходовых товаров, хотя от них и ломились склады сельпо. Поневоле пришлось молодому экономисту учиться разговаривать на повышенных тонах.

В проверочных актах, длиннющих как дорога до Тайлакова, ощущалось горячее желание комсомольца Щепеткина улучшить торговлю в глубинке. А для этого нужны добротные склады и магазины, квартиры для продавцов, нужны плавучие ларьки и уме-

лые кадры. Стало быть, понадобятся немалые тысячи рублей? Из карманов пайщиков? Конечно, нет. Деньги найдутся, если снизить транспортные и иные накладные расходы.

Щепеткин разработал форму судового журнала, позволявшего строже спрашивать с виновников простоя катера, плохого его ремонта, опоздания с выходом в рейс. Такие журналы, одобренные Роспотребсоюзом, появились на катерах, помогли поднять дисциплину экипажей, увеличить объем перевозок.

В 1960 году окружная газета печатает заметку о перевозках грузов по зимнику из Сургута в Сытомино не на лошадях, а на автомашинах. Предложение смелое (во всем районе тогда насчитывалось 30 автомобилей), но экономически выгодное. Щепеткин не открыл Америку в Приобье, нет. Но отличное знание местности позволило крепко обосновать ему свои соображения. Незамеченным выступление «Филаретовича» не осталось. Пошли по 150-километровой зимней дороге грузовики, катят по ней и сегодня.

Не только промахи (а их в торговле ох как предостаточно) берет на карандаш старший экономист. Он раньше всех в потребсоюзе узнает о смелых поисках новаторов, об успехах ветеранов, заслуживающих авторитет бережливостью, честностью, дельным советом.

Обычно сдержанный Щепеткин с гордостью вспоминал Федора Караева, который буквально у черта на куличках, в Угутской тайге, открыл для охотников магазин без продавца. И эта торговля работала без убытков. Он рассказывал мне о команде грузо-теплохода-190, доставившей в дальние хантыйские поселки арбузы и овощи, когда по Оби уже шелестела шуга. От него я услышал об Иване Андреевиче Лобканове, награжденном значком «Отличник потребительской кооперации», коммунисте Антонине Андреевне Данченко и других тружениках потребкооперации.

Славным трудолобам сродни и сам Владимир Филаретович, преодолевший по району на оленях на катерах и самолетах сотни тысяч километров. Трудно назвать маленькую деревушку, где бы он не побывал.

Встречи с членами-пайщиками на собраниях, депутатами сельских Советов — на сессиях и исполкомах, рыбаками — на стржевых песках. Он помогал молодому бухгалтеру составлять квартальный отчет, участвовал в переписях населения, вникал в работу комсомольских организаций и разбирал уголовные дела, будучи уже тринадцать лет заседателем окружного народного суда.

Экономиста интересует все: и ассортимент товаров в магазине, и заработок охотника-рыбака, и даже число мальчиков и девочек в самом крошечном национальном поселке, которые осенью пойдут в школу. Иначе как снабдить всю эту требовательную публику тетрадками, пеналами, резиновыми сапожками?

Несмотря на хлопотливый труд и вовсе не богатырское здоровье, Щепеткин не прерывает учебы. Он многое перенял у ветеранов, чудо-практиков Михаила Филлиповича Хозяинова и Петра Федоровича Питухина, многому научился у главбуха Федора Константиновича Зырянова. Он год от году набирался ума-разума у передовиков торговли, черпал знания из книг и периодики. Он хранит множество газетных вырезок, дорожит любой заметушечкой-однодневкой, если в ней говорится о торговле, новостройках района, обычаях малых народностей. И в любое время экономист может не только ответить на отцовский вопрос, чему он научился сегодня сам, но и чему научил других.

Из года в год растет товарооборот потребкооперации. В прошлом году он превысил 25 миллионов рублей. Коллектив успешно выполнил обязательства в честь XXV съезда КПСС, хорошо начал десятую пятилетку. Жизнь ставит перед кооператорами новые задачи. И справиться с ними дело непростое. Тут многое зависит от экономиста, занятого разработкой планов. А планировать, значит предвидеть, значит чутко прислушиваться к грохоту новостроек, уметь маневрировать запасами товаров и зорко следить за барометром моды.

Меняется география района. Исчезли с лица земли десятки малюсеньких колхозов. Тайгу пересекли стальные рельсы, линии электропередачи, трубопроводы, возникли крупные поселки.

Новое вторгается в быт. Отжили век древние часы-ходики, керосинки, примусы. В национальных поселках стали ненужными керосиновые лампы. Но еще не отжили свой век спекулянты, которые везут к нам на Север дубовые яблоки, вялый укроп, детские шапочки сомнительного качества. И работники торговли обязаны ударить по загребущим ручищам дельцов, чтобы полетели в тартарары дутые цены на деревянную редиску, линючие шарфики, пуховые шали, которые через неделю после покупки не отличить от старой мешковины!

Утром, в полдевятого, опрятно одетый человек выходит из подъезда пятиэтажного дома. Постукивая тросточкой, он направляется на работу, где ворочает миллионами. Он однолюб в про-

фессии, этот человек, отмеченный значком отличника кооперации и медалью с профилем Ильича. Наверное, подобно отцу, он пока коммунист «секретный».

Работа у него нелегкая. Другой бы давно уж подыскал себе должность потеплее, понадежнее, где полагаются «колесные», «похмельные» и прочие довески к зарплате. Но, оказывается, и над громадными северными рублями есть власть повыше — это сыновняя верность заветам отца, солдата и труженика. Владимир Филаретович Щепеткин прочно занял отцовское место в сургутской кооперации и никуда с него не уйдет. Он — не перелетная птица. За ним — моральное право ответить любому свату-вербовщику на самые соблазнительные посулы.

— Мы не лебеди, мы останемся!

Опять вспоминаю обычай корабелов. Он оказался живучее, чем думал я, скептик. Этот обычай принес радость, заставив пристальнее взглядеться в судьбу человека, о котором мои будущие друзья напишут лучше и талантливее. Низкий поклон вам, корабелы! Как вы живете-можете? Спасибо за открытие человека, который гордится, что он Филаретович.

*Н. Ездаков,
1976 г.*

ВАСИЛИЙ ЛАРИОНОВИЧ СИДОРЕЙКО

На Севере Сидорейко живет и работает девятый год. Под самый занавес 1976-го с белорусских нефтяных промыслов приехали буровики Василия Ивановича Воловодова. В том десанте был и Василий Ларионович. Кое-кто из местных шутников посмеивался: «На северных месторождениях хлебнули неприятностей буровики Башкирии, Куйбышева, а белорусским...» И разводили руками, и пожимали плечами.

Через пару лет скептики приумолкли. А на следующий местные проходчики зачастили на буровые к белорусским мастерам проводки скважин. И по сегодняшний день едут и летят к ним в бригаду буровики со всей страны поучиться скоростным методам строительства нефтяных стволов.

С Василием Ларионовичем мы знакомы едва ли не с первого дня его приезда в Сургут. Встречались, разговаривали на буро-

вой в дни неудач и первых радостей; и на праздниках, когда бригада устанавливала всесоюзные рекорды; и на спортивных соревнованиях коллективов-стотысячников, где буровики отстаивали свое чемпионское звание...

И вот новая встреча.

— Василий Ларионович, всего ли вы и бригада достигли?

— Вряд ли. Наверное, и половины того, о чем думаем и мечтаем. У нас есть опыт, хорошие станки. Поэтому нельзя, тем более сейчас, стоять на месте.

— Специалисты утверждают, из всех компонентов, которые суммируясь, приносят успех бригаде, многое зависит от отношений с вышкомонтажниками, транспортниками, тампонажниками?..

— В чем-то мы им помогаем, где-то сами просим помочь. При подведении итогов соцсоревнования выделяем им премии под статью нашим.

Конечно, бригада может однажды «выскочить» в лидеры — набурить больше, а в общем-то постоянно высоких рубежей нельзя достичь без смежников.

И без костяка — единомышленников, которые составляют ядро бригады, — тоже. Василий Ларионович уверен, что бурильщики у него на уровне лучших специалистов отрасли. Знают свое дело, как и положено мастерам, а потому и пользуются большим уважением у себя в вахта. Взять хотя бы Владимира Сергеева, коллектив которого на протяжении трех лет признается передовым. Отлично трудится и вахта Николая Маркова. Не могут они сегодня нагнать сергеевцев по метражу, но со временем последним придется потесниться, потому что буровики Маркова уверенно наращивают темпы.

Тепло отзывается мастер о Михаиле Васютиче. Вместе с ним парень приехал из Белоруссии и здесь, в Сургуте, стал бурильщиком. Ко всем новинкам и рацпредложениям причастна его вахта.

На вопрос о том, что мастер Сидорейко — не последняя скрипка в слаженном коллективе, Василий Ларионович ответил так:

— Первая заповедь мастера — уважать людей, с которыми работаешь. Может, даже любить. Если этого не будет, то бригада никогда не станет бригадой в лучшем смысле этого слова.

Коллектив сформировался на редкость быстро и даже незаметно. Произошло так потому, что костяк сложился в совмест-

ных делах, делах нелегких, где люди раскрываются проще и откровенней. Приехали из Белоруссии не рекорды ставить (это позднее пришло), а примерить себя к Северу, как сказал некогда Воловодов. И трудности начального периода: мороз сибирский, тайга, болота, неудачи на первой скважине (бурили ее около месяца) — не остудили энтузиазм, а, пожалуй, наоборот, раззадорили белорусов...

Импульс «не сдаваться» подавали Воловодов и партгруппорг Сидорейко. Они воодушевляли богатырской энергией, неумемной страстью познать секреты здешних буровиков и желанием доказать, что не лыком шиты. Они словно прилежные ученики задавали вопросы: «Что?», «Как?», «Почему». И вгрызались в технологию наклонной проводки скважин, искали, считали, находили.

За неполный 1977-й бригада пробурила 54 тысячи метров горных пород. Это был неплохой результат, ибо передовые коллективы только-только подбирались к семидесятитысячному рубежу. А по-настоящему характер проявили в семьдесят восьмом. Тогда в управлении уже было три бригады. В планах соцсоревнования появилась такая цифра: восемь тысяч. Столько нужно было набурить в месяц. В первые дни июля сложилось тяжелое положение на буровой — ЧП с талевой системой. Двое суток ликвидировали аварию. Забурились только на третьи.

К этому времени другие бригады работали уже в полную силу. И воловодовцы не теряли надежды. Первыми тогда достигли восьми тысяч.

На следующий год были учтены ошибки прошлого, взвешены возможности. Проходка порой достигала девяти с половиной тысяч, к десяти подходили. И поняли: если не стоять, не допускать аварий, то можно достичь сотни. Через два года взяли этот рубеж.

Чувство ответственности развито в Сидорейко до предела. Когда избрали партгруппоргом, Василий Ларионович накопил массу литературы, дотошно ознакомился с материалами съездов КПСС и пленумов в парткоме объединения. И все для того, чтобы познать дело, которое ему поручили. И, возможно, тогда почувствовал что не хватает теоретических знаний. Недолго думая, поступил в нефтяной техникум, хотя уже стал дедом.

В бурение, считает, попал случайно. Учился в училище, потом работал на шахте в Донбассе. Позднее в Белоруссии открыли нефть. Знакомые, с кем вместе рос в одной деревне, говорили: «Давай к нам. Интересно!». В Речицком управлении буровых ра-

бот его взяли помощником бурильщика. Через два месяца поставили верховым, потом — бурильщиком.

— Привык, — рассказывает Василий Ларионович, — а потом и полюбил эту работу. Теперь и не знаю, как бы другим занимался?

Сегодня в бурении нет четких, раз и навсегда данных инструкций и правил. Например, работают рядом две бригады — строят одинаковые скважины. И все равно одинаково их пробурить нельзя. И этим, наверное, захватывает его дело.

От частых дифирамбов может и голова закружиться. Но Сидорейко в курсе: заболеть «звездной болезнью» — значит опустить руки, не работать, а ходить с поднятой головой, обращая на себя внимание. Это не в его характере и не в характере его бригады. Они любят свой нелегкий труд. И любовь свою подкрепляют делами.

*А. Зубарев,
1985 г.*

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ САФОНОВ

Надолго из Песчаного Сергей Сафонов уезжал дважды. В первый раз — на службу в армии, во второй — потому, что место для работы в родной деревне оказалось занятым. А возможно, решил посмотреть, как живут в местах-новостройках. Так что после окончания Ростовского кинотехникума оказался Сафонов в Салыме, крутил фильмы в мехколонне № 39. После же ее дислокации поразмыслил и решил: на кой ляд скитаться по свету, лучше уж вернуться на свою малую родину.

Так приехал с семьей в Песчаное в 1976 году и еще четыре года пришлось работать не по специальности. Да не беда, припасена оказалась на этот случай другая профессия — лесоруба, деревообработчика. И только в восьмидесятом году стал заведующим клубом, а точнее, единственным культпросветработником на селе. Пришлось ему клубом заведовать, кино показывать, теперь на видеофильмы зазывать. Чтобы по крохам «сколотить» приличную зарплату.

В поселке, на самом людном месте, у магазина, киноафиша, расчерченная на две половины. С одной стороны объявление о кино, с другой — о видеосеансе. Кстати, к просторному клубу, выстроенному в шестидесятых годах, Сергей Николаевич в паре

с Михаилом Целиковым возвели пристрой, где смонтировали аппаратуру и поставили «видик».

На всех жителей рассчитан очаг культуры. Только вот не особо ходят они в него. Да это и не удивительно, ведь Песчаное состарилось, а молодежь здесь не задерживается.

— Старушки редко ходить стали, разве «на Индию» соберутся, — говорит Сергей. — Опять же и от погоды немало зависит. К тому же в каждом доме есть телевизор. Наслушаются там, не смотрятся, не выходя из дома. Значит, кинозрителей не густо, да и на видеофильмы больше пацаны да подростки приходят. Когда-то кипели самодеятельные концентры, а теперь готовить их не с кем. Молодежи нет, те, кто выступал раньше, и повзрослели, и выдохлись; не безграничен же потенциал. Да и семьи у всех, свободной поры нет.

Есть в клубе оркестровые инструменты, есть и исполнители — часть из Лямино, часть здешних. Участвуют в соревнованиях — то в зимних, то в летних. «Летние ритмы» второй год приурочены ко Дню молодежи. Но она-то как раз и не особо занята подготовкой. Все толкач нужен. Правда, в самый день проведения человек до двухсот собирается: придумываем игры, завожу мотор, электростанцию, шлюпку. Проходят игры на пляже Солнечном, что на четвертой машарине. Места-то у нас курортные, красивые, речка чистая, теплая — это и привлекает молодежь. Впрочем, не только ее, но и людей пожилого возраста.

«Зимние ритмы» по очереди меняют адрес: то в Лямино, то в Тундрينو, а то и к соседям в Сытомино едем. Но каких это сил требует, не опишешь. Потому что, к примеру, призы купить — свои деньги выложи, когда-то потом их выходишь. Или площадку расчистить надо — крутись сам, хотя ведь для людей все придумано, но то предприятие, где они трудятся, и ухом не поведет.

В День защиты детей выходим на посадку деревьев, пусть хотя бы узнают, как они будут расти. А если по большому счету, то с картинки в букваре, с запевки скворца, с проселочной аллеи начинается для каждого Родина. Этого бы не проглядеть!

Многому можно научиться у наших старушек, они прожили трудную жизнь, а людьми остались. Еще недавно праздновали мы с ними день русских берез. Оделись они во все русское, вспомнили старинные обряды и обычаи. Красивым и запоминающимся был этот праздник...

Все вышесказанное — фрагменты культурной жизни посел-

ка. В целом же, как говорится, культура у нас на «замке», она стала попросту лишней в нашем измотанном вконец обществе. Варись, как говорится, в собственном соку, потому что ни разу в Песчаном и не было хотя бы захудалых гастролей, выставок, да и лектора объезжают стороной. Соберутся старушки в магазине, посудачат о жизни, спросят о жите-бытье, о здоровье — и на том вся культура кончается. Молодежи — той дискотеки с ором подавай. Давно уж музыке без слов внимают, потому что только иностранных певцов да ансамбли слушают. Свое вроде все плохое, трет-эсортное. Гораздые мы подражатели.

И то сказать, если, окончив десятилетку, уезжает молодежь из деревни куда глаза глядят. Девушки боятся засидеться, что и немудрено, ведь парни-то тоже не задерживаются. И хиреет Песчаное, в котором сейчас людей меньше, чем в разрушенном Тундрино.

Как признался Сергей Николаевич, механиком он стал по призыванию, заведующим клубом — по желанию, чтобы нести культуру людям. И остается верен своему подвижническому делу. В меру сил своих и умения старается, чтобы не погас огонек духовности.

1990 г.

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА АНДРЕЕВА

Она все охала, качая ноженькой, обутой в валяные опорки. Голенища ровненькие, будто по линейке обрезаны. И говорила, себя убеждая, мол, ни на что не жалуясь, кроме как на нездоровье: болит нога, и уж никто этому не поможет...

— Дай-ка вспомнить, когда это было, — пробормотала моя собеседница, 80-летняя старушка Елизавета Ивановна Андреева. — Ведь я уж и на пенсии-то четверть века живу, запомновала и путается все. Ага, — радостно вспыхнуло ее лицо, — когда я работала председателем рыбокооп в Тром-Агане и поехала в Сургут на оленях. Вырядилась, как на праздник, ведь молодая была. Надела в дорогу полушубок-борчатку да валеночки вокруг ноги, словно к соседям побежала. Хоть и были у меня тулуп да малица, топоры и унты, так нет же, выщелкнулась. В дороге настигла нас буря, а возница-то был молодой ханты, на оленей надеялся. А те встали у озера — и ни вперед ни назад, изрядно к тому же проголодались. Их бы покормить, а мы вокруг озера кру-

тимся, будто бес нас водит. Тогда-то и обморозила ногу, ведь сутки мы крутились, плутали, пока буран не утих. Оленей накормили и дальше в путь тронулись.

Вот нога-то теперь меня и докоряет. С костыльком да палочкой передвигаюсь.

Живет баба Лиза в деревянной половине большой избы, некогда купленной для нее райрыболовпотребсоюзом за две тысячи. Обстановка не ахти: две старые кровати с панцирными сетками, в углу стол для деловых бумаг, телевизор «Рассвет». Банное окошечко, разномастные стулья и шторы. Но комната большая — и спальня, и горница для гостей и для хозяйки.

Впрочем, гостей у бабы Лизы теперь не бывает, чаще навещают внуки да сын с невесткой. У дома небольшой клочок земли под мелочь и картошку.

— На огороде небось дети орудуют? — интересуюсь у бабульки.

— Да нет, сама, — отвечает, — и копаю, и сажу. Ну, правда, внуки помогают.

Назвала одного по фамилии, оговорившись, что врачом работает, а живет — как к базару едешь. После института приехал, женился, так и живет, иногда заходит.

Сын Елизаветы Ивановны Юрий дровами «пособляет», невестка что-то из магазина принесет. А нынче они в отъезде, к Черному морю подались, так соседи к старушке заскакивают узнать, не нуждается ли в чем. Так и живет Елизавета Ивановна, больше на людей да на родных опираясь.

Большую семью она имела в молодости, шестерых детей понимала, в живых, однако, четверо остались. А при ней, то есть в одном городе, только Юрий живет, дочь Августа в Лямино, двое — в Нижневартовске. Она очень долго вспоминала их по именам, сокрушаясь, что памяти не стало.

И все повторяла, что они ее не забывают, а Августа за отцом до самой смерти ухаживала.

— Не жили мы с ним в последние годы, — говорит. — Он все на баб заглядывался, от греха и уехала я сюда, на Север. Там, в Ишиме, учителем была, а здесь закончила бухгалтерские курсы и в торговлю пошла. Сначала была бухгалтером, потом в Тром-Агане председателем рыбкоопа избрали. Большая тогда была деревня, к нам относились Русскинские, Кочевые... А как в Сургут переехала, стала работать бухгалтером-ревизором. Тут и старость подкралась.

Муж тоже в года вошел, писать начал, чтобы вроде как опять вернуться. Ну Августа и решила съездить за ним. Привезла сюда в этот дом, уже больного и немощного. Низко он поклонился, говорит: «Прости меня, Елизавета Ивановна». А я в ответ: «Пусть тебя твои бабы простят». Тогда Гутя и говорит, что увезет его в Лямино. Там он и помер, лежит один в большой ограде, и я, пожалуй, вслед за ним отправлюсь. Уж на вечное жительство туда рядом с ним путь положат. Отец ведь он всем моим детям, а я мать.

Провожая, она все повторяла, суетясь: «Бедность — не порок». А так хотелось бы мне видеть надежную старость, тем паче поведыря, при котором старухе было бы уютно, тепло и защитно.

*Г. Кондрякова,
1991 г.*

УЛИЦА КРАСНЫХ ПАРТИЗАН

Я, Неуймина (Конева), хорошо помню, как началась Великая Отечественная война. Жила я в Зейново Самаровского района. Отец, Конев Галактион Федорович, 1900 года рождения, в 1941 году был председателем сельсовета.

В начале сентября 1941 года призвали взрослых мужчин на фронт. Хорошо помню, как на переполненных катерах из деревень Сельярово, Зейково, Конево забирали мужчин и везли в Самарово, а через два дня увозили на пароходах в Тюмень и Омск. Увезли отца и еще четырех его братьев. Воевал он на Калининском фронте и в июне 1942 года был убит.

В августе 1942 года мы из Зейново приехали в Сургут, где в райфо работал мой брат — Конев Николай Галактионович. Приехали 1 августа, а 5 августа 1942 года забрали в армию и восемнадцатилетнего брата. Мы поселились с матерью, Коневой Верой Ивановной, в Сургуте на улице Красных партизан.

Улица была небольшая, но на ней жили такие родные, добрые люди, которые помогали друг другу чем могли в те тяжелейшие годы войны.

Начиналась улица от Бардоковки, если идти от реки по улице к Сайме с другой стороны (конца) улицы. По правую сторону жила в небольшом доме тетя Шура Кондакова, сестра Нины Михай-

ловны, работала почтальоном. За ее домом, на горе, стоял дом Тверетинных. Большая у них была семья. На левой стороне жила Ираида Васильевна Голдобина — старейшая учительница Сургу-та, у которой я училась в четвертом классе в 1942—1943 годах. Муж ее до войны был работником райисполкома. Погиб за несколько дней до победы. Рядом с ее домом стоял большой дом на две половины. В одной половине жила Куйвашева тетя Пана — это мать Куйвашева Федора Александровича, призванного на фронт. Во второй половине жили Веркутес (они, по-моему, приехали из Литвы, и у них на квартире жила повар детдома Александра с сыном Коко). Напротив стоял большой, на три квартиры, дом — дом леспромхоза. В первой квартире жили эвакуированные ленинградцы: отец в возрасте 50—60 лет и дочь 30—40 лет, работали в аптеке, так как были фармацевтами. Во второй квартире (комнате) жили мы с мамой, и жила у нас моя сродная сестра из Конево, она училась в школе, отец ее был на фронте, а у матери остались четверо детей. Чтобы хоть как-то им помочь, мы взяли Зою Сергеевну к себе, чтобы она училась. Сейчас она живет в Ханты-Мансийске. В третьей квартире (одна комната) жили Тарханова тетя Катя и сыном Сашей, который после окончания семи классов проработал в связи всю жизнь. А за стеной был собственный дом — две комнаты и кухня — моего дяди, Ефима Федоровича Конева, где рос, учился, жил Юрий Ефимович Конев.

У дяди, Ефима Федоровича, была «бронь», и он работал председателем рыбколхозсоюза.

За нашим домом был дом Кондаковых на две половины. В одной жил Иван Михайлович — отец Зои Ивановны Ткачевой, ветерана связи. В другой половине — Нина Михайловна, продавец спецмагазина, в котором отоваривались только привилегированные люди. Напротив находилось Заготовивсырье. Хорошо помню, что там работала уборщицей тетя Клава Коскина, которая воспитывала шестерых детей. Все они были работающими, добрыми. Дальше находилась почта, напротив жили Каляповы (Кайдаловы). Два сына — Алексей и Виктор — умерли, а дочь Тамара живет здесь.

За ними стоял большой красивый дом рыбозавода, и жили там Чащины. Чащин работал директором рыбозавода, а Нина Михайловна — учителем на Черном Мысу (кажется, даже директором). Семья у них была большая, по-моему, восемь человек. Я

дружила с Любой — Любовью Александровной Кондаковой, которая до конца жизни работала директором седьмой школы. Напротив жили Буканины, а за Чащиными — Мельниковы. Налево — небольшая семья Уженцевых, глава семьи возглавлял отделение связи, а Анна Ивановна работала телефонисткой-телеграфисткой. Дальше стоял дом Веры Панкиной, дочь которой, Зоя Петровна, живет в Москве...

СВИДАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Спустя 45 лет, мне вновь довелось побывать в Сургуте, откуда я был мобилизован в ряды Советской армии. Много лет пролетело и воды утекло с тех пор. А какие перемены произошли! Сургут стал городом.

Работал я учителем с 1931 года, и было мне 17 лет, теперь уже 73. Многих деревень, таких как Сахаль, Ямской, Сухой Сытоминского Совета, Рыбачий — Тундринского, где я учительствовал, уже нет на карте. Работал в Песчаном, Тундрино, потом в Нагорном Локосовского сельского Совета, где был директором.

Июнь 1942 года стал поворотом в моей жизни, как, впрочем, и в судьбе моих сверстников. В армии меня переквалифицировали на медработника. Прослужил в Вооруженных силах 22 года. Уволился в 1964-м.

И вот почти через полвека я вновь в краю моей юности. Можете представить мои чувства, мое волнение, когда ступил на знакомую землю. Я в городе, которого тогда не было. Понимаю, что для тех, кто теперь живет в Сургуте 20, 25, 30 лет, он воспринимается как обычное явление, ведь мало кто знаком с некогда сплошь деревянным селом.

О новой судьбе югорской земли прочитал в книге «Тюменский меридиан» с большим вниманием и удовольствием. Не упустил случая — совершил экскурсию по городу, был в аэропорту, на железнодорожном и речном вокзалах, на ГРЭС, в городском исполнительном комитете, горвоенкомате, посетил мемориал Славы, почтил память близких и знакомых, Дом пионеров. Нашел остатки старой улицы Просвещения, где сохранилось два деревянных дома.

В одном из них, бывшей красной школе, — краеведческий

музей. Зашел и познакомился с экспонатами, увидел знакомую фотографию учителей на конференции 1936 года, там снят и я. Аналогичная фотография висит и в Доме пионеров. Многие вспомнилось, будто еще раз пережил свою молодость. Погрустил о далеком прошлом, о тех, кого уже нет рядом с нами. Но некоторые коллеги и ныне здравствуют. Увиделся с ними, товарищами по труду того времени.

Многие из них известны сургутянам. Это И.В. Голдобина, З.С. Доронина, Н.М. Чащина, З.Т. Скутин, П.Г. Киреев, А.С. Тырикова, семья Муровых. В Сургуте и районе есть и мои бывшие ученики.

Я пристально всматриваюсь в облик города, проехал по улицам Мелик-Карамов, Энтузиастов, Энергетиков, Губкина, Набережной, по другим новым магистралям возведенного города. Любовался его благоустроенностью, порядком, красотой.

Уехал отсюда с убеждением, что город этот на земле сибирской утвердился прочно и навечно. Имею теперь представление о Нижневартовске, Нефтеюганске, где живут первопроходцы, преобразившие лицо некогда глухой провинции. Такое под силу только советским людям, открывшим эру Октября. В этот знаменательный год шлю свои поздравления всем, кто пришел на эту землю вдохнуть в нее новую жизнь.

*А. Шахов,
г. Омск, 1987 г.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
I. ФЛЕГОНТ ЯКОВЛЕВИЧ ПОКАЗАНЬЕВ	
Годы твои — песни твои	5
Из автобиографии	6
Слово о товарище	10
Из партийных характеристик	13
<i>Ф. Я. Показаньев. Где и как я жил,</i>	
когда учился в школе	15
Из воспоминаний детства	19
Неосуществленная мечта	22
Тридцатый год	23
<i>Из неопубликованного</i>	
Ленькина наука	27
По страницам архива Пирожникова	30
<i>Публицистика</i>	
Будет ли в Сургуте историко-этнографическая зона?	37
Как создавался Сургутский краеведческий музей	38
Речи, выступления, тосты	41
Всплывшее в памяти воспоминание	47
Что я сделал для города	48
Перечень лекций, докладов, справок о Сургуте	50
<i>И это все о нём</i>	
(Из воспоминаний сургутян и родных)	52
Земля, на которой вырос	57
Кто он: историк, археолог, лектор?	61
Летописец	64
<i>Ф. Я. Показаньев. Завещание</i>	75
Показаньев Флегонт Яковлевич	
Показаньеву Андрею Николаевичу	75
<i>Ф. Я. Показаньев. Исповедь</i>	76
Правительственные награды	78

II. СУРГУТ: ЛЮДИ И ГОДЫ *И. Захаров*

Сургутский календарь	82
Все начиналось от Барской горы	95
По улице Советской	97
Улица Просвещения	101
Улица Республики	103
Наша Сайма — ожерелье города	107
По ту сторону Саймы	110
Здоровье из парка	113
Сургутские бани	118
Рыбное место	120
Белоярская пристань	122
Вечерки	124
Веревочка	128

III. СЕВЕРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

Сургуту 300-тысячным не быть?	132
Сургут поэтический	135
<i>С. Пивоваров. Стихи</i>	140
Тепло ляминской школы греет память и сегодня	147
Жила деревня Кирьяс	150

Нужна ли ханты цивилизация?

Интернат в Угуге	153
Интернат в Агане	156
Родное село мое	160

IV. СУРГУТСКИЕ МОГИКАНЕ

Андрей Николаевич Сибирцев	166
Юрий Ефимович Конев	170
Помним всегда	173
Зоя Харитоновна Трофимова	175
Зинаида Макаровна Зырянова	180
Валентин Федорович Солохин	183
Аркадий Степанович Знаменский	189
Василий Васильевич Смехов	190
О, эти пожелтевшие страницы!	191
Комментарии к воспоминаниям	192
Живая связь времен	194
Виктор Владимирович Бауэр	196
Мargarита Романовна Пухленкина	197

Анастасия Ивановна Бронникова	204
Генрикас Стяпо Побединкас	207
Петр Семенович Бахлыков	210
Василий Андреевич Кушников	212
Евгений Никитович Жаворонков	213
Валентина Дмитриевна Козлова	215
Вахловы	216
Калюжины	217
Анатолий Михайлович Федулов	219
Виктор Гаврилович Бахмат	224
Василий Васильевич Бахилов	227
Незабываемые встречи	230
Борис Лаврентьевич Кондаков	231
Нажметдин Уакпаевич Жумажанов	231
Дарья Харисанфовна Домашова	232
Щепеткины	234
Василий Ларионович Сидорейко	242
Сергей Николаевич Сафонов	245
Елизавета Ивановна Андреева	247
Улица Красных партизан	249
Свидание с юностью	251

СУРГУТ И СУРГУТЯНЕ

Рассказ о людях и времени

**Книга издана по заказу
администрации г. Сургута**

Художественный редактор В.Дыба.
Технический редактор Ю.Мандрика.
Корректор Н. Самойлик.
Оператор ПЭВМ Н.Нохрина.

Сдано в набор 15.01.98 г.
Подписано в печать 13.05.98 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 10,48. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж 3000. Заказ № 117.

Лицензия ЛР №065834 от 23.04.98 г.

Предприниматель Ю.Л. Мандрика

Адрес для переписки: 625002, г.Тюмень, а/я 5579.
Тел. (345-2) 25-12-84.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ИПП «Уральский рабочий».
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

